ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

Мартъ и Апрѣль

МОСКВА.

1808.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XXXVIII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1808.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1808.

No 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Отрывки изъ новыхъ записокъ Гжи. Жанлисъ.

Господинъ Р* * былъ страстно влюбленъ въ Маркизу М* *, которая ничего не подозрѣвая обходилась съ нимъ, по обыкновенію, непринужденно, какъ съ старымъ, искреннимъ пріятелемъ, любезнымъ по добродушію своему и честности. Однажды ввечеру, сидя наединѣ съ Маркизою и будучи не въ состояніи долѣе скрывать своего чувства, Господинъ Р* *, безъ всякаго предисловія, падаетъ на колѣна и осыпаетъ ее нѣжнѣйшими выраженіями страсти. Такое нечаянное, неприготовленное признаніе показалось забавнымъ для Маркизы; она засмѣялась и въ шутку ударила Господина Р* * по

лицу ручнымъ экраномъ; къ нещастїю мѣдный гвоздь, которымъ экранъ прикрѣпленъ былъ къ рукояткѣ, воткнулся въ носъ Гна. Р**. Маркиза М** захохотала, отдернула руку; но экранъ повисъ на носу и закрылъ, наподобїе маски, все лице обожателя. Въ ту самую минуту входитъ гость. Маркиза продолжаетъ хохотать; Господинъ Р**, пользуясь своимъ нещастїемъ, встаетъ и бѣжитъ вонъ съ экраномъ на носу, который отцѣпилъ не прежде, какъ въ прихожей. Посѣтитель, не видавъ его въ лице, не могъ отгадать, кто онъ. Маркиза М** не хотѣла открыть его имени; но Господинъ Р** явился на другой день въ общество съ страшнымъ рубцомъ на носу, и всѣ узнали его тайну.

*

Признаемся, къ чести писателей, что всѣ они — разумѣется только тѣ, которые имѣютъ дарованїе — вообще не столько мстительны и злы, какъ другїе люди; въ спорахъ своихъ бываютъ они и горячи и грубы, но въ примиренїи всегда искренни; имѣя чрезмѣрно раздражительное и нѣжное самолюбїе, они вспыльчивы, но размышленїе или, лучше сказать, прїятность уединеннаго занятїя всегда успокоиваетъ ихъ досаду. Личная ненависть отравляетъ душу: ея намѣренїя и про-

ски ужасны; ненависть писателя не имѣетъ ни такой силы, ни такой жестокости (не говорю о нѣкоторыхъ исключенїяхъ); она не можетъ уничтожить ни человѣколюбїя, ни взаимнаго уваженїя. Хорошїй писатель, читая несправедливую критику, не сердится, но горячится; написавши отвѣтъ свой, онъ доволенъ, онъ отмстилъ, онъ все забываетъ, онъ готовъ простить, естьли только книга его заслужила всеобщее одобренїе. Одни худые ораторы — (замѣчено въ Англїйскомъ Парламентѣ) — ненавидятъ своихъ противниковъ; то же можно сказать и о писателяхъ: писатель безъ дарованїя неумолимъ; всякое колкое слово, противъ него сказанное, имѣло свое дѣйствїе. На поприщѣ Литтературы необыкновенныя достоинства не могутъ быть утѣсняемы; тамъ погибаютъ одни глупцы, которымъ потому именно и естественно быть мстительными; для нихъ не существуетъ *великаго безпристрастнаго судилища;* они увѣрены внутренно, что Публика не уничтожитъ приговора, убїйственнаго для ихъ славы. Никогда искренняя привязанность не бывала производима ласкательствомъ, и критика писателей никогда не можетъ приключить продолжительной, глубокой ненависти: она не дѣйствуетъ на душу! слѣдовательно сердце

нѣжнѣе и чувствительнѣе самолюбія: истинна утѣшительная для человѣчества!

*

Извѣстно по Исторіи, что Крезовъ сынъ, нѣмой отъ рожденія (но не глухой), увидя непріятельскаго воина, который замахнулся мечемъ на отца его, вдругъ получилъ употребленіе языка и воскликнулъ: *воинъ, не убивай Креза!* Въ ребячествѣ своемъ была я свидѣтельницею подобнаго произшествія, которое неизгладимо запечатлѣлось въ моей памяти. Вотъ оно: тетка моя, Графиня де Серсей, находилась съ мужемъ своимъ, который отъ паралича не имѣлъ движенія въ половинѣ тѣла, у теплыхъ водъ въ Бурбонъ-Ланси. Болѣе двухъ мѣсяцовъ жили они въ семъ мѣстѣ: воды не дѣйствовали, больной лежалъ въ постелѣ, безъ памяти, почти безъ движенія, совершенно лишенный правой руки, которая одеревенѣла. Въ это время Графиня получаетъ отъ Господина де Шезака, тогдашняго начальника Французской морской силы (Французы были въ войнѣ съ Англичанами) письмо, наполненное похвалами сыну ея, шестнадцати-лѣтнему молодому человѣку, который сражался какъ герой, первый вскочилъ на непріятельскій корабль и, не смотря на раны свои, всѣхъ привелъ въ изумленіе чудесною храбростію. Непрія-

тельской корабль взяли, сраженіе кончилось, молодаго де Серсея, обагреннаго кровію, спросили, гдѣ онъ раненъ? *Не знаю*, отвѣчалъ онъ; *думаю, что это кровь Англичанъ, потому что я ничего не чувствовалъ.* Но кровь была точно его: онъ получилъ три раны, хотя очень легкія. Въ письмѣ Господина де Шезака приписалъ онъ нѣсколько строкъ собственною рукою къ матери. — Графиня де Серсей, думая, что мужъ ея сохранилъ еще нѣкоторую внутреннюю чувствительность, рѣшилась прочесть ему письмо. Въ горницѣ было шесть или семь человѣкъ, въ томъ числѣ и я. Отдернули занавѣсы, окружили постель; я стояла на колѣняхъ на табуретѣ, внимательно разсматривая лице больнаго, который, казалось, совсѣмъ не замѣчалъ происходившаго передъ его глазами. Графиня садится въ головахъ, произноситъ громко имя Армана, ихъ сына, къ которому отецъ особенно былъ привязанъ. Мой другъ! — говоритъ она — Арманъ чрезвычайно отличилъ себя въ сраженіи! Лице больнаго перемѣнилось: онъ подымаетъ глаза и пристально смотритъ на супругу свою. Графиня читаетъ, явственно и тихо, письмо Господина де Шезака. Больной слушаетъ, и вдругъ видимъ въ глазахъ его слезы; онъ подымаетъ руку, дотолѣ хладную и

неподвижную, и трогательно произноситъ: *О Боже!* . . . Всѣ заплакали; думали, что болѣзнь миновалась; но сїе чудо чувствительности совершилось единственно для того, чтобы нещастный страдалецъ въ послѣднїй разъ насладился радостїю отца. Послѣднимъ дѣйствїемъ разсудка его было страстное движенїе восторга и чувство благодарности къ Существу Всевышнему; все бытїе возобновилось въ немъ при имени милаго сына; юноша, удаленный отъ семьи, дѣлами благородными оживотворилъ на минуту угасающаго отца своего; старецъ почувствовалъ жизнь со всемъ ея блаженствомъ! . . . скоро потомъ прекратилась она и навѣки.

*

Какъ несправедливы и, можно сказать, безразсудны насмѣшки свѣтскихъ людей надъ многими драгоцѣнными и въ общежитїи необходимыми добродѣтелями! Сколько вреда надѣлали онѣ обществу и сколько характеровъ испортили! Безпрестанно кричатъ: *люди, ни въ чемъ неотступающїе отъ порядка, несносны!* Почему же? Не потому ли, что любятъ до излишества точность; что отвѣчаютъ по первой почтѣ на всякое ваше письмо и нужное и ненужное; что никогда не пропустятъ минуты, назначенной для

свиданія; что никогда не потеряютъ ввѣренной имъ вещи; что помнятъ свои обѣщанія; что можно всегда положиться на ихъ слово? — Признаюсь, для меня такіе люди *сносны*! По крайней мѣрѣ имѣю слабость предпочитать ихъ тѣмъ разсѣяннымъ или слишкомъ заботливымъ людямъ, которые въ связяхъ своихъ такъ ненадежны, забывчивы и неточны! Охотно вѣрю, что сіи блистательные недостатки могутъ служить истиннымъ признакомъ генія, что они *неразлучны* съ дарованіями необыкновенными; но, къ стыду своему, нахожу, что они уступаютъ честности, осторожной и неизмѣнной въ самыхъ мѣлкихъ подробностяхъ, точности, порядку, вѣрности въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни.

*

Я слышала мнѣніе, которое нахожу страннымъ, и вообще несправедливымъ. Покажите мнѣ, говорилъ Господинъ В * *, роспись вашего гардероба и мебелей, и я берусь очень вѣрно описать вашъ умъ и характеръ. Но Фридрихъ Великій имѣлъ самый странный и ребяческій вкусъ въ уборкѣ своихъ покоевъ; на примѣръ: кто бы сказалъ, смотря на кровать его, украшенную розовыми занавѣсками съ серебромъ, что она принадлежитъ воину, который вѣчно спалъ въ сапогахъ и шпорахъ? Та-

кая метода размышленія весьма незатруднительна; путешественники наши обыкновенно употребляютъ ее. Стоитъ замѣтить *мимоходомъ*, и все знаешь; система готова, не надобно терять ни размышленій, ни времени. Но путешествіе будетъ составлено изъ однѣхъ догадокъ? Какая нужда! Въ старину путешественникъ имѣлъ необходимость въ здравомъ смыслѣ и точности; нынѣ будь проницателенъ, и довольно! Диво ли, скажете, описывать такую вещь, которую видѣлъ, разсматривалъ, а можетъ быть еще и сравнивалъ съ другими? Важность, изобразить понятно и сходно то, что угадалъ, не видавши глазами? Не спорю, что многія такія догадки могутъ быть очень смѣшны и, естьли хотите, глупы! а по нимъ и самъ путешественникъ покажется и смѣшнымъ и глупымъ, — но чемъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе и славы! Скажу однако, что въ этомъ случаѣ не могу, по совѣсти, причислить себя къ *славнымъ*. Вотъ что случилось со мною въ Гамбургѣ: я наслышалась, что Протестанты, большіе неохотники до всякаго церковнаго убранства, никогда не украшаютъ церквей своихъ цвѣтами. Будучи въ Гамбургѣ, я любила прохаживаться одна по городскимъ окрестностямъ; однажды увидѣла нѣсколько смежныхъ крестьян-

скихъ садовъ, раздѣленныхъ низенькими заборами; вхожу въ одинъ: все наполнено огородными овощами и зеленью, выключая одной довольно пространной площадки, усѣянной прекрасными цвѣтами; извѣвляю хозяйкѣ свое удовольствіе! — Мы разводимъ эти цвѣты для церкви, отвѣчаетъ она. — Какъ для церкви? спрашиваю съ удивленіемъ. — Такъ точно, сударыня! мы вяжемъ изъ нихъ пучки, съ которыми ходимъ по воскресеньямъ къ обѣднѣ. Загляните въ сосѣдніе сады: во всѣхъ найдете такія же площадки съ цвѣтами. — Отвѣтъ былъ ясенъ, но я еще сомнѣвалась; иду въ другой садъ; крестьянка не обманула меня: и здѣсь нахожу площадку, усѣянную цвѣтами; въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ садахъ тоже! Возвращаюсь домой и записываю въ журналъ: *Протестантскіе крестьяне въ Гамбургѣ богомольнѣе Католиковъ! Они разводятъ цвѣты для украшенія церквей своихъ.* И я конечно сохранила бы свое заблужденіе, когда бы на другой же день оставила Гамбургъ; но дней черезъ пять прихожу въ Протестантскую церковь, ни у глазами цвѣтовъ, не вижу ни одной гирлянды; за то замѣчаю, что большая часть поселянъ и поселянокъ имѣютъ въ рукахъ букеты; спрашиваю о причинѣ, мнѣ говорятъ: „Въ нашемъ городѣ пучки

цвѣтовъ означаютъ *собственность;* одинъ только владѣлецъ имѣетъ на нихъ право, и вы найдете почти во всѣхъ крестьянскихъ садахъ особую гряду для тѣхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ составляются пучки церковные. Крестьянинъ, неимѣющій собственности, не смѣетъ явиться въ церковь съ букетомъ; этою привиллегіею исключительно пользуются одни владѣльцы. Здѣсь цвѣты почитаются знакомъ отличія, которое слишкомъ дорого для суетности Гамбургскихъ поселянъ и поселянокъ!" — И я поспѣшила вычеркнуть изъ своего журнала всѣ прекрасныя разсужденія о набожности Протестантовъ, живущихъ въ Гамбургѣ. Весьма опасно полагаться на свидѣтельство наружности; она обманываетъ путешественника и тогда, когда, по видимому, имѣетъ онъ всѣ нужныя для него объясненія.

II.

Къ неизвѣстной дѣвицѣ, которой пріятный голосъ часто слышу, но которой никогда не видалъ въ лице.

О ты, которая скрываешься отъ взоровъ,
Любезно божество, иль милая мечта!
Единая изъ Фей, Царица горнихъ хоровъ!
Иль дѣва смертная, Славянокъ красота —

*

Непостижимая!... тебя я понимаю!..
Нѣтъ болѣе препонъ, дѣлящихъ насъ съ тобой....
Когда — восторженный — твой сладкій гласъ внимаю,
Я зрю тебя, не зрѣвъ!... такъ! — ты передо мной!...

*

Кто чувства выражать способенъ столь прелестно,
Тому ли въ сердцѣ чувствъ нѣжнѣйшихъ не питать?
Ахъ! пѣснь твоя — органъ души твоей небесной:
Однимъ чувствительнымъ гармоніей плѣнять! —

*

Природа, чудеса которой ты гласила,
Природа ли себѣ захочетъ измѣнить? —

Нѣтъ! мать гармоніи, — она опредѣлила,
Прекраснѣйшей душѣ въ прекрасномъ тѣлѣ
жить! —

*

Склонясь надъ арфою, въ священномъ умиленьѣ,
И взоры устремя къ мерцающимъ звѣздамъ,
Зари вечернія ты славишь появленье,
И тихій сердца миръ, безвѣстный злымъ
сердцамъ!

*

И се, — думъ горнихъ полнъ, — за звукомъ струнъ гремящихъ,
Твой умъ теряется Всевышняго въ дѣлахъ,
Я вижу новый свѣтъ и Ангеловъ парящихъ,
И Бога и . . . тебя въ блистающихъ лучахъ! —

*

Но вдругъ униженъ тонъ . . . въ душѣ моей
унылость; —
Я чувствую, какъ малъ предъ Вышнимъ человѣкъ, —
Но гласомъ сладостнымъ твоимъ вѣщаетъ
Милость:
Сынъ праха, ободрись! печали кратокъ вѣкъ! —

*

Такъ! есть безсмертіе! . . . оттоль сей
звукъ изходитъ! —
Онъ камнямъ жизнь даетъ, онъ движетъ
древеса; —
Онъ злобнаго на гробъ неволею приводитъ, —
Онъ мирно праведныхъ зоветъ на небеса! . . .

*

Смятеніе вокругъ.... гулъ битвы пролетаетъ!
Стукъ копій, звонъ щитовъ, свирѣпыхъ клики, стонъ!
Гремитъ! еще, еще . . . вдругъ тише, — замираетъ —
И гласъ побѣды слитъ со гласомъ похоронъ! —

*

Кто шествуетъ во тмѣ на дикомъ полѣ боя?
Власы взвѣваетъ вѣтръ, смерть блѣдная въ очахъ!
Невѣста юная! . . . . ахъ! нѣтъ уже героя! . . .
Нѣтъ милаго . . . онъ палъ . . . и въ прахѣ смерти . . . страхъ!

*

Съ любовью рукъ своихъ къ тебѣ не простираетъ;
Уста закрытыя тебя не назовутъ! —
Не ждите мать, отецъ! — онъ *тамъ* васъ ожидаетъ,
Тамъ, тамъ, куда ни смерть, ни горесть не придутъ.

*

Но слезы осушимъ! другое пѣснопѣнье!
И радость и печаль, все слито подъ луной!
Разлука горестна, — но сладко съединенье! . . .
И щастье мило намъ лишь прошлою бѣдой.

*

Въ вечернемъ сумракѣ нѣжнѣйшей полны страсти,
Любовники одни . . . нѣтъ словъ . . . рука съ рукой!
Не вѣрятъ щастїю и новой ждутъ напасти; —
Нѣтъ, насъ не разлучатъ! *моя! — ты вѣчно мой!*

*

Онъ арфу взялъ . . . . свои печали воспѣваетъ,
Какъ онъ каралъ враговъ, какъ видѣлъ смерть въ поляхъ!
Красавица дрожитъ, блѣднѣетъ, оживаетъ,
И вся душа ея драгова на устахъ. —

*

Сколь силенъ твой языкъ, о смертныхъ утѣшенье —
Могущая Любовь! сомнѣнїе съ тоской,
Надежды, жалобы, восторги, упоенье,
Блаженство двухъ сердецъ . . . . Волшебница! — постой!

*

Я въ страхѣ, трепещу! . . . кто пѣсни сей внимаетъ?
Кто, слишкомъ щастливый, у ногъ твоихъ лежитъ,
Томится, слезы льетъ, любовью нѣжной таетъ,
И на глазахъ твоихъ ея сїянье зритъ? —

*

Ты плачешь и сама . . . . звукъ молкнетъ . . . . нѣтъ! мечтанье!
Нѣтъ, Ангелъ! ты одна съ вечернею зарёй!
И пѣснь твоя есть чувствъ безвѣстныхъ изліянье!
Твой геній въ тишинѣ бесѣдуетъ съ тобой!

*

Все мертво — все молчитъ, какъ ночь въ могилѣ хладной!
Гдѣ ты, Прекрасная? — что сдѣлалось со мной? . . .
Что, сердце, ты грустишь? . . . не вѣрь мечтѣ отрадной! —
Ахъ, поздно! . . . . ахъ! прости свобода и покой!

Мрзлке.

III.

Письмо къ Издателю.

Мода мѣняется, Государь мой, очень часто, и на все! — Давно ли наши Журналы были наполнены одними иностранными анекдотами? Нынѣ Господа Журналисты обратили глаза и на Россїю: не рѣдко находимъ въ листахъ ихъ извѣстїя о великодушныхъ поступкахъ нашихъ соотечественниковъ. Хорошее дѣло! — Надобно думать, что эта мода продолжится долѣе обыкновенной; а я съ своей стороны желаю, чтобы она никогда не перемѣнялась! Въ Россїи, можно надѣяться, увидимъ много послѣдователей такой модѣ!

Пользуясь общимъ разположенїемъ умовъ, спѣшу сообщить вамъ любопытный анекдотъ, который разсказывали мнѣ въ Якутскѣ. Удивительно, что никому прежде меня не пришло въ голову описать сего произшествїя, весьма многимъ извѣстнаго, и совершенно достойнаго вниманїя Публики!

Лена, рѣка, орошающая городъ Якутскъ, при вскрытїи своемъ обыкновенно разливается на великое пространство; причиняетъ въ окружныхъ селахъ большїя

разоренія, не рѣдко уносить домы и скотъ принадлежащіе Якутамъ, живущимъ на островахъ, которыми Лена усыпана.

Въ 1807 году разлитіе было необыкновенно велико; домы, людей и скотъ несло вмѣстѣ со льдомъ; вода затопила и нѣкоторую часть города. За нѣсколько часовъ до вскрытія, два, не помню три солдата перешли, еще по крѣпкому льду, на одинъ изъ острововъ Лены стрѣлять перелетныхъ гусей; но ледъ взломало такъ быстро, что бѣдные стрѣлки никакъ не успѣли возвратиться въ городъ; скоро и самый островъ былъ занятъ водою, льдины помчались черезъ него съ ужасною силою, и наконецъ обоихъ стрѣлковъ понесло внизъ по теченію. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ острова ледъ сперся, и льдина, которая служила убѣжищемъ для солдатъ, остановилась противъ самаго города; нещастные смотрѣли на него, не смѣя надѣяться помощи. И въ самомъ дѣлѣ не было никакого средства подать ее: дулъ ужасный вѣтеръ; льдины, ударяясь одна объ другую, ломались съ трескомъ. и всякую минуту слабый ковчегъ, на которомъ стрѣлки ожидали смерти, готовъ былъ разсыпаться въ дребезги.

Цѣлыя сутки просидѣли они въ виду города; жители толпились на берегу,

смотрѣли на погибающихъ и отчаявались въ ихъ спасенїи. Вдругъ является купецъ, Степанъ Зотѣевичь Протодьяконовъ; подзываетъ своего прїятеля, купца Ушакова, бывшаго прежде у него прикащикомъ, и говоритъ: „Ты всегда назывался моимъ другомъ, всегда увѣрялъ, что не оставишь меня и въ смерти: вотъ случай доказать, что ты говорилъ правду! Согласишься ли вмѣстѣ со мною идти на помощь къ этимъ нещастнымъ?“ — Господинъ Протодьяконовъ возвращается съ берегу домой, приказываетъ, тайно отъ домашнихъ, вытащить на рѣку лодку и нѣсколько досокъ, находитъ жену и дѣтей своихъ за обѣдомъ, беретъ ломоть хлѣба, не прощается съ больнымъ отцемъ, не говоритъ никому ни слова и уходитъ. Семейство Гна. Протодьяконова, проникнувъ его намѣренїе, бѣжитъ на берегъ, видитъ его уже перебирающагося вмѣстѣ съ лодкою со льдины на льдину, зоветъ его назадъ; но онъ, даже не оглянувшись, продолжаетъ свое опасное путешествїе. Товарищь его безпрестанно скользитъ, падаетъ, срывается съ досокъ, но всякой разъ обязанъ спасенїемъ хладнокровїю и присутствїю духа Гна. Протодьяконова.

По многимъ усилїямъ и опасностямъ, приближаются они къ солдатамъ, по-

терявшимъ уже надежду спастися; находятъ ихъ совершенно ослабѣвшихъ, сажаютъ съ собою въ лодку и привозятъ на берегъ. Семейство Гна. Протодьяконова бросается къ нему въ объятія, мать одного изъ солдатъ цѣлуетъ его ноги, народъ съ радостными слезами и крикомъ встрѣчаетъ достойныхъ своихъ сограждань, проситъ имъ благословенія отъ Бога, и провожаетъ ихъ съ торжественными восклицаніями до самаго дома. — Какой тріумфъ! Какіе побѣдители были встрѣчаемы съ такою искреннею любовію?

Начальство исполнило долгъ свой, представя о семъ благородномъ поступкѣ Государю Императору. Оба героя награждены медалями; я самъ былъ свидѣтелемъ, когда Начальникъ Якутской области, Гнъ. Карташевской (достойный человѣкъ, которому городъ во время описаннаго мною наводненія обязанъ чрезвычайными пособіями), возложилъ одну изъ нихъ на Гна. Протодьяконова — онъ закраснѣлся и сказалъ: „Я сдѣлалъ то, что всякой, на моемъ мѣстѣ, способенъ сдѣлать! Государь Императоръ слишкомъ милостиво награждаетъ маловажный поступокъ — да благословитъ Его Господь Богъ!“

Думаю, Государь мой, что описанїе такого произшествїя не можетъ быть скучнымъ для читателей вашего Вѣстника. Можете сократить его, естьли найдете слишкомъ длиннымъ; но я, изъ уваженїя къ великодушному и истинно благородному человѣку, не осмѣлился опустить ни единой подробности.

Г. Д.

P. S. Извините, что не подписываю своего имени: поступокъ Господина Протодьяконова извѣстенъ многимъ и уже награжденъ, слѣдовательно не можетъ быть вымышленнымъ (*).

(*) Издатель искренно благодаритъ почтеннаго незнакомца за присланный ему анекдотъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ осмѣливается надѣяться, что новая или, правильнѣе сказать, старинная прародительская и очень недавно возобновленная мода, предпочитать Руское иностранному, найдетъ (какъ онъ сказалъ въ своемъ письмѣ) послѣдователей въ Россіи; что можетъ быть, со временем, рѣшимся называть Россію Отечествомъ, Рускія добродѣтели — добродѣтелями, Рускія дарованія — дарованіями; не будемъ *удивляться* когда нѣкоторые чудаки начнутъ публично говорить, что наши сограждане имѣютъ собственный умъ, которымъ порядочно дѣйствуютъ при слу-

IV.

Лафатеръ.

Имя Лафатера замѣтно въ лѣтописяхъ образованія и заблужденій осьмагонадесять вѣка. Онъ родился въ Цирихѣ, 15 Ноября 1741 года; въ ребячествѣ своемъ казался добродушнымъ, тихимъ, но робкимъ родственники называли его плаксою; вообще предпочиталъ онъ тогда наукамъ забавы, и болѣе всего любилъ заниматься лѣпленіемъ восковыхъ фигуръ или математическими дѣтскими игрушками. Записавшись въ школу, онъ совершенно пристрастился къ ученію. *Брейтингеръ*, *Бодмеръ* и нѣкоторые изъ сверстниковъ воспламенили въ немъ благородную ревность; сильный патріотическій энтузіазмъ овладѣлъ душею молодаго Лафатера — и теперь не забыли еще въ

чаѣ; что они сами способны воспитывать дѣтей, учить ихъ правиламъ чести, Закону Божію, и даже — въ состояніи готовить Французскіе соусы, или шить Французскіе чепцы à l'incroyable. Придетъ время, что въ прибавленіи Московскихъ Вѣдомостей не будутъ печатать: потребны садовникъ, коровница и мадамъ или мамзель для обученія дѣтей! (Смотри No 15.) *Ж.*

Цирихѣ о той опасной и упорной распрѣ, которую смѣлый юноша Лафатеръ и другъ его Фисли) въ послѣдствіи славный Англійскій живописецъ) имѣли съ низкимъ Гребелемъ, котораго неутомимо, безъ всякой пощады, сначала скрытно, потомъ явно на словахъ и на бумагѣ, преслѣдовали, срамили, безчестили передъ глазами цѣлаго Цириха. Лафатеръ, посвятивъ себя званію Проповѣдника, отправился въ 1763 году, вмѣстѣ съ друзьями своими Гессомъ и Фисли, въ Берлинъ; тамъ познакомили его съ Профессоромъ *Сульцеромъ* и Пробстомъ *Шпальдингомъ*. Послѣдній принялъ Лафатера вмѣстѣ съ товарищемъ его Гессомъ къ себѣ въ домъ, въ которомъ провели они нѣсколько мѣсяцовъ въ пріятномъ философическомъ уединеніи, благодѣтельномъ для юной души Лафатера. Геній его возмужалъ; таланты разкрылись; слогъ образовался: тогда написалъ онъ славныя свои *Размышленія о вѣчности* и *Пѣсни Швейцарскія*; первыя трогаютъ и возвышаютъ душу; послѣднія, оживленныя пылкими чувствами патріота, написаны сильнымъ, простымъ, гармоническимъ, приличнымъ сему роду сочиненія слогомъ; короче, онѣ послужили основаніемъ Лафатеровой славѣ. Скоро удивилъ онъ свое отечество необыкновенными талантами

духовнаго Оратора, и въ 1786 году получилъ достоинство Пастора въ церкви Святаго Петра, находящейся въ Цирихѣ. Здѣсь открылось для него новое, обширное поприще дѣятельности; многочисленныя толпы стекались слушать его поученія; Лафатеръ изумлялъ своимъ искусствомъ; никто не могъ противустоять убѣжденію взоровъ его, гармоническаго голоса, тѣлодвиженій, пылкаго, непритворнаго чувства; онъ вѣрилъ во глубинѣ души всему тому, что выражалъ словами, и страстно желалъ перелить въ другихъ собственную свою вѣру: самое закоренѣлое безбожіе безмолвствовало и смущалось въ его присутствіи. Со всѣмъ тѣмъ не льзя не признаться, что онъ не рѣдко излишне предавался своему воображенію; всякое новое необыкновенное произшествіе возбуждало въ головѣ его новыя мысли: сомнительное преступленіе, самоубійство, землетрясеніе въ Калабріи, побѣды Суворова, короче — все, хотя немного замѣчательное, представляло Лафатеру богатую матерію для проповѣди; онъ написалъ ихъ болѣе двухъ сотъ, и многія по справедливости должны быть причислены къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ церковныхъ Ораторовъ Германіи.

Лафатеръ есть совершенный образецъ духовнаго Пастыря: въ теченіе всей своей жизни былъ онъ неутомимымъ наставникомъ, путеводителемъ, защитникомъ и другомъ духовныхъ своихъ чадъ; но дѣятельность его не ограничивалась тѣсными предѣлами одного прихода: онъ имѣлъ короткое сношеніе съ тысячами; соотечественникъ и чужестранецъ искали его совѣтовъ; почти ежедневно посылалъ онъ печатныя и письменныя разнаго рода формы и наставленія къ своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ; всего настоятельнѣе требовалъ онъ отъ нихъ замѣчанія за самими собою, чаще всего совѣтовалъ имъ вести дневныя записки, представляя въ примѣръ себя и собственный свой журналъ, который напечаталъ со многими прибавленіями, подъ названіемъ: *Ежедневныя наблюденія надъ самимъ собою.* Нѣтъ состоянія и возраста, для которыхъ Лафатеръ не написалъ бы особенной поучительной книги — въ примѣръ его *Нравственныя правила для слугъ*; *Карманная книжка для поденьщика*; *Ручная Христіанская книжка для дѣтей*; *Письма къ юношамъ* и другія. Изъ сихъ многочисленныхъ сочиненій одна только малѣйшая часть напечатана; одни только избранные имѣютъ Лафатерову *Ручную библіотеку для друзей*,

состоящую изъ множества Томовъ въ маленькой форматѣ, и вообще неизвѣстную публикѣ.

Тайны Природы, открываемыя однимъ здравымъ разсудкомъ, не могли удовлетворить пылкаго, дѣятельнаго Лафатерова духа. Драгоцѣнность Божественнаго Откровенія, и благодать небесная, были истинною для него необходимостїю. Простыя силы, натуральныя извѣстныя сердцу его средства, были недостаточны для произведенія тѣхъ благъ, которыми желалъ онъ осыпать человѣчество.

Средства таинственныя, науки сокровенныя, невидимыя силы, словомъ — чудеса казались ему необходимыми для исполненія неограниченныхъ желанїй благодѣтельной его души, которая слишкомъ желала имъ вѣрить, и потому именно не рѣдко увѣрялась въ ихъ возможности: вотъ основанїе извѣстной Лафатеровой слабости къ обманамъ Калїостра, Месмера и имъ подобныхъ! Онъ съ живостїю прилѣплялся ко всякому и самому странному мнѣнїю, которое приводило къ открытїю полезной или утѣшительной истинны! Его мечтательность и любовь къ чудесному, или божественному, была безпрестанно пищаема новыми пара-

доксами; онъ съ удивительною, можно сказать, мѣлкою и ребяческою примѣчательностїю выдумывалъ средства для распространенїя и согласованїя со всякимъ разсудкомъ, характеромъ или разположенїемъ тѣхъ идей, которыя казались ему общеполезными; на примѣръ, по смерти его нашли нѣсколько сотъ билетовъ съ надписью: *Памятникъ для моихъ друзей, когда меня не будетъ.* Ихъ содержанїе: Христїанскїя мысли; утѣшительныя правила; полезные совѣты, совершенно приличные свойствамъ или обстоятельствамъ тѣхъ лицъ, для которыхъ были они назначены. Всѣ они написаны или, по крайней мѣрѣ, подписаны собственною рукою Лафатера, на каждомъ выставлены число и номеръ, короче, и здѣсь соблюденъ тотъ строгїй, опредѣленный порядокъ, которымъ отличается каждое дѣйствїе Лафатера.

Важнѣйщее произведенїе ума его, которымъ прославился онъ у чужестранцевъ, и по которому имѣетъ неоспоримое право называться участникомъ въ распространенїи человѣческихъ знанїй, есть безъ сомнѣнїя *Физїогномическїе Опыты*, сочиненїе, по словамъ самаго Лафатера, безпорядочное, содержащее одни разбросанные матерїалы, но въ своемъ родѣ единственное и глубокомысленное; оно есть плодъ великаго

множества остроумныхъ, философическихъ и необыкновенныхъ наблюденій, которыя не рѣдко изумляютъ своею справедливостію. Лафатеръ съ двадцати-пяти лѣтъ до самаго конца жизни жертвовалъ всѣми свободными часами той наукѣ, которой по справедливости почитался создателемъ: онъ страстно желалъ разпространить ее и возвести на высочайшую степень совершенства; но средства не соотвѣтствовали его желаніямъ: необходимыя издержки были слишкомъ велики; въ самомъ искуствѣ Лафатеръ былъ только ученикъ: онъ рисовалъ весьма посредственно.

Можетъ быть ни одинъ Стихотворецъ не сочинилъ такого множества стиховъ, и особенно гекзаметровъ, какъ Лафатеръ. Не всѣ изъ нихъ, скажемъ откровенно, удачны. *Мессія*, духовная Поэма его, не иное что, какъ Евангеліе и Дѣянія Апостоловъ, переложенныя въ стихи. Лафатеръ не имѣлъ сего обширнаго воображенія, которое объемлетъ цѣлое и безпорядочныя, разбросанныя части соединяетъ въ искусномъ и привлекательномъ порядкѣ. Въ Поэмѣ его найдутся нѣкоторые прекрасные отрывки; но вообще она скучна и слишкомъ разтянута. Лафатеровы Эпопеи, стихотворные отрывки

и безчисленное множество надписей, которыя помѣстилъ онъ подъ рисунками и портретами, писаны гекзаметрами; но вообще замѣтенъ въ нихъ недостатокъ стихотворной гармоніи. Лафатеръ, отъ натуры одаренный великимъ изобиліемъ краснорѣчія, не рѣдко въ стихахъ своихъ повторяетъ по нѣскольку разъ одно и тоже выраженіе, одинъ и тотъ же оборотъ, полагая, быть можетъ, что въ семъ повтореніи заключаются и выразительность и сила.

Перечтите всѣ сочиненія Лафатера, напечатанныя или оставшіяся въ рукописи, вообразите обширность и точность его переписки, обязанности его сана, которыя исполнялъ онъ съ неутомимою ревностію во всѣхъ отношеніяхъ, безчисленное множество связей и развлеченій, которымъ былъ онъ необходимо подверженъ, какъ славный Писатель и дѣятельный благотворитель всякаго нещастливца — и такая необъятная, чудесная дѣятельность покажется для васъ сверьхъестественною. Но вы поймете ее, когда помыслите о томъ удивительномъ, можно сказать, суевѣрномъ порядкѣ, которому пылкій, быстрый и для всякаго впечатлѣнія отверстый духъ его подчинялъ себя въ обыкновенныхъ своихъ за-

нитіяхъ! Каждый часъ, каждая минута Лафатерова дня имѣли особенное назначеніе; иные двоякое и троякое. Благодаря чудесной гибкости своего ума и характера, онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшей угрюмости, ни малѣйшаго нетерпѣнія въ бесѣдѣ съ друзьями или чужестранцами, которыхъ посѣщенія могли быть лестны для авторскаго самолюбія, но часто бывали обременительны для человѣка, имѣвшаго столь мало свободнаго времени. Лафатеръ выражался съ живостію и пріятно; въ общество приходилъ онъ съ искреннимъ желаніемъ нравиться, и всегда умѣлъ открывать вѣрнѣйшее къ тому средство.

Никто сильнѣе Лафатера не чувствовалъ политическихъ нещастій, которыя постигли Швейцарію въ концѣ осьмаго-надесять вѣка: тогда патріотизмъ его обнаружился во всемъ своемъ блескѣ. Все умолкло, все трепетало передъ могуществомъ Французской Директоріи; одинъ Лафатеръ осмѣлился написать свое славное *Воззваніе къ правителямъ Франціи*; одинъ Лафатеръ проповѣдывалъ права народовъ, проповѣдывалъ и тогда, когда извлекли его изъ отечества, какъ возмутителя и дерзкаго врага порядка (16 Маія 1799).

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ возвратился; но скоро потомъ, при взятіи Цириха Французскими войсками подъ предводительствомъ Массены, былъ раненъ смертельно ружейнымъ выстрѣломъ. Его страданія были неописанны; онъ рѣдко чувствовалъ облегченіе, и наконецъ самъ предсказалъ мученическую смерть свою; но въ самые ужасные часы тѣлесной муки дѣятельность души его не прекращалась: на смертной постелѣ написалъ онъ свои *безпристрастныя Письма о системѣ переселенія* — одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для будущаго Лафатерова Біографа.

Надобно удивляться его спокойствію, терпѣнію, мужеству и преданности къ волѣ Божественнаго Промысла въ теченіе утомительной, непрерывной и часто нестерпимой болѣзни, которая мучила его болѣе 15 мѣсяцовъ, и наконецъ привела ко гробу. Ни одна минута облегченія не была проведена безъ пользы; Лафатеръ охотно принималъ и друзей и чужестранцевъ, разговаривалъ съ ними весело, не рѣдко со всею живостію и краснорѣчіемъ юношескихъ лѣтъ, вообще ласково, остроумно; шутилъ, смѣялся, короче, забывалъ и заставлялъ другихъ забывать о страшной болѣзни, свирѣпствовавшей

въ его тѣлѣ. Ввечеру, на канунѣ смерти, сочинилъ онъ стихи, которые ослабѣвшимъ уже голосомъ диктовалъ своей племянницѣ. Они оканчиваются слѣдующею, трогательною, въ положеніи умирающаго Лафатера замѣчательною молитвою:

„Отецъ! не отъими отъ насъ спа-„сительной руки Своей! Да каждый день „стремимся къ Тебѣ съ живѣйшею вѣ-„рою! да каждый день ищемъ Тебя, и на-„ходимъ! да укрѣпляемся Твоею любовію „въ минуты возрастающей скорби! да „каждый вечеръ обрѣтаетъ насъ болѣе вос-„хищенныхъ бытіемъ своимъ и Тобою!"

Ввечеру, 2го Января 1801 года, кончилъ жизнь Лафатеръ. Еще не время произнести рѣшительный приговоръ о его свойствахъ, добрыхъ или худыхъ, и слѣдствіяхъ его неутомимой дѣятельности. Враги называли Лафатера падшимъ Ангеломъ, друзья утѣшителемъ во всѣхъ житейскихъ печаляхъ, посланникомъ Промысла во дни испытанія и упадка вѣры. Безпристрастное потомство разсмотритъ со времянемъ и добродѣтели и слабости сего удивительнаго человѣка, и скажетъ, — каковъ былъ Лафатеръ!

(Съ Нѣмецк.)

V.

О изгнаніи.

(Сочиненіе Генерала Моро.)

Я изгнанникъ! . . . . болѣе ничего? Но я унываю: прилично ли мнѣ уныніе? Супруга моя плачетъ: имѣетъ ли она причину плакать? Приближимся къ тому ужасному привидѣнію, которое грозитъ разрушить спокойствіе моей жизни! одна обыкновенная душа ожидаетъ отрады отъ времени и разсѣянія: первое дѣйствуетъ исподволь и медленно, послѣднее только *отводитъ* — средства недостойныя Мужа! Ему ли потуплять глаза передъ лицемъ нещастія? . . . Не хочу выдавать себя за Стоика; я презираю хвастливое велерѣчіе мудрецовъ нашего вѣка; я незнакомъ съ искуствомъ и пышными фразами школьныхъ ораторовъ, но я пріобрѣлъ независимость духа; я наслаждаюсь одобреніемъ чистаго сердца; и щастливъ, что никогда не ослѣплялся блистательнымъуборомъ Фортуны, умѣлъ замѣтить сокрытое подъ нимъ безобразіе, и наслаждаясь дарами случая — почестями, богатствомъ — никогда не забывалъ, какъ мало надежны сіи призраки! теперь, не видя ихъ передъ глазами, чувствую, что я ничего не лишился. Тотъ боится

нещастія, кто былъ рабомъ Фортуны; оставленный ею, онъ плачетъ и предается отчаянію — и можетъ ли быть иначе? Обладавъ ею, онъ забывалъ, что въ щастіи всего нужнѣе приготовить себя къ перевороту и вооружиться неустрашимостію противъ бѣдствія.

Толпа людей, никогда не имѣя собственнаго мнѣнія, говоритъ и мыслитъ за другими; по сему-то питается она однѣми химерами, не будучи въ состояніи насытиться; безпрестанно требуетъ новой пищи, не можетъ постигнуть, что причиною такой неутолимой алчности; по сему-то не рѣдко почитаетъ она великимъ нещастіемъ самую малость, которая, будучи мужественно разсматриваема вблизи, теряетъ свою ужасную, обманчивую наружность. Слово *изгнаніе* имѣетъ звукъ непріятный; но должно ли ужасаться единаго звука? Что такое *изгнаніе?* Перемѣна мѣста, соединенная, можетъ быть, съ потерею богатства и почестей; посрамленіемъ, разлукою съ любезными. *Разлука съ отечествомъ*! Какъ можетъ она почитаться существеннымъ бѣдствіемъ, когда мы часто видимъ людей, оставляющихъ добровольно свою отчизну? Взгляните на улицы Парижа и Мадрита! Какая толпа чужестранцевъ, выгнанныхъ

изъ отечества честолюбіемъ, алчностію къ деньгамъ, скукою! Существуетъ ли хотя одинъ климатъ — и знойный и снѣжный, — въ которомъ бы не нашли мы обители чужестранца, добровольно промѣнявшаго на нее свою отчизну? Любовь къ отечеству не есть врожденная склонность: въ отечествѣ мы любимъ тѣ блага, которыя могутъ существовать для насъ и въ странѣ чуждой. — И такъ, мои друзья, тому, кто спроситъ, гдѣ ваше отечество, укажите съ Анаксагоромъ на небо!

Сама Натура, измѣняющаяся безпрестанно, вложила непостоянство въ человѣческую душу: однообразіе для нее несносно; всякую минуту желаетъ она перемѣны. Прочтите Исторію! съ начала міра націи въ безпрестанномъ движеніи народы смѣняются народами, оставляютъ свою отчизну, ищутъ другой, и сіи переселенія не могутъ ли по справедливости назваться *изгнаніями*? Послушайте Варрона и Брута. Натура вездѣ одинаково прелестна и величественна, говоритъ первой, и перемѣну мѣста не должно почитать нещастіемъ. Нещастенъ ли изгнанный, прибавляетъ послѣдній, когда не могутъ похитить у него добродѣтели, несомой имъ въ свое изгнаніе? — Скажите жь: оставляемое вами въ отечествѣ

сравнится ли съ добродѣтелью и натурою, которыя принадлежатъ вамъ и въ самомъ изгнаніи? О Провидѣніе! лучшія блага Твои независимы отъ воли гонителей: подъими же гордо и свободно чело свое, куда бы ни бросила тебя ужасная буря Судьбы! вездѣ найдешь людей, которыя въ одинакомъ источникѣ почерпаютъ и добродѣтели и пороки свои; вездѣ найдешь ясное небо, вездѣ поля и рощи, вездѣ неизгладимые слѣды небеснаго Промысла!

Всѣ люди одинаково чувствуютъ непроницаемость желѣза и твердость камня; почему же такъ несходны они въ ощущеніи скорби или радости? Въ семъ случаѣ степень чувства опредѣляется особеннымъ характеромъ каждаго; и конечно, безъ собственнаго нашего содѣйствія Судьба не можетъ ни вредить намъ, ни благодѣтельствовать! Кого низпровергаетъ бѣдствіе, тотъ вѣрно слабо стоялъ на ногахъ и въ самую минуту щастія. Тому наслаждаться житейскими благами, кто властенъ презрѣть ихъ при первомъ переворотѣ фортуны! Ты потерялъ свои богатства, умѣй себя ограничить: съ меньшими заботами будешь имѣть тоже, что имѣлъ и прежде. Натура тѣсными предѣлами ограничила твои нужды — привычка и воспитаніе разпространили ихъ до безконечности! Истинна заключена въ ма-

ломъ кругѣ, — но заблужденіе теряется въ пространствѣ необозримомъ. Блаженъ, кто можетъ воскликнуть съ Эразмомъ: *сколько вещей, въ которыхъ не имѣю нужды!* Жажда твоя утоляется чистою водою; но естьли не утолитъ ее вода, то ты не жаждешь, а только ищешь удовольствовать одну прихоть. Взгляни на бѣднаго поденщика — нищета ему не въ тягость: онъ въ ней воспитанъ. Скажижь: получаемое поденщикомъ отъ привычки ужели не можетъ доставлено быть тебѣ разсудкомъ? Тебѣ ли, почитающему себя просвѣщеннѣе поденщика, покорствовать нуждамъ, сему послѣднему неизвѣстнымъ? Взгляну ли на великихъ людей прошедшаго времени, въ которое простота неразлучна была съ добродѣтелію — краснѣю! на высотѣ фортуны и славы не имѣли они и того, что я имѣю въ своемъ изгнаніи! Тамъ вижу Диктатора, который собственными побѣдоносными руками приготовляетъ для себя грубой обѣдъ въ то самое время, когда бесѣдуетъ съ Послами сильнаго народа. Зенонъ не имѣлъ ни одного слуги; Сократъ получалъ свое пропитаніе отъ гражданъ; Мененій Агриппа не оставилъ ничего на свое погребеніе; въ то время, какъ мужественный Регулъ приводилъ въ трепетъ Карѳагену,

бѣжалъ послѣднїй, единственный пахарь его, и поле удобряемо было на счетъ общественный; дочери Сципїона не имѣли приданаго — подобныхъ примѣровъ тысячи! Кто жь, видя ихъ, осмѣлится называть нищету нещастїемъ? кто осмѣлится уважить тѣ мѣлкїя выгоды, которыхъ не знали и не могли знать великїе Мудрецы и Герои древности?

Но утрата почестей и отличїй? Для меня существуетъ *одно* отличїе, котораго никакое изгнанїе не можетъ похитить у человѣка — отличїе, даруемое достоинствомъ. Монархи могутъ изобрѣтать чины и трїумфы, могутъ безумцевъ или бездѣльниковъ украшать почтенными знаками заслуги и добродѣтели; но истинныхъ достоинствъ они не въ силахъ ни дать, ни похитить! Достоинство будетъ уважаемо лучшими и просвѣщеннѣйшими; безумцы и чернь въ глазахъ моихъ ничтожны. Въ щастливѣйшїе дни мои они удивлялись во мнѣ только тому, на что я самъ взиралъ всегда съ пренебреженїемъ — теперь презираютъ меня, и жалки! тогда безстыдно стремились ко мнѣ на встрѣчу — теперь оставили меня въ покоѣ. Взойди опять мое солнце, и сїи насѣкомыя опять возродятся, опять

окружать меня шумящимъ своимъ роемъ. Конечно! я потерялъ возможность дѣлать *много* добра; но человѣкъ, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ имѣетъ средство быть добрымъ; не степень, но качество добра составляетъ его достоинство. Ты вѣрно исполнилъ обязанности гражданина; ты вѣрно — пренебрегая враговъ и опасности — служилъ своей отчизнѣ; она воспользовалась плодами трудовъ твоихъ, и ты одинъ за нее страждешь! . . . . . Такъ! я съ честїю заплатилъ отечеству долгъ свой; призываю во свидѣтели страну чуждую, Германїю! Теперь свободенъ, могу заниматься однимъ собою, — изгнанїе избавило меня отъ тяжкаго бремени обязанностей.

Изгнанїе, ужасное вѣ дали, бываетъ не рѣдко столь же цѣлительно для немощнаго духа, какъ и перемѣна климата для немощнаго тѣла! Зеноновъ, бурею занесенный на берега Аѳинъ, кораблекрушенїю и потерѣ имущества обязанъ мудростїю, добродѣтелїю, безсмертїемъ! И такъ изгнанїе не лишаетъ тебя ни преимуществъ даруемыхъ фортуною, ни преимуществъ принадлежащихъ душѣ и тѣла! Какъ часто увеличиваетъ оно послѣднїя, возвращая одной высокость и добродѣтель, дру-

ному крѣпость и здравіе. Гдѣ же сіи грозныя нещастія, съ нимъ неразлучныя?

Ахъ! оно существуетъ! существуетъ нещастіе, обыкновенный сопутникъ изгнанія — нещастіе, котораго никакая человѣческая добродѣтель перенести не въ силахъ — говорю о разлукѣ съ любезными, друзьями, родственниками. Но въ родственникахъ весьма не рѣдко находимъ однихъ *знакомыхъ; истинныхъ друзей* слишкомъ мало — приговоръ, произнесенный надъ нещастнымъ, бываетъ обыкновенно знакомъ отшествія такъ называемыхъ друзей нашихъ. Но любезные? Ахъ! какое сердце не затрепещетъ при этомъ имени? Разлука съ любезными! — вотъ нещастіе нестерпимое и ужасное! Ободрись же ты бѣдное твореніе, которое отъ Промысла получило сей тягостный жребій! Когда имѣешь супругу подобную моей; когда любимъ ею такъ нѣжно, какъ я: тогда любезная послѣдуетъ за тобою и въ дикую пустыню! Съ большею противъ прежняго любовію будешь прижимать ее къ сердцу; будешь весело и беззаботно, какъ я въ сію минуту, сидѣть между ею и сыномъ своимъ; подобно мнѣ бросишь перо, подымешь руки, весело и беззаботно обнимешь обоихъ, и пожалѣешь о тѣхъ нещастныхъ, которые посреди могущества и славы не знали семействен-

ныхъ радостей и тишины сердечной, не знали, и — никогда не узнаютъ!

Съ Нѣмецкаго (*).

VI.

Путь развратнаго,

моральная Гогартова каррикатура (**).

Гогартъ, желая представить *развратнаго* въ его постепенномъ приближеніи къ совершенству, изобразилъ на первой картинѣ своей ту самую минуту, въ кото-

(*) Коцебу перевелъ этотъ отрывокъ съ манускрипта, присланнаго къ нему изъ Испаніи. Онъ помѣстилъ его въ Журналѣ своемъ, который издается въ Берлинѣ подъ именемъ: der Freimüthige. *Ж.*

(**) Читатель долженъ имѣть передъ глазами картинку, въ заключеніи книжки помѣщенную. — Каррикатура, говоритъ Сульцеръ, изображаетъ смѣшное и странное въ увеличенномъ видѣ. Цѣль ея: посредствомъ необычайнаго, чрезмѣрнаго и рѣзкаго производить сильныя впечатлѣнія. Слѣдовательно каррикатура (въ настоящемъ ея знаменованіи, не ѣдкая, ругательная и часто вредная насмѣшка), представляя порокъ и всякое моральное безобразіе чертами разитель-

рую молодой наслѣдникъ скупаго богача вступаетъ во святилище родителя своего блаженной памяти. Подъ словомъ *святилище* можете разумѣть его архивъ, ломбардъ, ветошный магазинъ, кабинетъ, кладовую, правильнѣе всего: тюрьму, въ которой столько лѣтъ онъ былъ и тюремщикомъ и колодникомъ. Надобно думать, что онъ еще не погребенъ: видите ли этого человѣка, взмостившагося на лѣсницу и вооружен-

---

ными, необходимо возбуждаетъ къ нимъ отвращеніе, и потому именно должна почитаема быть полезною. Гогартъ, славный въ семъ родѣ живописи, совершенно достигнулъ сей цѣли. Мы, думая, что каррикатуры его многимъ читателямъ Вѣстника неизвѣстны, сообщаемъ одну изъ нихъ, первую въ исторіи развратнаго. Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ сообщены и другія, къ ней принадлежащія и вмѣстѣ съ нею составляющія одно цѣлое. Объясненія писаны Лихтенбергомъ, бывшимъ Профессоромъ въ Геттингенѣ, оригинальнымъ, забавнымъ и иногда слишкомъ свободнымъ Нѣмецкимъ Писателемъ. Нѣмцы называютъ его своимъ Стерномъ, которому онъ не подражаетъ, но съ которымъ имѣетъ великое сходство въ умѣ, образѣ мыслей и слогѣ. Ж.

наго молоткомъ? Это обойщикъ! онъ украшаетъ чернымъ сукномъ ту комнату, въ которой должна происходить послѣдняя заключительная сцена изъ жизни покойнаго — печальной Эпилогъ уродливой Драммы! Другая особа, стоящая на колѣняхъ, есть также, въ нѣкоторомъ смыслѣ, обойщикъ, яснѣе, портной, обязавшійся украсить печальными обоями особу наслѣдника, съ котораго снимаетъ, какъ видите, мѣрку. На столѣ найдете свитокъ: черное сукно, запасъ для обойщика, представленнаго на лѣсницѣ. Подивитесь чудесной гармоніи вещей разнородныхъ! и *гробъ*; въ которомъ сокровища, благо и не благо-пріобрѣтенныя (и смѣшанныя какъ на кладбищѣ, гдѣ мѣлкой плушъ такъ часто бываетъ сосѣдомъ знатнаго) столько лѣтъ почивали сномъ смертнымъ въ ожиданіи воскресителя (*), и самъ *воскреситель* (наслѣдникъ), который такъ долго и съ такою мучительною нетерпѣливостію ждалъ пробужденія мертвыхъ, украшаются въ одно и тоже время одинакимъ, чернымъ уборомъ — печаль въ минуту изкупленія. Но трубный гласъ уже возгремѣлъ! Смотрите! разторгнуты заклепы, могилы открыты, разрушены гро-

(*) Авторъ разумѣетъ подъ именемъ гроба самую комнату покойника.

бы И золото и серебро, и старое желѣзо, и тучные кошельки стремятся изъ нѣдра темницъ, радуясь дневному, доселѣ неизвѣстному имъ свѣту. Пергаментные свитки, документы, счеты, контракты, росписи, записки и списки лобзаютъ стопы избавителя, пресмыкаются подъ ногами его, обьемлютъ его колѣна; самые червонцы, заключенные въ воздушномъ гробѣ, за твердымъ заклепомъ карниза, услышавъ могущественный гласъ: *возстаньте изъ мертвыхъ!* катятся съ высоты передъ судилище. Нѣкоторые дряхлые, почтенные парики, нѣсколько инвалидныхъ сапоговъ съ поношеными башмаками, разбитая кружка, жаровня, двѣ или три бутылки, шляпный футляръ, дорожный фонарь, старомодный сюртукъ Джонсонова покроя, лопата и прочее, предчувствуя свое осужденіе, скрываются вдалекѣ и съ робостію ожидаютъ рѣшительнаго приговора. Но онъ еще не произнесенъ; день сей есть день чистилища, то есть пересмотра.

И вотъ герой нашъ, знаменитый Томасъ Ракевель (*), предстоящій во цвѣтѣ и силѣ юношескихъ лѣтъ! Глаза его, скажете вы, обѣщаютъ не много; назовешь его скорѣе

(*) Rake-well можетъ значить *развратный*.

простякомъ, нежели *плутомъ:* согласенъ! но посмотрите на право, и вы перемѣните мысли: наслѣдникъ теперь лишь только пріѣхалъ изъ Оксфорта, гдѣ онъ *учился*, учился во всемъ значеніи слова *Наука*. По первому гласу трубы, воскресившей пергаментные свитки, явились и два одушевленныхъ *документа* — одинъ представляющій пожилую мать, съ сердитымъ лицемъ, нахмуренными бровями, громозвучнымъ голосомъ и полнымъ передникомъ нѣжныхъ записокъ; другой пріятную семнадцатилѣтнюю дочь, которую видите у дверей, съ платкомъ на глазахъ — жалкое, добросердечное твореніе, жертва учености нашего наслѣдника. Выраженіе блѣднаго лица ея прекрасно! она плачетъ во всемъ обширномъ знаменованіи слова *плакать*, такъ какъ обыкновенно плачетъ нещастный, который ищетъ и не находитъ въ слезахъ минутнаго утоленія тоски своей. Ребяческая досада не безобразитъ ея лица; оно увяло, изнурено сердечною, неизлѣчимою болѣзнію. Ахъ! въ сердцѣ ея должно скрываться много, и сіе многое ужасно! Клянитe вмѣстѣ со мною вѣроломнаго соблазнителя!

Имя ея Сара Юнгъ — найдете его на нѣкоторыхъ изъ писемъ, составляющихъ

огромный архивъ въ передникѣ матери. Надобно думать, что романъ продолжался долго, по крайней мѣрѣ былъ нѣженъ; конецъ его, видите сами, трагическій. На одномъ письмѣ читаете: *Оксфортъ*; на другомъ: dearest life (милый другъ — не Милади, не Графиня); на третьемъ: To marry you (на тебѣ жениться); все остальное замысловатый художникъ выразилъ *пустымъ мѣстомъ* — быть можетъ, не болѣе *полноты* находилось и въ самыхъ выраженіяхъ оригинала. Теперь понимаете ли? Непорочность обманута священнымъ обѣтомъ супружества! Бѣдная Сара имѣетъ въ рукѣ обручальное кольцо; рука сія, вѣроятно, была простерта къ непостоянному и все еще любезному; но горестная, убійственная мысль, что все уже миновалось, что прежняго радостнаго времени уже нѣтъ, возобновилась въ душѣ обольщенной Сары, и слабая рука ея упала. Пожалѣйте объ ней! бездушникъ, за кипу клятвенныхъ обязательствъ, данныхъ имъ нѣкогда на любовь и сердце, обѣщаетъ ей горсть червонцевъ! „Сожалѣю, Миссъ! (dearest life) — говоритъ онъ, или, судя по выраженію лица, не могъ инаго сказать — сожалѣю о вашихъ обстоятельствахъ; но видите, что и мои уже перемѣнились. Примите эту бездѣлку за вашу дружбу и доброе сердце! Довольно

молодыхъ людей въ Оксфортъ: кто знаетъ, что можетъ случиться? Примите, прошу васъ! Не принуждайте меня бросить этихъ денегъ нищимъ. Пускай достанутся онѣ лучше вамъ, нежели какому-нибудь бродягѣ или плуту!" Но деньги не приняты — ни дочерью, для которой все уже погибло; ни матерью, которая, можно подумать, не тихаго нрава. Женщина, съ такимъ лицемъ, съ такими грозными, сомкнутыми кулаками, не скоро прельстится на деньги. Кажется слышишь, какъ она говоритъ: „обманьщикъ! не думаешь ли своими гинеями заплатить за честь моей дочери?" Ея сверкающіе, бѣшеные глаза, ея выразительныя движенія заставляютъ догадываться, что она привѣтственную рѣчь свою заключила нѣкоторыми приличными учтивостями, нѣкоторыми предсказаніями, которыя всѣ, какъ послѣ увидимъ, къ утѣшенію честности и многихъ добросовѣстныхъ людей, сбудутся во всѣхъ подробностяхъ. Замѣчаете ли на пальцахъ лѣвой руки ея кольца? Онѣ надѣты съ намѣреніемъ: хотѣли доказать (не будучи увѣрены съ щастливомъ окончаніи процесса), что деньги имъ не въ диковинку, что бѣдность ихъ, благодаря Богу, еще сносная. — Теперь покорно прошу взглянуть на прелестника! не правда ли, что онъ съ героическимъ

равнодушїемъ Юлїя Кесаря отражаетъ ужасную бурю привѣтствїй и титуловъ? Смотрите, какъ вытянутъ и прямъ! Иной сочтетъ его указателемъ дороги, и — не ошибется: не сходны ли они въ чувствахъ? Замѣтьте однако и въ немъ похвальную черту характера: этотъ добросердечный молодой человѣкъ, который способенъ забыть и честь и уваженїе къ погибшей отъ него невинности, не забываетъ о нѣкоторомъ облегчительномъ пособїи для портнаго — онъ поднялъ полу своего кафтана, чтобы удобнѣе было снимать съ него мѣрку! Чудесное присутствїе духа въ минуту осады и штурма!

Что сказать о важной особѣ портнаго? Имѣемъ причину думать, что въ ней скрывается и другая, не менѣе важная особа сапожника, или, лучше сказать, что она, по всѣмъ примѣтамъ, сапожникъ, а не портной. Для чего бы, на примѣръ, украшаться передникомъ изъ телячей кожи? — извѣстная сапожничья риза — сверхъ того, не замѣчаете ли на лицѣ ея нѣкотораго мистическаго оттѣнка, нѣкотораго таинственнаго вдохновенїя, столь необыкновенныхъ на лицѣ портнаго? Вѣроятно, что эта почтенная особа принадлежитъ къ немногимъ изъ тѣхъ щастливыхъ, которымъ покойникъ давалъ по вре-

менамъ аудїенцїю въ ветошномъ магазинѣ своемъ, и за усердныя услуги платилъ съ приличнымъ ему великодушїемъ, сбавляя по пятидесяти процентовъ со ста при разсчетѣ. Натурально, что Артисту съ дарованїями покойника, который, какъ послѣ узнаемъ, въ часы свободы самъ пришивалъ къ прародительскимъ башмакамъ своимъ подошвы — ничего не стоило употребить перваго попавшагося ему на встрѣчу сапожника вмѣсто портнаго. А въ наше время не диво сочинять самоучкою исподницы и халаты, когда мы видимъ такое множество записныхъ чудотворцевъ, которые, не научившись еще порядочно читать по складамъ, сочиняютъ Поэмы и Драммы. Словомъ: наслѣдникъ, имѣя нужду въ печальной декорацїи, употребляетъ, въ первый и послѣднїй разъ, того самаго декоратера, который нѣкогда убиралъ и блаженной памяти его родителя.

Далѣе! Герой нашъ, поднявши полу кафтана, прикасается къ столу, уставленному блюдами разнаго вкуса и стряпанья: письменными документами, чернилицею и сочнымъ мѣшкомъ съ гинеями. Послѣднїя два блюда очень знакомы тому величавому гостю, который, съ перомъ въ зубахъ, сидитъ за столомъ въ почет-

номъ мѣстѣ. Онъ, пользуясь благопрїятнымъ раздоромъ чести и совѣсти, которымъ озабочены теперь и хозяинъ и плачущая Миссъ (dearest life), и бурная мать, спѣшитъ познакомиться съ лучшимъ по вкусу его блюдомъ. Выдумка благоразумная! Кто поручится, что самъ хозяинъ предложитъ ему это блюдо? Ктожь этотъ догадливый человѣкъ? спросите вы. Служитель Правосудїя, милостивые государи, Нотарїусъ, Маклеръ! Замѣчаете ли у него подъ мышкою мѣшокъ изъ зеленой байки? — обыкновенная регалїя Англинскихъ Маклеровъ — въ него кладетъ онъ свои бумаги и, естьли угодно, при случаѣ, остатки тѣхъ блюдъ, которыя отвѣдываетъ украдкою, за спиною хозяина. Эта особа имѣетъ и другое общее званїе — званїе плута. Какое ругательство! скажете вы. Но милости прошу всмотрѣться въ эти вороньи глаза, которые такъ усердно стоятъ на часахъ въ ту самую минуту, какъ дѣятельные пять пальцевъ творятъ таможенный осмотръ во внутренности мѣшка! Онъ крадетъ — въ этомъ не льзя и сомнѣваться, и что за диво! — но крадетъ съ юридическимъ благоразумїемъ, со всѣми прїемами великаго мастера; часовые, стоящїе на форпостахъ, знаютъ свое дѣло, и кажется къ нему привычны! Осмѣлься наслѣдникъ оглянуться, осмѣлься примѣ-

пишь, что гость его убавилъ десяткомъ гиней лежащую передъ нимъ казну, и завтражь принудятъ его заплатить десять десятковъ за то, что онъ имѣлъ неосторожность быть *съ глазами*.

Старикъ скончался; мы это знаемъ; но здѣсь, благодаря искуству художника, встрѣчается повсюду и въ разныхъ превращеніяхъ его величественный образъ! Онъ живъ на томъ прекрасномъ портретѣ, который вы видите надъ каминомъ; онъ живъ въ лоскутьяхъ и бумагахъ, разбросанныхъ по паркету его любимой камеры; все дышетъ еще безсмертнымъ его духомъ; вся комната наполнена или, правильнѣе сказать, загромождена монументами его неопрятныхъ подвиговъ. Хотите ли знать, почему я такъ смѣло утверждаю, что портретъ, висящій надъ каминомъ, изображаетъ покойника? Взгляните на камин! та самая шапка, которую видите на портретѣ, въ *подражаніи*, представится вамъ на полкѣ камина въ *оригиналѣ*, со всѣми неоспоримыми признаками древности; очки, висящія уединенно, въ печальномъ пренебреженіи, на крюку, висѣли нѣкогда съ торжествомъ и славою на прародительскомъ носу покойника — другаго фасона крюкъ — въ то время, когда онъ чистилъ и перебиралъ червонцы! Два костыля,

переднія ноги его (меланхолической примѣръ непрочности вещей) раздѣляютъ изгнаніе очковъ; они не ровнаго роста; но это не удивительно: вы знаете, что ветхія лачуги подпираются разной длины и формы подпорками. Старшій костыль, какъ я догадываюсь, былъ вѣрнымъ сопутникомъ блаженнаго во всѣхъ его походахъ, а младшій служилъ ему повелительнымъ жезломъ, и можетъ быть, при случаѣ, посредствомъ нѣкоторыхъ мистическихъ дѣйствій, вселялъ покорность въ буйныя души домашнихъ, которыхъ, надобно замѣтить, не болѣе, какъ одинъ обветшалой котъ, усердный постникъ, и ветхая служанка, представляющая вамъ въ единомъ лицѣ всю дворню: и повара и камердинера и истопника и все, что вамъ угодно. Смотрите! говоритъ вамъ Гогартъ, здѣсь имѣлъ онъ обыкновеніе сидѣть; здѣсь покоились его подставныя ноги, когда онъ отдыхалъ; на этомъ крюку висѣли карманные глаза его, когда онъ считалъ не на столѣ, а въ мысляхъ наростающіе червонцы. Ночью и въ зимніе вечера освѣщалъ его философическій ночникъ, который видите вы на полкѣ камина въ оригиналѣ, и который, весьма вѣроятно, даже въ Крещенскіе трескучіе морозы былъ не только самою свѣтлою, но вмѣстѣ и самою теплою частію сего камина! иначе для чего бы

укутывать голову такою шапкою, а грѣшное тѣло такимъ полновѣснымъ хитономъ, болѣе приличнымъ жителю полюса, нежели уединенному математику, сидящему въ тепломъ кабинетѣ, съ полными пригоршнями гиней, и повторяющему на досугѣ нумерацїю?

Знатоки въ аллегорїяхъ и языкѣ медалей отдадутъ справедливость Гогарту за остроумное и многозначущее соединенїе предметовъ, видимыхъ передъ холоднымъ каминомъ. Вообразите, что этотъ каминъ, съ своимъ ночникомъ, шапкою и портретомъ (разумѣется великолѣпно вырѣзаннымъ en bas-relief) есть памятникъ надгробный, сооруженный въ какомъ нибудь Вестминстерѣ, — нужно ли будетъ вамъ объяснять, какїя добродѣтели имѣлъ погребенный подъ нимъ покойникъ, и какого характера долженъ быть, по всѣмъ вѣроятностямъ, наслѣдникъ сего знаменитаго мужа?

Подымите глаза: неосторожный молотокъ обойщика отшибъ карнизъ, который падаетъ, и что же? . . . . Нечаянный случай возвращаетъ свободу нѣсколькимъ затворникамъ — (очевидное дѣйствїе правосуднаго Промысла!) Но выборъ заточенїя? . . . . какая несравнен-

ная выдумка! какое неоспоримое доказательство великихъ *хранительныхъ* способностей! Не въ твердости, но болѣе въ неприступности воздушной темницы заключалась безопасность сокровища. При томъ смотрите: какая благоразумная разсчетливость! Золото, раскиданное туда и сюда, не можетъ быть украдено въ одинъ пріемъ! И что сравнится съ пріятностію хранить собственную свою тайну, съ удовольствіемъ прятать, выдумывать новыя надежнѣйшія средства безопасности, переносить съ мѣста на мѣсто неоцѣненное сокровище, свивать подобно ласточкѣ теплое гнѣздо для милыхъ птенцовъ, которые, правда, не могутъ въ немъ расплодиться, за то не будутъ подвержены зоркимъ глазамъ ястребовъ, то есть денныхъ или ночныхъ, законныхъ или незаконныхъ мошенниковъ. Золотой градъ сыплется прямо на спину ветхой Данаи, которая, надобно думать, впервые изумлена такимъ чудомъ, и болѣе знакома съ поучительнымъ градомъ палочныхъ или словесныхъ учтивостей, нежели съ Миѳологическимъ градомъ червонцевъ; это смиренное домашнее животное тащитъ охапку дровъ: приказано разтопить каминъ, бывшій доселѣ подъ запрещеніемъ. Времена перемѣнились: новое Правительство обнародовало всеобщую амнистію; каминъ,

упраздненный по приговору прежняго, долженъ возобновиться; свободная топка позволена! И такъ червонцы не будутъ уже перебираемы окостенѣлыми отъ холода пальцами, хотя, по видимому, обращаются они еще медленно: напримѣръ, еще не приготовлены Шотландскіе уголья (*); тощій каминъ, на первой случай, долженъ довольствоваться самою грубою пищею: лучинами, щепками и старыми кольями, вырванными изъ забора.

Здѣсь, передъ открытою шкатулкою, разрушеннымъ гробомъ серебреныхъ чашъ и мѣшковъ съ гинеями, на которые свѣтитъ уже блестящая заря воскресенія, стоитъ другое домашнее животное съ геморроидальною миною: худой, голодный котъ, котораго меланхолическое *мяу* кажется говоритъ вамъ: для чего эти мѣшки не мыши? Подножіемъ меланхолику служитъ книга; передніе лапы его покоются на тучныхъ мѣшкахъ съ гинеями, украшенныхъ ерлыками, на которыхъ невидимая рука начертала 2000, 3000 и такъ далѣе. Скажите, милостивые государи, этотъ задумчивый постникъ не сходенъ ли съ тѣмъ заблудившимся въ Аравійской пустынѣ путешественникомъ, который, умирая съ

(*) Самый дорогій матеріалъ, употребляемый для топки печей въ Лондонѣ.

голоду, находитъ на дорогѣ мѣшокъ, беретъ его, восклицаетъ въ восторгѣ: *пшено! благодареніе Промыслу!* спѣшитъ открыть, и что же? къ ногамъ его сыплются перлы! *Ахъ! это перлы*, говоритъ со вздохомъ голодный, *болѣе ничего! немилосердое небо!* — Терпѣніе, добрая тварь! конецъ испытанію! Старинный другъ твой, вертелъ, предательски отданный съ нѣкоторыми другими товарищами подъ закладъ, еще живъ и теперь свободенъ. Не смѣя вѣрить искупленію, онъ робко поглядываетъ на тебя съ высокой тюремной башни, въ которой полвѣка сидѣлъ взаперти, не имѣя случая показать свѣту необыкновенныхъ своихъ талантовъ! Скоро возвратится ему потерянный престолъ — очагъ! скоро увидятъ невиданный феноменъ на кухнѣ — яркой огонь подъ кострюлями! Какая утѣшительная для тебя надежда, постный котъ! служители съ твоими достоинствами, съ твоею честною расторопностію, въ правленіе такого блатомыслящаго, механическаго Министра, каковъ твой другъ и ему подобные, могутъ ожидать порядочной для себя прибыли.

На ряду съ подножіемъ стоятъ два заслуженные инвалида — старые башмаки, oeuvre posthume покойника, который

чинилъ ихъ своеручно и не дочинилъ; и теперь еще видѣнъ конецъ той жизненной нити, которую неумолимая Парка перерѣзала вмѣстѣ съ другою, по многимъ отношеніямъ ей подобною! На подошвѣ одного изъ башмаковъ можете замѣтить золотой гербъ — подметка, вырѣзанная изъ переплета старой Библіи, самой ближайшей сосѣдки инвалидовъ: не значитъ ли это въ настоящемъ смыслѣ *попирать Божіе слово ногами?* Что касается до Божія слова, государи мои, согласенъ! покойный имѣлъ невинную привычку не уважать его! Но попирать ногами собственнаго, въ душѣ любимаго бога — я говорю о золотѣ — признаться, непостижимо! Напримѣръ, я не удивился бы ни мало, когда бы на старомъ халатѣ нашего эконома нашелъ заплаты, выдранныя изъ книги Премудрости Соломоновой, когда бы зимняя шапка его была подбита плачемъ Іереміи или пророчествами Аввакума: все это въ порядкѣ вещей, но золото! золото — существо единственно имъ богопворимое! на подметкахъ! словомъ: я теряюсь! ... Займемся другимъ, не столь запутаннымъ предметомъ! видите ли книгу, до половины раскрытую, брошенную съ пренебреженіемъ на полъ, а со временемъ могущую попасть и въ каминъ? Это журналъ, дневникъ

(memorandum book) покойника. Можемъ прочесть нѣкоторыя статьи, писанныя въ Маѣ мѣсяцѣ 1721 года. Вотъ они: Iя, *Сынъ Томасъ пріѣхалъ 8 го Мая изъ Оксфорта* (Латинской области), это понятно и не требуетъ объясненія. IIя, 4 го *Мая обѣдалъ у Французскаго повара* — превосходно! Хотѣли угостить посѣтителя! полегче, подешевлѣ! гдѣ же? Натурально у Французскаго повара! И такъ питательнымъ именемъ и тощимъ обѣдомъ? Чего же вамъ болѣе? Имя, *Французскій поваръ*, не есть ли самое лакомое и сытное блюдо? Хотя Англичане и вообще увѣрены, что кухня Французская имѣетъ разительную аналогію съ прозрачнымъ тѣломъ и воздушнымъ характеромъ самихъ Французовъ, что на примѣръ жареныя лягушки, цыплята съ лукомъ, и soupe à l'oignon, едвали займутъ одну пятидесятную долю Англійскаго желудка, побѣждающаго и Биффъ-Стексъ и Пудингъ, но всѣ вообще — разумѣется въ большомъ свѣтѣ — имѣютъ нѣкоторое благоговѣйное предубѣжденіе къ имени Французскаго повара, которое на свѣтскомъ языкѣ выражаетъ очень много, столь же почти много, какъ и самое громозвучное слово: *большой свѣтъ*! И здѣсь не льзя не удивляться разсчетливому генію, или, лучше сказать, глубокому по-

знанїю Натуры нашего Гарпагона! Проникнувъ въ физическїе законы вещей, онъ могъ безошибочно заключить, что въ цѣломъ Лондонѣ ни что не могло имѣть одно съ другимъ такого натуральнаго сродства, какъ тощая Французская кухня и его домашняя, въ которой царствовала вѣчная мрачность, вертелъ не дѣйствовалъ, а сидѣлъ подъ арестомъ, и кошки умирали съ голоду, потому что мыши, оставя безплодный край, ушли въ обѣтованную землю. — Наконецъ IIIя, *5 го Мая удалось мнѣ* (слава Богу!) *избавиться отъ моего фальшиваго шиллинга*! Черта прекрасная! *Мой* шиллингъ: какая тѣсная короткость между имъ и фальшивымъ шиллингомъ! Одно мистическое слово *мой* не увѣряетъ ли васъ, что этотъ фальшивый шиллингъ — единственный во многолюдномъ семействѣ нефальшивыхъ — лишь десять мучилъ заботливую душу милїонщика, отравляя въ ней каждое невинное чувство радости, которою, въ лучшее время, оживлялась она при видѣ чистаго, полновѣснаго золота. Вѣроятно, что этотъ Ренегатъ, средствами непозволенными, безъ вида и привиллегїи закрался въ монастырское братство правовѣрныхъ, долго скрывалъ себя отъ рысьихъ очей Настоятеля, напослѣдокъ его узнали . . .

сколько трудовъ и хитростей потеряно, чтобы избавиться, съ порядочнымъ барышемъ, отъ горькаго обладанія такимъ сокровищемъ! Наконецъ 5 го Мая, по милости Асмодея, удалось втереть его (вѣроятно съ Христіанскимъ процентомъ пятидесяти пяти на сто) въ руку промотавшагося повѣсы, и важное сіе произшествіе внесено торжественно въ домовую лѣтопись.

Еще одно или два замѣчанія: стѣны парадныхъ комнатъ, въ которыхъ выставляются на показъ знатные гробы, за день или за два до выноса, бываютъ обыкновенно украшены гербами или шифрами покойниковъ. И здѣсь, какъ видите, намѣрены послѣдовать сему похвальному обряду: на правой стѣнѣ прибиты гербовые щиты съ эмблематическою фигурою *клещей* и съ надписью *Beware!* (крѣпче держи въ рукахъ) — девизъ покойника! можемъ васъ увѣрить, что онъ во все продолженіе неопрятной жизни своей ни разу не измѣнилъ сему девизу; не знаемъ еще, послѣдуетъ ли примѣру его наслѣдникъ, но мимоходомъ замѣтимъ, что въ наше время и *слава* и *дарованія* и *добродѣтели* праотцевъ чаще всего доходятъ до правнуковъ на однихъ гербовыхъ эмблемахъ и надписяхъ, существуютъ въ однихъ гербовникахъ и

вмѣстѣ со многими другими прародительскими, обветшалыми утварями, лежатъ подъ спудомъ въ кладовыхъ или подвалахъ.

Читатели, на первой случай довольно! тайны святилища вамъ открыты; время оставить его! Скоро будете имѣть случай удивляться герою своему въ другомъ мѣстѣ и другихъ обстоятельствахъ! Первое дѣйствіе кончилось; опускаю занавѣсъ.

ПОЛИТИКА.

VII.

Феллаги.

Можетъ быть не многіе знаютъ, что Евреи составляютъ еще и теперь собственное небольшое царство, имѣющъ собственную землю, между горами Абиссинскими, въ долинѣ, почти неизвѣстной, гдѣ живутъ подъ именемъ *Феллаговъ.*

Какъ зашли туда Евреи, когда основалась сія колонія — рѣшить весьма трудно. Вѣроятно, что, при паденіи царства ихъ въ Палестинѣ, многія племена Израиля сокрылись въ Аравію, но будучи гонимы ея обитателями, несравненно ихъ сильнѣйшими, и принужденные переходить изъ одной страны въ другую, наконецъ поселились между горами Абиссиніи, гдѣ нынѣ благоденствуютъ ихъ потомки. Вѣроятно и то, что праотцы ихъ, проданные Римлянами, по разореніи Іерусалима, вмѣстѣ со многими тысячами другихъ Евреевъ, въ Африку, разрывая оковы неволи, безпрестанно спасалися

бѣгствомъ; наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ видимъ ихъ теперь, соединились, и такимъ образомъ, нашедъ убѣжище свое безопаснымъ, образовали народъ, именуемый Феллагами. Не покажутся ли нѣсколько странными догадки тѣхъ Ученыхъ, которые относятъ происхожденіе сего небольшаго царства ко временамъ Моисеевымъ, и утверждаютъ, что, въ переходъ потомковъ Израиля черезъ пустыню, толпа бунтовщиковъ, оскорбленныхъ чрезмѣрною властію великаго законодателя, отставши отъ соплеменнаго народа, уклонилась къ Югу? Лѣтописи тѣхъ временъ не говорятъ о семъ произшествіи ни слова. Какъ бы то ни было, Феллаги есть важный, достойный замѣчанія феноменъ! Могутъ подумать, что они, будучи отдѣлены отъ всѣхъ другихъ народовъ, сохранили во всей чистотѣ и духъ Евреямъ собственно принадлежащій, и древній законъ свой, и тѣ же нравы, и тѣ же обычаи, которыми отличаются ихъ соплеменники, въ различныхъ странахъ разсѣянные. Такое мнѣніе будетъ отчасти справедливо. *Отдѣльность* Феллаговъ въ образѣ жизни и обычаяхъ не есть ли отличительный характеръ древняго Израиля, которому, какъ извѣстно, смѣшеніе съ другими народами посредствомъ брака, торговли и другихъ связей, было строжайше запре-

щено закономъ. Они питаются земледѣлїемъ и ведутъ пастушескую жизнь — другое разительное сходство! Замѣтимъ однако, что имъ незнакомы ни торговля, ни лихоимство, ни обманы; что денегъ они не имѣютъ, даже и не знаютъ; что вообще тѣ качества, которыя между нами особенно почитаются Евреямъ природными, Феллагамъ чужды вовсе: они гостепрїимны, откровенны, честны!

Чтожь касается до ихъ религїи, то самая сущность оной доказываетъ весьма ясно, что Феллаги, прежде нежели составили въ горахъ Абиссинскихъ единую Нацїю, долго скитались между язычниками и Магометанами: великое имя Iеговы, который навѣки отвратилъ лице свое отъ Израиля, забыто ими; другїя боготворимыя Феллагами существа сокрыли отъ нихъ лучезарный образъ Предвѣчнаго. Феллаги покланяются кумирамъ, и между прочими одному, имѣющему великое сходство съ Миѳологическимъ Паномъ, божествомъ пастуховъ и стадъ — грубый образъ съ бычачьею головою и рогами. Сего идола молятъ о размноженїи стадъ, и при всякомъ новолунїи приносятъ ему въ жертву молоко. Еще боготворятъ они и другое существо подъ видомъ птицы, которая въ длинномъ носу своемъ дер-

житъ саранчу. Въ первое весеннее полнолунїе приносятъ они сему идолу въ жертву козла, и каждый отецъ семейства помазываетъ жертвенною кровїю двери своего сада, въ той надеждѣ, что страшный Ангелъ истребитель, саранча, по совершенїи сего обряда не прикоснется уже къ ихъ деревьямъ и не вреда имъ, пронесется мимо. Хотя и чтутъ они древнїй великїй праздникъ своего народа, но празднуютъ его только одинъ день, почти безъ всякаго великолѣпїя, и совсѣмъ не слѣдуя обрядамъ, предписаннымъ въ ихъ законѣ. На примѣръ, въ выборѣ Пасхальнаго агнца они гораздо менѣе строги, нежели ихъ предки и нынѣшнїе разсѣянные между нами Евреи. Изъ Ветхаго Завѣта осталось у нихъ только пять книгъ Моисеевыхъ и нѣсколько отрывковъ изъ Пророчествъ. Закона при ихъ молитвенныхъ собранїяхъ не читаютъ. Одни священники хранятъ его, какъ драгоцѣнный остатокъ древнѣйшей народной святыни. Самъ народъ его не знаетъ и даже не любопытствуетъ узнать, будучи столь же несвѣдущимъ и въ Древней своей Исторїи, заключенной въ Священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта: голосъ протекшаго умолкъ для нихъ въ оныхъ ужасныхъ пустыняхъ, которыя разлучаютъ сей тихїй народъ съ полями древней его

отчизны, съ Священнымъ Сїономъ, съ величественными гробницами Пророковъ и Царей Израильскихъ. Всего вѣроятнѣе, что предки Феллаговъ произошли отъ тѣхъ непросвѣщенныхъ, грубыхъ и бѣдныхъ Евреевъ, которые обитали на самыхъ границахъ земли Обѣтованной, куда сїянїе великолѣпной жертвы, на высотахъ Сїонскихъ Предвѣчному приносимой, едва едва достигало, и гдѣ нестройные вопли сопредѣльныхъ язычниковъ всегда заглушали гремящее слово закона, короче: религїя, обычаи, нравы Феллаговъ гораздо ближе къ языческимъ, нежели къ Еврейскимъ; можно сказать, что вѣра ихъ подобна первобытной вѣрѣ Патрїарха Ѳарры, отца Авраамова, который подъ мирнымъ своимъ кровомъ, кромѣ Великаго Царя небесъ, обожалъ и другїя Божества — полевыя, семейственныя, домашнїя.

И самое правленїе Феллаговъ кажется соотвѣтствуетъ сему первоначальному порядку вещей. Ихъ Царь не иное что, какъ первой судїя. Всякой отецъ семейства есть такъ же Царь въ отношенїи къ своимъ домашнимъ, которыхъ судитъ, которыми правитъ по собственному произволу. Народный вождь не отличается отъ подчиненныхъ ни богатствомъ, ни одеждою. На судилище является онъ съ по-

сохомъ — единственный отличительный знакъ верховнаго сана. Достоинство Царя не наслѣдственно, хотя не рѣдко бываетъ оно принадлежностїю одного и тогожь семейства.

Замѣтимъ послѣднее: ожиданїе Мессїи, другимъ Евреямъ столько общее, Фелагамъ чуждо — въ семъ народѣ не примѣтно даже и признаковъ прародительской надежды на пришествїе Искупителя!

Съ Нѣмецкаго * *.

VIII.

Князь мира.

Извѣстно, что *Князь мира* есть первый человѣкъ въ Гишпанїи. Онъ и верховный Адмиралъ, и Генералиссимусъ, и Министръ финансовъ, слѣдственно обладаетъ могуществомъ неограниченнымъ. Какїяжь имѣетъ онъ дарованїя? какими средствами достигнулъ до такого величїя? — Надѣемся, что многимъ отвѣтъ на сїи вопросы покажется любопытнымъ, особливо въ нынѣшнее время, когда неизвѣстно еще, какое направленїе и какїя слѣдствїя будетъ имѣть война Гишпанцевъ съ Англичанами. Всякой, прочитав-

ши слѣдующія извѣстія, присланныя изъ Мадрита въ Лондонъ однимъ безпристрастнымъ Агличаниномъ (*), легко усмотритъ, чего, касательно настоящей войны, можемъ надѣяться отъ Правителя Гишпаніи.

Донъ *Мануель Гадон* де *Алварецъ* Principe de la Paz, т. е. *Князь мира*, (теперь не старѣе 39 лѣтъ) родился въ *Бадаіожѣ*, главномъ городѣ *Эстремадуры*, отъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей, которые, не въ состояніи будучи содержать дѣтей своихъ въ званіи армейскихъ Кадетовъ, записали Мануэля, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ его Людовикомъ, въ Королевскую Гвардію. Здѣсь Мануэль очень долго — до самой ссылки Людовика — оставался въ неизвѣстности совершенной. Ссылка сія послѣдовала по доносу, которымъ извѣстили покойнаго Короля о тѣсной связи одной высокой Особы Двора Гишпанскаго съ Донъ Людовикомъ. Карлъ III, испуганный и оскорбленный, повелѣлъ, чтобы Людовикъ не позже, какъ черезъ два часа, выѣхалъ изъ Мадрита и безвозвратно, съ строжайшимъ предписаніемъ жить не ближе, какъ въ двадцати пяти миляхъ отъ мѣста

(*) Издатель Сѣвернаго Архива (Журнала, выходящаго въ Ригѣ) выписалъ ихъ изъ Лондонскаго періодическаго сочиненія: the Star. Смотри Декабрь мѣсяцъ 1806 года.

пребыванія Королевской Фамиліи. Не смотря на то, получилъ онъ въ Бадаіожѣ, мѣстѣ своего рожденія, начальство надъ баталіономъ земскаго войска и орденъ Алькантары. Въ это самое время донъ Мануэль, братъ его, представленъ былъ Принцессѣ Астурійской, нынѣшней Королевѣ, Герцогинею Альба, какъ превосходный пѣвецъ и музыкантъ. Мануэль дѣйствительно игралъ на гитарѣ весьма искусно и пѣлъ con grazio, какъ говорятъ Испанцы, съ пріятностію. Изгнаніе Людовика продолжалось до самой смерти Карла III, то есть до 13го Декабря 1788 года. Нарочный, привезшій въ Бадаіожъ извѣстіе о кончинѣ Короля, объявилъ Людовику, что онъ прощенъ, что новый Государь наименовалъ его Полковникомъ гвардіи, и что ему приказано немедленно возвратиться въ Мадритъ.

Людовикъ явился у Двора, и Мануэль возвысился. Нарочно для него изобрѣли новую, прежде неизвѣстную должность Генералъ-Адъютанта гвардіи, съ чиномъ Генералъ-Маіора, которую занималъ онъ весьма недолго. Скоро произвели его въ Генералъ-Поручики, наградили достоинствомъ Гранда первой степени, Алкудскими Королевскими помѣстьями и первымъ военнымъ орденомъ, приносящимъ

весьма важные доходы. Сила его расширилась до такой степени, что самые знатные Вельможи, для полученія малѣйшей милости отъ Двора, должны были искать покровительства у Мануэля. При немъ и самой великой Совѣтъ Кастильской съ добродѣтельнымъ своимъ Предсѣдателемъ, Графомъ Арандою, мужемъ достойно славнымъ, теряли силу и голосъ. Передъ открытіемъ послѣдней войны съ Республиканскимъ правительствомъ Франціи, мнѣніе Кастильскаго Совѣта было: сначала дѣйствовать оборонительно, заперетъ сильною арміею Пиринейскіе проходы, умножить количество земскихъ ратниковъ, и потомъ уже думать о введеніи арміи въ подвластные Французамъ предѣлы; но Герцогъ *Алкудскій* мыслилъ иначе, и воля его признана была закономъ. Кастильской Совѣтъ за упорное противурѣчіе разпущенъ, а Графъ *Аранда* сосланъ въ Саракоссу — тамъ кончилъ онъ дни свои; но прежде смерти имѣлъ нещастіе видѣть погибельныя слѣдствія распоряженій Мануэля, и успѣлъ еще оплакать постыдное униженіе своихъ единоземцевъ.

Наконецъ критическія обстоятельства Гишпаніи (1795) принудили Герцога *Алкудскаго* перемѣнить безразсудный планъ своихъ дѣйствій и думать о томъ,

какъ бы загладить стыдъ, причиненный ошибками его Гишпанїи. Единымъ миромъ, воображалъ онъ, какимъ бы то ни было, и самымъ невыгоднымъ и самымъ унизительнымъ, могутъ изцѣлиться народныя раны. И такъ заключилъ онъ миръ, но миръ весьма вредный, которымъ владѣнїя Гишпанїи умалены, многїе источники ея благоденствїя изсушены, сила военная ослаблена, дѣятельность и мужество ея обитателей почти уничтожены: совсѣмъ тѣмъ благодарность народная была неописанна, и щастливый миротворецъ, по волѣ Короля, наименованъ *Княземъ мира*.

Несогласїя съ Португаллїею открыли сему Князю мира дорогу къ блистательной славѣ Полководца. При самомъ началѣ военныхъ дѣйствїй, онъ принялъ на себя титло Генералиссимуса и предводительство армїи, не имѣвъ ни малѣйшаго понятїя о военномъ искуствѣ, даже не видавъ никогда сраженїя и никогда не встрѣчавшись съ непрїятелемъ.

Едвали въ Верховныхъ Совѣтахъ Владѣтелей Европейскихъ найдемъ человѣка столь ограниченнаго въ умѣ и свѣденїяхъ, какъ Мануэль, Князь мира. Умные Гишпанцы смѣются ничтожнымъ талантамъ, которые открыли ему дорогу къ фортну-

нѣ; характеръ и образъ мыслей его въ совершенномъ презрѣніи у древнихъ и благородныхъ Дворянъ Гишпаніи.

Желая унизить сіе Дворянство и положить границы его высокомѣрію, онъ перемѣшалъ его съ состояніемъ разночинцовъ, но со всѣмъ тѣмъ, въ кругу людей, пользующихся его покровительствомъ, не найдется ни одинъ съ познаніями или талантомъ; онъ окруженъ низкими твореніями, которыхъ самъ изторгнулъ изъ праха.

Въ попеченіяхъ о фортунѣ родни своей похожъ онъ на всѣхъ такъ называемыхъ *щастливцевъ* (parvenus). Всякой съ именемъ родственника имѣетъ свободный до него доступъ, можетъ требовать выгоднаго мѣста, и вѣрно получитъ его, какія бы впрочемъ ни имѣлъ способности: родственники Мануэля занимаютъ важнѣйшія Государственныя достоинства. На примѣръ, отцу его, весьма несвѣдущему человѣку, дано самое значущее и прибыльное во всей Испаніи мѣсто, а младшій братъ его *Діего*, сущая невѣжда, въ пространномъ значеніи сего слова, есть Генералъ-Капитанъ земскаго войска (*) и получаетъ богатое жалованье.

(*) Испанскій Генералъ-Капитанъ отвѣчаетъ нашему Генералъ-Фельдмаршалу.

Ненависть къ Французамъ есть самая замѣтная черта въ характерѣ Князя мира; неосторожные Министры Британнїи оскорбили нѣкогда гордость его, которая неограниченна, и гордость самихъ Гишпанцевъ, которая давно уже вошла въ пословицу; безъ того не была бы Гишпанїя въ настоящую войну союзницею Францїи!

Съ Нѣмецкаго * *

IX.

Извѣстія.

Эскадра Адмирала Синявина спокойно стоитъ въ пристани Лиссабонской, и устье Тага, укрѣпленное Французскими инженерами, неприступно для кораблей непрїятельскихъ. Другїя 15 военныхъ судовъ, принадлежащїя къ сей эскадрѣ, вошли въ Трїестъ; но скоро должны оставить сїю гавань и плыть къ Венецїи, которая будетъ для нихъ болѣе безопаснымъ убѣжищемъ отъ нападенїя Англинскихъ флотовъ, покрывающихъ Средиземное море. Въ иностранныхъ Газетахъ пишутъ, что Герцогъ Ришелье, бывшїй военный Губернаторъ Одессы, по причинѣ болѣзни, удерживающей Князя Прозо-

ровскаго въ Яссахъ, принялъ на время команду надъ войскомъ Россійскимъ, которое занимаетъ Турецкія Провинціи Молдавію и Валлахію, и что храбрый Генералъ Платовъ перешелъ черезъ Днѣстръ съ своими козаками. По договору, заключенному между Россійскимъ и Турецкимъ Правительствами, торговля во всей Европейской Турціи можетъ продолжаться свободно: ни съ которой стороны не будутъ препятствовать перевозкѣ товаровъ; въ этомъ договорѣ принимаютъ участіе и Сербы.

*

Въ Лиссабонѣ происходятъ безпокойства. Народъ, увидя Французскіе флаги и гербъ Имперіи, выставленные на Королевскомъ Дворцѣ, началъ бунтовать, но два или три ружейныхъ залпа прекратили волненіе: надѣются, что въ скоромъ времени все успокоится совершенно. Верховный Инквизиторъ въ духовной изданной имъ прокламаціи увѣщеваетъ Лиссабонскихъ жителей покориться безъ ропота опредѣленію Промысла, и первымъ щастіемъ почитать благодѣтельный миръ, которымъ всегда наслаждалось ихъ отечество, и который теперь долженъ быть ненарушимымъ подъ сильною защитою дружественнаго воинства. „Не забывайте, граждане Лиссабона! говоритъ онъ, что

вы обязаны сими преимуществами благоразумному Военачальнику Наполеона; что армія, которая защищаетъ ваше отечество, принадлежитъ Великому Императору, наименованному отъ Промысла покровомъ вашего отечества, подпорою вашей религіи, другомъ ея священниковъ, защитникомъ тѣхъ мирныхъ обителей, въ которыхъ скрываются преданные Богу (то есть монастырей). — Новые отряды Французскихъ войскъ идутъ въ Португалію. Въ Испаніи — предсказываютъ — должны произойти великія перемѣны.

*

Австрійскій Посланникъ оставилъ Лондонъ; и всѣ надежды на миръ исчезли — многіе думаютъ однако, что Англія съ намѣреніемъ отклонила пособіе Австрійскаго Императора, и будетъ сама непосредственно вести переговоры съ Наполеономъ. Министры, упорные въ принятой ими системѣ, рѣшились продолжать войну, вопреки всеобщему желанію мира, которымъ преисполненъ народъ Британскій. Поступки ихъ болѣе и болѣе возмущаютъ націю; умы въ волненіи; во всѣхъ замѣтно неудовольствіе и прискорбіе; Журналисты осыпаютъ ихъ насмѣшками; въ обществахъ, клубахъ, театрахъ, бранятъ Министровъ: на при-

мѣрѣ въ одномъ изъ періодическихъ сочиненій, Independent whig, сказано: Геній Франціи наконецъ торжествуетъ! силы Европы на насъ возстали; погибли мы, когда не перемѣнятъ безразсудной системы своей наши Правители! Англія, страна свободы, изчезнетъ — изчезнетъ или уничтоженная ворвавшимся въ землю его непріятелемъ, или погибшая отъ собственнаго разслабленія! И отъ чего происходитъ сіе равнодушіе Британцовъ, столь бѣдственное въ ужасномъ ихъ положеніи? Уже ли отъ вѣрной надежды, что наши способы соотвѣтственны окружающимъ насъ опасностямъ? Уже ли отъ благородной неустрашимости гордящагося своею силою народа? Или — говорю съ содроганіемъ — отъ унизительнаго равнодушія испорченной націи, которая съ покорностію готова принять неволю отъ побѣдителя? Британскіе народы, обожаемый ими Государь, конституція, которою они гордятся — все окружено многочисленнымъ ожесточеннымъ непріятелемъ! И въ какое ничтожное безчувствіе мы впали! Всѣ сіи низкіе грабители, которые разточаютъ народныя блага, которые нарушили священныя права Британской свободы, которые одни воспламенили повсемѣстную, гибельную для насъ войну, должны быть ввергнуты въ ту

пропасть, которую сами для насъ приготовили; но Англія не лишилась еще благородныхъ сыновъ своихъ, заслуживающихъ имя Британцевъ! Ихъ много, изъ нихъ составлена большая часть націи; видя опасности, грозящія отечеству ихъ, они пробудятся, ихъ мужество — или ограниченное частными выгодами, или усыпленное гибельнымъ отчаяніемъ — опять воспламенится и съ новымъ могуществомъ! Положеніе наше ужасно! всѣ силы Европы на насъ вооружились; Сѣверняя Америка готова разорвать съ нами согласіе! какуюжъ великую цѣль имѣемъ передъ глазами? Наемные писатели опять наименуютъ: *освобожденіе Европы!* Но скажите, Европа желаетъ ли освобожденія? и большій ли деспотизмъ замѣчаемъ въ ея Правительствахъ? Вліяніе Франціи, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ назваться благодѣтельнымъ: оно раздробило Европу, и ужасы войны, свирѣпствовавшей болѣе 15 лѣтъ, теперь не могутъ уже возобновиться (?). Бонапарте исполнилъ блистательную мечту Великаго Фридриха, который, размышляя, какую чрезвычайную силу и многочисленные способы могла бы имѣть Франція при дѣятельномъ, достойномъ ея Правителѣ, воскликнулъ: о естьли бы я былъ Монархъ Французской! ни одна пушка въ Европѣ не могла бы вы-

стрѣлить безъ моего позволенія!" — Британскій народъ неотступно и выразительно требуетъ мира; изъ всѣхъ Провинцій присылаютъ къ Королю адресы; просьба Ландкастерскаго Графства, богатаго мануфактурами, написана сильно и смѣло. Каннингъ и Персиваль въ великомъ затрудненіи; что могутъ они отвѣчать вопіющей Британіи? Одинъ изъ Министерскихъ Журналовъ называетъ народныя собранія, въ которыхъ подписываютъ просьбы о мирѣ, *явнымъ бунтомъ*, на что отвѣтствуетъ ему *Independent whig:* „Когда все Государство страждетъ отъ гибельныхъ слѣдствій долговременной войны; когда разрушительная политика Британскихъ Министровъ почти уничтожила нашу торговлю; когда наши магазины задавлены товарами, неимѣющими хода, и всякой день по тысячѣ ремесленниковъ распускаются фабрикантами отъ недостатка работы; когда число банкротовъ почти удвоилось въ теченіи трехъ мѣсяцевъ — тогда не можетъ казаться страннымъ, что нѣкоторые классы народа, болѣе другихъ потерпѣвшіе отъ общей войны, приходятъ въ движеніе и требуютъ мира. Кто осмѣлится вопли сихъ нещастныхъ, которые не въ силахъ уже сносить угнетенія, именовать *крикомъ бунтовщиковъ*? и должно ли удивляться народ-

тымъ собраніямъ, которыхъ истинная цѣль есть благо Британіи? Скорѣе удивляйтесь долговременному безмолвію сего терпѣливаго народа, сей мирной, великодушной жертвы Министровъ безразсудныхъ! „ — Англичане весьма опасаются возмущенія Ирландцевъ и высадки Французовъ на берега ихъ острова: Франція въ собственныхъ и союзныхъ гаваняхъ имѣетъ болѣе шестидесяти военныхъ кораблей, которые всѣ готовы пуститься въ море, и Англинское Правительство спѣшитъ предупредить ея покушенія — берега Ирландіи укрѣпляются; у жителей отобраны оружія; корпусы Ирландскаго войска усилены; магазины запасены потребнымъ количествомъ провіанта, для предупрежденія недостатка въ пищѣ, который становится ощутителенъ и могъ бы произвести всеобщее возмущеніе въ народѣ. — Рошефортская эскадра, обманувъ бдительность военныхъ Англійскихъ кораблей, вышла изъ гавани: она составлена изъ шести кораблей линейныхъ и трехъ фрегатовъ. Дукворть пустился за нею въ погоню. Всѣмъ Англійскимъ военнымъ кораблямъ, находившимся въ Плимутѣ, послано повелѣніе, оставя поспѣшно берега, преслѣдовать эскадру Французскую.

*

Наконецъ 21 Января засѣданіе Парламента открыто рѣчью, произнесенною Лордомъ Канцлеромъ, въ которой изображаетъ онъ состояніе Государствъ Европейскихъ въ отношеніи къ Великобританскому Королевству. Рѣчь сія, напечатанная въ Мониторѣ съ примѣчаніями, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Лордъ Галловай первый сдѣлалъ предложеніе о благодарственномъ адресѣ. Онъ одобряетъ Копенгагенскую экспедицію и хвалитъ дѣятельность Министровъ. „Пріятно думать, сказалъ онъ, о средствахъ, которыя употреблены для укрытія Португальскаго флота отъ хищности Французовъ: какая слава для Государя Европейскаго предпочесть изгнаніе унизительной неволѣ! . . . Старайтесь поощрять удобреніе пеньки и льна, и мы не будемъ въ зависимости отъ Россіи! . . . Разрывъ съ Сѣверною Америкою для насъ неспасенъ!“ — Адингтонъ желаетъ, чтобы экспедиція противъ Копенгагена была оправдана убѣдительнѣйшими причинами. „Я съ своей стороны, сказалъ онъ, думаю, что причины, представленныя Министрами, неудовлетворительны, и не могу оправдать сего нападенія.“ — Гренвиль сожалѣетъ о томъ, что не было принято посредничество Россійскаго Императора. „Его Величество, нашъ

Государь, сказалъ онъ, желаетъ, чтобы сохранено было между трактующими Государствами совершенное равенство; но должно ли быть слишкомъ разборчивымъ въ опредѣленіи сего равенства? и въ настоящемъ положеніи Европы не опасно ли отнимать у себя послѣднее средство къ заключенію небезславнаго мира?" — „Я знаю навѣрно, что тайныя условія Тильзитскаго мира существуютъ — сказалъ Гакесбури — Для чегожь, спрашиваютъ, не сдѣлано тотчасъ нападенія на флотъ Россійскій? Для чего пострадала Данія? Отвѣтствую: могли ли мы идти къ Кронштату, оставя за собою 16 Датскихъ кораблей, хорошо вооруженныхъ? Къ тому же Руский флотъ не имѣлъ средства такъ скоро приготовиться къ выступленію въ море!" — Въ Нижнемъ Парламентѣ Лордъ Гамильтонъ говорилъ слѣдующее: „Англія должна гордиться, когда сравнитъ себя съ другими Государствами Европы! Своими преимуществами обязана она войнѣ! Сражаясь болѣе 15 лѣтъ, она ничего не лишилась, и много выиграла! Къ нещастію, весьма вѣроятно, что выгоды сіи, пріобрѣтенныя единымъ оружіемъ, *единымъ оружіемъ* и сохранены быть могутъ." — „Удивляюсь, сказалъ Лордъ Мильтомъ, что Министры хвастаютъ благосостояніемъ Англіи въ то самое время, когда

торговля ея разрушена, когда берега Европы для нее неприступны. Слышу съ сожалѣнїемъ, что Его Величество рѣшительно расположенъ къ войнѣ, и что Министры предлагаютъ намъ драться со всѣми соединенными народами стараго и новаго Свѣта!" — Нападенїе на Копенгагенъ, сказалъ господинъ Повсонби, останется навсегда посрамительнымъ пятномъ лѣтописей Британскихъ, естьли не докажутъ, что оно основано на справедливости и было неизбѣжно." — „Министры, прибавилъ Байтбредъ, наградивъ насъ гнилыми кораблями, поссорили съ благородными, достойными уваженїя союзниками! Теперь морская сила Данїи находится въ расположенїи Французовъ. — По многимъ продолжительнымъ спорамъ, Члены обоихъ Парламентовъ опредѣлили послать къ Королю благодарственный адресъ.

*

Въ одномъ изъ Англїйскихъ Журналовъ (The morning chronicle) помѣщена ѣдкая насмѣшка на щетъ Министровъ: *Письмо о новыхъ подводныхъ камняхъ, скалахъ и мѣляхъ, открытыхъ въ Ирландскомъ проливѣ и угрожающихъ прервать навсегда сообщенїе между Англїею и симъ островомъ.* Къ сему сочиненїю подало случай напечатанное въ Придворныхъ Газетахъ объявленїе отъ Адмирал-

тейства, которое, имѣя нужду въ лучшихъ морскихъ картахъ, требуетъ отъ всякаго, свѣдущаго по сей части, подробнѣйшихъ извѣстій о всѣхъ неоткрытыхъ доселѣ подводныхъ камняхъ и мѣляхъ. Самый замѣчательный изъ утесовъ, — сказано въ Сатирическомъ письмѣ — есть *Эльдонъ*, ужасный высотою и необъятной обширности (Великій Канцлеръ, который поощрялъ Ирландцевъ обратиться къ Французамъ, оставя сторону Англіи). Другая, вновь открытая скала, называется *Портландъ*. Издали кажется она страшной вышины, вблизи низка; думаете, что она составлена изъ гранита, и находите одну грязь: недавно оказалась въ ней разсѣлина, имѣющая чудное свойство привлекать къ себѣ дорогія вещи, которыя, всѣ до одной, поглощаются ею безвозвратно Другая новая скала, называемая *Кастлерегъ*, болѣе другихъ опасна потому, что безпрестанно мѣняетъ образъ: она покрыта иломъ, которымъ все, приближающееся къ ней, мараетъ. Снаружи кажется она твердою; взойди на нее, увязнешь или провалишься: многіе путешественники, обманутые наружностію скалы *Кастлрега*, искали на ней убѣжища и жалостнымъ образомъ погибли. Удивительно, что эта скала, сама по себѣ неимѣющая никакой твердости, такъ долго

противуборствуетъ морю и вѣтрамъ. Скала *Каннингъ* бѣлѣе и выше другихъ. Въ послѣднюю бурю она пошатнулась: думали, что совсѣмъ обрушится; но вѣроятно, что скрытый подводный камень воспрепятствовалъ ея паденію.

*

Британская морская сила, по послѣднимъ извѣстіямъ, состоитъ изъ 795 военныхъ кораблей. — Адмиралъ Коттонъ командуетъ эскадрою, находящеюся передъ Лиссабономъ; а Сиръ Сидней Шмитъ удалился, неизвѣстно куда, вмѣстѣ съ Генераломъ Спенсеромъ. Правительство Англіи поручило имъ исполненіе важнаго, для всѣхъ еще тайнаго предпріятія. — Островъ Мадера взятъ Британскимъ флотомъ. — Генералъ Миранда требуетъ у Англичанъ 4 линейныхъ кораблей съ 7000 высаднаго войска, обѣщая обратить всю Южную Испанскую Америку въ независимую, союзную съ Великобританніею землю.

27 *Февраля.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

МАРТЪ, 1808.

No 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О дружбѣ.

Я очень давно живу на свѣтѣ, слышалъ много худаго на счетъ любви; но по сїе время не могу понять, за что недовольны ею люди. Что касается до меня, то я усердный ея почитатель! Цѣлый свѣтъ безъ памяти хвалитъ дружбу: я ни слова! но искренно желаю, чтобы господа знатоки растолковали мнѣ пояснѣе, что такое дружба? Сенека описываетъ ее весьма краснорѣчиво — но этотъ самый Сенека запрещаетъ намъ слишкомъ печалиться о потерѣ друзей нашихъ, и велитъ, какъ можно скорѣе, на мѣсто старыхъ выбирать новыхъ. Покойный Монтань менѣе равнодушенъ. Лафонтень еще нѣжнѣе. Но всѣ они описывали единыя дѣйствїя дружбы; а я желалъ бы знать ея причины.

„Любовь родится вдругъ, увѣряетъ Лабрюеръ, дружба мало по малу. Сколько ума, добродушія, привязанности, услугъ, снисхожденія потребно для того, чтобы въ теченіи многихъ лѣтъ сдѣлать гораздо менѣе, нежели сколько одно прекрасное личико, или одна прекрасная ножка могутъ сдѣлать въ минуту!“

Любовь рѣшительна: извѣстно, чего она требуетъ. Въ желаніяхъ дружбы гораздо менѣе опредѣленности. Вы дружны съ этимъ человѣкомъ! Спрашиваю, почему выбрали вы имянно его, а не другаго? Потому ли, что онъ къ вамъ чувствителенъ, или, что вы сами чувствительны къ нему? Потому ли, что имѣете въ немъ нужду, или, что почитаете самаго себя для него нужнымъ? Нравится ли вамъ его умъ, или можетъ быть онъ самъ восхищается умомъ вашимъ? Но прежде всего скажите, можно ли выбирать друга, какъ выбираешь любовницу? Послѣднее могу утверждать по опыту: мнѣ шестьдесять лѣтъ, но я гораздо надежнѣе влюбиться по выбору, нежели найти себѣ друга по разсчету.

Пятнадцати лѣтъ я очень былъ дружень съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Мы воспитывались въ одномъ домѣ, учились однѣмъ и тѣмъ же наукамъ,

вмѣстѣ проказничали, сходно мыслили, въ ссорахъ съ товарищами вступались одинъ за другаго, любили одни и тѣже предметы, словомъ: онъ былъ я, а я былъ онъ. Выходимъ изъ училища: другу моему, знатному родомъ, открылась дорога къ почестямъ; а я, бѣднякъ и человѣкъ неименитый, остался въ тѣсномъ, весьма неблестящемъ кругу моего семейства. Связь наша продолжалась по прежнему, мы всякой день видались и, надобно сказать, видались съ удовольствіемъ; но скоро замѣтилъ я, что мы не имѣли матеріи для разговора: и онъ и я были тѣже; я не завидовалъ, онъ не гордился; но мысли наши перемѣнились, привычки сдѣлались иныя; мы были не въ ссорѣ, но розно; словомъ сказать: мой другъ перешелъ на сторону Версали, а я остался просто въ Парижѣ.

Лѣтъ черезъ десять познакомился я съ другимъ человѣкомъ, однихъ лѣтъ, одинакаго состоянія со мною. Умы, характеры, склонности наши были удивительно сходны; но, по нещастію, и онъ и я были слишкомъ довольны своимъ жребіемъ; ни въ чемъ не имѣли нужды; ничего не требовали одинъ отъ другаго, короче: онъ уважалъ меня, я уважалъ его, всякой день сходились и расходились мы

съ полнымъ удовольствїемъ; но я удивлялся чрезмѣрному нашему спокойствїю въ дружбѣ, которую можно было назвать — равнодушїемъ.

Открылась революцїя. Все, что называлось просто *обществомъ*, просто *знакомствомъ*, было разрушено. Я, какъ и многїе другїе, остался одинъ или, что все равно, глазъ на глазъ съ пожилою родственницею. Мы были привязаны другъ къ другу привычкою; теперь живемъ подъ одною кровлею, и думать надобно, что вмѣстѣ проведемъ и остатокъ дней своихъ. Тридцать лѣтъ почитаю себя ея другомъ; могу сказать, что мнѣ единственно обязана она малымъ остаткомъ своего имущества, разстроеннаго революцїею; она, съ своей стороны, въ ужасное время Роберспьера подвергалась за меня болѣе десяти разъ явной погибели; со всѣмъ тѣмъ, чудесное дѣло! во всѣ двадцать пять лѣтъ нашей связи не случалось ни разу, чтобы она исполнила какую-нибудь прихоть мою не нахмурясь, или чтобы я самъ за каждое сдѣланное для нее удовольствїе не отплатилъ часомъ или двумя ворчанїя! — Какъ началась наша связь? Родственница моя имѣла заботы, въ которыхъ никто лучше меня не могъ ей сдѣлать пособїя;

имѣла огорченія, которыя никому, кромѣ меня, не могли быть открыты и понятны; словомъ сказать, во мнѣ нашла она повѣреннаго, утѣшителя, наставника; и въ это самое время занемогъ я жестокою болѣзнію; здоровье мое разстроилось надолго; я ослабѣлъ, чувствовалъ тысячи недостатковъ, другимъ непримѣтныхъ, но тяжкихъ; она умѣла ихъ замѣчать, угадывать, предупреждать; короче, мы сдѣлались необходимы одинъ для другаго; желали соединиться сколь можно тѣснѣе, и не подумали о нѣкоторыхъ противурѣчіяхъ характеровъ, которыя, будучи замѣчены мимоходомъ, казались сначала маловажными, но видимыя вблизи, поразили насъ тѣмъ съ большею силою: обязанность быть неразлучными, сдѣлала ихъ для насъ ощутительнѣе. Мы находились въ принужденной зависимости другъ отъ друга, и *частными* возмущеніями старались утѣшать себя въ той горькой неволѣ, отъ которой не могли и не хотѣли избавиться. Недостатки наши, будучи всегда налицо и въ дѣйствіи, усилились; и теперь привычки наши столь же несходны, какъ и нравы; а желанія въ безпрестанномъ раздорѣ и противурѣчіи; на примѣръ, я хотѣлъ бы обѣдать поздно и ложиться рано — смотрю: кушанье поставлено

въ часъ, и подруга моя изволитъ сидѣть до трехъ часовъ ночи; предлагаю играть въ *трикъ-тракъ*; но мнѣ подаютъ карты — бранюсь и принужденъ забавляться въ пикетъ. Хочу выѣхать, она остается — бранюсь и велю отложить карету. Тутъ каждый изъ насъ съ сердитымъ видомъ начинаетъ доказывать, что онъ снисходительнѣе и учтивѣе; взаимныя доказательства учтивости обращаются въ жаркой споръ, и тотъ, который переспоритъ, обыкновенно бываетъ недовольнѣе. Нѣтъ женщины на свѣтѣ, которой бы щастїе было для меня дороже щастїя моей родственницы: но она единственная женщина, къ которой никогда не бываю снисходителенъ; а я единственный мущина, о которомъ она заботится съ истинною нѣжностїю, и котораго всякую минуту бѣситъ своимъ брюзгливымъ нравомъ. Всякое желанїе мое исполнено, за то и всякое движенїе пересужено или осмѣяно. Задумаюсь — она въ ужасныхъ хлопотахъ глядитъ мнѣ въ глаза, разспрашиваетъ, груститъ, угадываетъ причину моей печали, и всякимъ образомъ старается меня развеселить; за то не даетъ мнѣ выпить чашки чаю, не попрекнувъ меня въ прихотливости, не пересчитавъ по пальцамъ тѣхъ блюдъ, которыя подавали мнѣ за обѣдомъ и кото-

рыя совсѣмъ не кстати ѣсть такому *старому хрычу*, какъ я. Съ своей стороны, просидѣвъ цѣлую ночь за ея дѣлами, прихожу къ ней поутру съ сердитымъ лицемъ, ворчу, называю ее безпечною, безпорядочною, предсказываю, что она разорится вконецъ, и что я — обрадуюсь этому отъ всего сердца. Она пугается; новая исторія! мнѣ досадно, что она попустому себя безпокоитъ; ей досадно, что я такъ спокоенъ; споримъ, бранимся; я ухожу, хлопнувъ дверью; черезъ минуту возвращаюсь, какъ будто ничего не случилось, и вижу ее за работою. Когда бы по нещастію была она молода и хороша лицемъ, тогда сохраняла бы долѣе на меня досаду, или плакала; тогда и я принужденъ бы былъ жаловаться, чтобы получить прощеніе, или приходилъ въ отчаяніе, чтобы утѣшить ее; тогдабъ мирились мы гораздо чаще, два дни въ недѣлю обожали другъ друга и остальные пять ненавидѣли. Теперь напротивъ мы безпрестанно бранимся, не ссорясь; забываемъ, чтобы не имѣть труда прощать; распри наши, нимало не нарушаютъ обыкновеннаго порядка; привычка уменьшила ихъ непріятность, а праздность сдѣлала ихъ привлекательными: они придаютъ нѣкоторое движеніе нашей жизни, которая вся наполнена взаимными попеченіями нашими

другъ о другѣ. Я вѣрно чувствовалъ бы недостатокъ, когда бы не игралъ противъ воли въ пикетъ съ моею родственницею, и не бранилъ ея кошки; она съ своей стороны была бы недовольна своимъ днемъ, когда бы, изготовивъ по вкусу моему обѣдъ, не назвала меня сто разъ сумазбродомъ, лакомкою, старымъ прожорою. Пусть будетъ одинъ изъ насъ Ангеломъ: повѣрьте, что и тогда найдется въ немъ для другаго милїонъ недостатковъ; но право не могу вообразить, что сдѣлается съ тѣмъ, который переживетъ своего товарища и будетъ принужденъ остаться одинокимъ на свѣтѣ.

Съ Французскаго.

II.

Неизъяснимое произшествіе (*).

(*Разговоръ между Виллибальдомъ и Бландиною.*)

Виллибальдъ. Я еще у тебя въ долгу, Бландина: обязанъ тебѣ разсказать то

(*) Отрывокъ изъ послѣдняго Виландова сочиненія: *Эвтаназія, или о жизни*

произшествіе, о которомъ говорилъ вчера, и которое, могу тебя увѣрить, не выдумка — я слышалъ его отъ очевидцевъ, умныхъ и достойныхъ довѣренности.

Бландина. Слушаю съ любопытствомъ!

Виллибальдъ. Будетъ около пятидесяти лѣтъ, какъ я познакомился въ N N съ однимъ благороднымъ семействомъ, составленнымъ вообще изъ людей необыкновеннаго ума и характера. Не стану ихъ описывать, но войду въ нѣкоторыя подробности о той женщинѣ, которая играетъ первую ролю въ моей исторіи. Я не имѣлъ щастія знать ее въ лице; она умерла не задолго до моего знакомства

послѣ смерти, изданнаго по случаю странной книги, которая не очень давно напечатана въ Лейпцигѣ Докторомъ Вецелемъ, подъ названіемъ: *Извѣстіе о истинномъ, двукратномъ явленіи жены моей по смерти.* Здѣсь подъ именемъ Виллибальда говоритъ самъ Виландъ: не льзя кажется сомнѣваться въ истиннѣ его повѣствованія. Виландъ никогда не бывалъ мечтателемъ. Онъ самъ, разсказывая повѣсть свою, остается въ сомнѣніи, хотя увѣренъ совершенно, что она не вымышленная басня. *Ж.*

съ ея семействомъ, но всѣ извѣстія объ ней почерпнуты мною изъ самаго вѣрнаго источника. Смѣло могу причислить ее къ самымъ необыкновеннымъ женщинамъ нашего вѣка; что очень согласно съ тою неизвѣстностію, въ которой провела она и кончила дни свои. Нѣкоторая особенная высокость въ чувствахъ, пылкое воображеніе, нѣжное, полное любви сердце, чтеніе мистическихъ книгъ, внѣшнія обстоятельства образовали въ ней сильную склонность къ мечтательности, возвышенной и чистой, на которой основывались всѣ ея чувства, мнѣнія и поступки. По многимъ отношеніямъ могу сравнять ее съ Госпожею Гюйонъ, которой необыкновенная судьба, мистическая привязанность къ Богу и дружба съ Камбрейскимъ Епископомъ Фенелономъ тебѣ извѣстны. Любовь ко Всевышнему Существу для чистой души ея была неизтощимымъ источникомъ моральныхъ наслажденій человѣколюбія и дѣятельной благотворительности, не рѣдко весьма трудныхъ, соединенныхъ съ великими пожертвованіями, и даже съ чувственнымъ отвращеніемъ. Посредственное состояніе не дозволяло ей во всей полнотѣ удовлетворять потребностямъ своего сердца, которое влекло ее на помощь къ нещастнымъ. Госпожа Т * *, желая замѣнить дѣя-

тельностїю недостатокъ способовъ, рѣшилась прїобрѣсть нѣкоторыя искуства, нѣкоторыя познанїя, полезныя для бѣдныхъ поселянъ, въ кругу которыхъ она обитала. На примѣръ, она умѣла приготовлять лѣкарства, чаще другихъ употребляемыя крестьянами; раздавала ихъ безденежно, и такимъ образомъ спасла многихъ неимущихъ или слишкомъ бережливыхъ. Всего искуснѣе и щастливѣе была она въ повивании младенцевъ. Въ окружности нѣсколькихъ миль бѣдные поселяне имѣли неограниченную вѣру къ чудотворной къ ея; Госпожа Т * * никогда и никому не отказывала въ пособїи; не рѣдко приходили къ ней ночью, въ холодную, дождливую погоду, будили и звали ее на помощь къ бѣдной родильницѣ, которая, будучи оставлена цѣлымъ свѣтомъ и терпя совершенной во всемъ недостатокъ, страдала въ какой нибудь отдаленной полуразвалившейся лачугѣ. Госпожа Т * * спѣшила утѣшить страдалицу, и приходъ ея въ обитель нищеты казался явленїемъ свѣтлаго Ангела, который приносилъ съ собою надежду, спасенїе, довольство!

Госпожа Т * *, уважаемая всѣми, которые умѣли цѣнить высокую, чистую, благотворительную душу ея, драгоцѣнная своему семейству, обожаемая нищими, была

подвержена удивительнымъ, доселѣ неизъяснимымъ припадкамъ болѣзни. На примѣръ, не рѣдко, посреди ночи, вставала она съ постели, одѣвалась, выходила съ закрытыми глазами въ другія комнаты, занималась какъ будто на яву дѣлами; но никогда, естьли пробуждаема бывала какимъ-нибудь случаемъ или своею дочерью, которая повсюду слѣдовала за нею изъ осторожности, не могла она вспомнить о томъ, что съ нею происходило, чувствовала въ себѣ необыкновенную слабость, и была не въ состояніи безъ помощи другихъ дотащиться до постели. Не рѣдко случалось, что она, сидя въ кругу семейства, вдругъ приходила въ содроганіе, потомъ хладѣла, становилась неподвижною какъ мраморъ: состояніе, которое очень часто продолжалось болѣе получаса! наконецъ мало по малу возвращала она память и сказывала обыкновенно, что въ продолженіи сего чудеснаго пароксизма происходило во внутренности ея нѣчто необычайное, неописанное; припадокъ возобновлялся такъ часто, что родственники, которые сначала чрезвычайно имъ пугались, наконецъ видя, что онъ не имѣлъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, къ нему привыкли, смотрѣли безъ ужаса на Гжу. Т** въ состояніи недвижимости — состояніи

бездѣйствія внѣшней жизни, соединеннымъ, по словамъ ея, съ неописанно-сладкими внутренними чувствами — и очень спокойно ожидали ея возвращенія въ міръ вещественный.

Я кончилъ свое предисловіе. Теперь и ты, Бландина, должна быть увѣрена, что Госпожа Т* * принадлежитъ, по всѣмъ отношеніямъ, къ существамъ необыкновеннымъ. По мнѣнію моему, она сама гораздо удивительнѣе того чуда, которое мнѣ разсказывали объ ней вѣрные люди.

Въ сосѣдствѣ замка, обыкновенно служившаго ей мѣстомъ пребыванія, находился Бенедиктинскій женскій монастырь, въ которомъ званіе духовника отправлялъ Патеръ *Кайетанъ* — подлиннаго имени его не помню — человѣкъ изъ благородной Нидерландской фамиліи, добродѣтельный, и непорочною жизнію своею заслужившій всеобщее уваженіе. Между имъ и фамиліею Госпожи Т* * существовала тѣсная дружба. Патеръ былъ отмѣнно привлекателенъ въ обхожденіи, ученъ, и сверхъ того искусный музыкантъ; короче, въ этомъ домѣ и старый и малый отъ всего сердца любили добраго Патера Кайетана, всѣ обходились съ нимъ, не взирая на разность религій, какъ съ истиннымъ родственникомъ.

Года за два до кончины Госпожи Т**, Патеръ Кайетанъ перемѣщенъ былъ, по приказанїю своего Князя, въ Беллинцону, Италїанскїй городокъ, гдѣ поручили его присмотру городовую школу, въ которой надлежало ему учить Математикѣ и Натуральной Исторїи. Господинъ и Госпожа Т** искренно сожалѣли объ отъѣздѣ своего друга; Патеръ также; уговорились вести переписку, и это условїе съ обѣихъ сторонъ исполняемо было съ великою точностїю.

Госпожа Т** занемогла; болѣзнь ея казалась легкою; семейство не имѣло никакого безпокойства; надѣялись скораго ея выздоровленїя. Но Госпожа Т** думала иначе; она объявила дочери, которая въ то время имѣла не болѣе девятнадцати лѣтъ, что непремѣнно умретъ такого-то числа, въ такой-то часъ, въ такую-то минуту, и строго запретила не сказывать объ этомъ ни слова ни отцу своему, ни родственникамъ. Господинъ Т**, который не замѣчалъ ничего, такъ былъ увѣренъ въ выздоровленїи супруги своей, что даже не счелъ за нужное писать о болѣзни ея къ Патеру Кайетану. Но день приближился, день, въ которой Госпожа Т**, въ слѣдствїе предсказанїя своего, должна была умереть. Ка-

залось, что ей гораздо лучше; на лицѣ ея было написано веселіе; она спокойно разговаривала съ дочерью (которой одной позволила въ этотъ день къ себѣ приближаться), разговаривала о смерти своей какъ будто о нужномъ посѣщеніи друга, живущаго въ нѣсколькихъ миляхъ; смотрѣла на нее съ неизъяснимою нѣжностію, съ нѣкоторымъ уныніемъ, которое непримѣтно сливалось съ чистымъ веселіемъ непорочной души ея. Послѣднія минуты, которыя оставалось ей провести на землѣ, хотѣла ознаменовать она материнскою любовію: говорила о жизни, которая только что начинала разцвѣтать для ея дочери; говорила о сладости добра, о восхитительной надеждѣ безсмертія, которая оживляла ее въ послѣднюю минуту, о будущемъ соединеніи; глаза умирающей блистали, въ голосѣ не было замѣтно никакой слабости; могли подумать, что болѣзнь совсѣмъ миновалась — обманчивая надежда, которая возвратила на ту минуту спокойствіе сердцу дочери! Пришла полночь; больная приподнялась, взглянула на дочь свою съ улыбкою, сказала: *близко! послѣднимъ проститься съ моимъ другомъ!* оборотилась на другой бокъ; казалось, что она спокойно заснула; черезъ минуту пробуждается, опять устремляетъ печальныя, исполненные нѣжности взоры

на милую дочь, даетъ ей послѣднее благословенїе и засыпаетъ навѣки.

Въ тотъ самый вечеръ и, какъ узнали послѣ, въ тотъ самый часъ Патеръ Кайетанъ, находившїйся въ Беллинцонѣ, сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ и занимался рѣшенїемъ математической задачи, не имѣя и въ мысляхъ Госпожи Т* *, которой болѣзнь была ему, какъ сказано выше, неизвѣстна. На задней стѣнѣ, у самыхъ дверей, висѣла его гитара. Вдругъ зазвучала она сильно; казалось, что лопнула дека. Патеръ содрогнулся, вскочилъ, глядитъ на дверь и — что же? . . . Въ глазахъ его привидѣнїе, образъ Госпожи Т* *, свѣтлый, воздушный! она устремила на него дружескїй взглядъ, улыбнулась и изчезла. Патеръ былъ въ ужасѣ, долго не могъ придти въ чувство; старался увѣрить себя, что онъ не спалъ, что видѣлъ точно лице своей прїятельницы, живущей отъ него въ тридцати миляхъ; идетъ къ гитарѣ, смотритъ — она лопнула; явленїе казалось существеннымъ. Во всю ночь прохаживался онъ въ безпокойствѣ по комнатѣ; во всю ночь терзался мыслїю, что привидѣнїе, быть можетъ, предсказало ему кончину Госпожи Т* *. На другой день

пишетъ къ ея супругу, спрашиваетъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ — котораго причину однако таитъ — каково ея здоровье, и получаетъ во отвѣтъ, что она въ то самое время, въ которое представился ему призракъ, скончалась. . . . Что скажешь объ этомъ произшествіи, Бландина?

Бландина. Признайся: увѣренъ ли ты въ его справедливости?

Виллибальдъ. Я разсказалъ тебѣ то, что знаю, что слышалъ самъ отъ дѣвицы Т**, мѣсяца два по смерти ея матери. Дѣвица Т** въ то время, когда я узналъ ее и, сказать правду, полюбилъ отъ всей души, была простодушная, непритворная дочь Натуры, довольно образованная въ умѣ, но совершенно неопытная и незнакомая съ свѣтомъ. Отъ матери своей получила она въ наслѣдство рѣшительное расположеніе къ нѣжной мечтательности; болѣе жила въ мысленномъ, стихотворномъ мірѣ, нежели въ существенномъ, и окружена была идеалами, которые поселило въ ней совершенное равнодушіе ко всему внѣшнему и естественному. Не смотря на то я твердо увѣренъ, что она сказала мнѣ сущую правду, т. е. не прибавила ни слова къ тому, что почитала, или, отъ стеченія

обстоятельствѣ, должна была почитать истиннымъ. Свидѣтельство Патера Кайетана также не подвержено для меня сомнѣнїю: этотъ человѣкъ былъ совершенно честенъ; онъ вовсе не зналъ о болѣзни Госпожи Т**, и сверхъ того не имѣлъ ни малѣйшей причины говорить неправду. Съ какою цѣлїю и для какой выгоды выдумывать такую басню? Болѣе не ручаюсь ни за что, Бландина! Обманывалась ли умирающая мать, когда говорила дочери: спѣшу проститься съ моимъ другомъ? Обманывался ли Патеръ Кайетанъ, когда онъ видѣлъ передъ собою безплотный ея образъ? Приписать ли простому естественному случаю, что непонятное явленїе призрака послѣдовало въ ту самую минуту, въ которую *хотѣла* явиться умирающая? На всѣ эти вопросы имѣю одинъ обыкновенный отвѣтъ: не знаю! неизъяснимо!

Бландина. А я надѣялась отъ тебя другаго, болѣе удовлетворительнаго отвѣта. На примѣръ: естьли бы нынче сказала я Кларѣ: завтра поутру, какъ можно ранѣе, положи на письменной столикъ отца своего пучокъ туберозъ и ясминовъ; и естьли бы ты въ самомъ дѣлѣ нашелъ на письменномъ своемъ столикѣ пучокъ туберозъ и ясминовъ, тогда подумалъ ли бы, что это дѣй-

ствіе одного случая? Таково и явленіе Госпожи Т* *! Она говоритъ: *хочу проститься съ моимъ другомъ!* и черезъ минуту этому другу представляется образъ ея. — Въ какое же время? — Когда онъ занятъ Математическою задачею, совсѣмъ не думаетъ о умирающей, и не слыхалъ ни слова о болѣзни ея! Что же назовешь *умышленнымъ*, когда и здѣсь не замѣчаешь ничего, кромѣ *случайнаго?* Могъ ли Патеръ Кайетанъ въ описанныхъ тобою обстоятельствахъ самъ себя обмануть, или быть обманутымъ отъ другихъ? И что подумать о лопнувшей гитарѣ, которая звукомъ своимъ пробудила Патера, и принудила взглянуть на то мѣсто, на которомъ представился ему образъ Госпожи Т* *? Не спорю, что всякая гитара легко можетъ лопнуть — дѣйствіе случая: но здѣсь замѣтенъ не одинъ случай: ударъ послышался въ ту самую минуту, въ которую духъ умирающей (вѣроятно, что не могла она болѣе одной минуты промедлить) желалъ обратить на себя вниманіе Патера. Могу ли подумать, чтобы и здѣсь не было никакой умышленной связи между причиною и дѣйствіемъ?

Виллибальдъ. Очень хорошо! Согласенъ почитать это явленіе Госпожи Т* *, случившееся за минуту до смерти ея, про-

изшествїемъ истиннымъ! Какоежь извлечемъ изъ него заключенїе?

Бландина. Первое то, что наша душа, по крайней мѣрѣ за нѣсколько мгновенїй до совершенной разлуки своей съ тѣломъ, способна изъ него выходить и являться въ другомъ мѣстѣ, въ образѣ ощутительномъ; — второе, что явленїе Госпожи Т**, будучи для насъ несомненнымъ, хотя неизъяснимымъ, доказываетъ — когда внимательно разсмотримъ всѣ обстоятельства — что она точно являлась сама, точно *хотѣла* явиться въ томъ видѣ, въ которомъ представилась Патеру Кайетану, и что слѣдовательно — третье, имѣла она способность въ одно *мгновенїе* составить для себя изъ видимой, тончайшей матерїи новое тѣло, подобное прежнему, земному и грубому. Скажу откровенно, что этотъ необыкновенный случай уменьшаетъ мое сомнѣнїе въ бытїи эфирнаго душевнаго органа, который, по мнѣнїю господъ Философовъ, неразрывно соединенъ съ человѣческою душею.

Виллибальдъ. Заключенїя твои слишкомъ поспѣшны, Бландина. Сказать правду: воздушное, составленное изъ тончайшей матерїи тѣло для меня не очень по-

нятно и нѣсколько смѣшно. Желаю знать, какимъ средствомъ душа наша получила способность въ нѣсколько минутъ приготовлять для себя такую новую, необыкновенную одежду? И почему душа Госпожи Т*.* имѣла чудесную *привиллегію* произвольно выходить изъ своего тѣла и опять въ него возвращаться? Нужно ли доказывать, что эта привиллегія не всякой душѣ человѣческой свойственна? У всѣхъ насъ, сколько насъ ни есть, душа до самой минуты рѣшительнаго раздѣленія прикрѣплена, такъ сказать, къ тѣлесной машинѣ множествомъ тонкихъ, невидимыхъ нитей, и, по нещастію, не можетъ — сколько бы она того ни желала — безъ помощи грубаго товарища своего, тѣла, перенестися не только за тридевять земель въ тридесятое царство, но даже въ ближнюю комнату, или на ближнее кресло. И такъ произвольное путешествіе души въ то время, когда лѣнивое или больное тѣло покоится на одномъ мѣстѣ, почитаю не только неизъяснимымъ, но даже и невозможнымъ чудомъ! Но можетъ быть ты вѣришь магическимъ заклинаніямъ какой-нибудь Феи *Стригиллины*, или всемогущему слову *Абракадабра*: въ такомъ случаѣ охотно признаю себя побѣжденнымъ!

Бландина. Ты можешь сколько угодно смѣяться! Но что естьли душа умирающей Госпожи Т * * разорвала уже почти всѣ тонкія нити, которыя, по твоему мнѣнію, привязывали ее къ земному тѣлу? что естьли осталась только одна, довольно длинная нить, по которой она, какъ наукъ, могла въ минуту перебѣжать въ Беллинцону къ Патеру Кайетану, и потомъ въ одну же минуту по той же дорогѣ возвратиться назадъ въ свое обветшалое жилище? —

Виллибальдъ. И тамъ ожидать, когда послѣдняя тонкая нить перервется?

Бландина. Положимъ, что такъ! — Но говоря безъ шутокъ, Виллибальдъ, что думать объ этомъ удивительномъ произшествіи?

Виллибальдъ. Что оно совершенно истинное, но чудное, непонятное, невѣроятное, сверхъестественное, и слѣдовательно непредставляющее разсудку никакихъ удовлетворительныхъ заключеній произшествіе.

Бландина. Жаль! а я бы усердно желала придумать что-нибудь удовлетворительное.

Виллибальдъ. И можешь! На примѣръ, кто запрещаетъ тебѣ, основываясь на

этомъ чудесномъ случаѣ, вообразить, что наша душа непосредственно, отдѣльно отъ времени и пространства, сама собою способна дѣйствовать на другую душу; что на примѣрѣ Госпожа Т * * точно такимъ образомъ дѣйствовала на внутреннее чувство друга своего, и образъ ея представился одному его воображенїю?

Бландина. Хорошо! А гитара? Конечно и на нее душа Госпожи Т * * дѣйствовала непосредственно?

Виллибальдъ. Таково-то, Бландина, стараться объяснять неизъяснимымъ неизъяснимое! Лучше повторю выраженїе Святаго Августина: *душа наша тамъ, гдѣ она любитъ!*

Бландина. Прекрасная мысль! Но я и ты, Виллибальдъ, можемъ знать навѣрно, справедлива ли она въ словесномъ своемъ смыслѣ? По настоящему, душа наша не только тамъ, гдѣ любитъ, но вмѣстѣ и тамъ, гдѣ мыслитъ. Читая Тассовъ Іерусалимъ, я слѣдую за Поэтомъ и въ лагерь Христїянъ, и въ замокъ Армиды, и въ страшный, очарованный лѣсъ: но это объясненїе совсѣмъ не объясняетъ чудеснаго твоего произшествїя.

Виллибальдъ. Чтожь дѣлать намъ, Бландина? Признаться, что мы совершен-

ныя невѣжды въ вещахъ духовныхъ, болѣе ничего! То, чего не узнаемъ никогда, никакимъ средствомъ, и что премудростїю Промысла навѣки отъ насъ сокрыто, должно по настоящему занимать насъ столь же мало, какъ и семейственныя обстоятельства Лунныхъ жителей, или обитателей Сирїуса.

Бландина. Въ этомъ я не согласна съ тобою, Виллибальдъ! Желанїе знать, что будетъ съ нами по смерти, что сдѣлалось съ тѣми драгоцѣнными для насъ творенїями, которыя нѣкогда раздѣляли съ нами жизнь, почитаю весьма естественнымъ человѣку желанїемъ!

Виллибальдъ. Естественнымъ, Бландина? Я сказалъ бы, напротивъ, что неестественно человѣку думать о смерти: это желанїе причисляю къ тѣмъ многочисленнымъ искуственнымъ потребностямъ, которыя произведены бываютъ воспитанїемъ и обыкновенно поселяются въ насъ общественнымъ кругомъ, въ которомъ живемъ и дѣйствуемъ. Признайся, что мы думаемъ о смерти только слегка, мимоходомъ бываемъ настигнуты ею обыкновенно невзначай, въ минуту разсѣянїя, нимало не воображая, что она близко.

Бландина. Признайся и ты, что мы имѣемъ важную причину думать о смерти!

И такъ не лучше ли думать о ней съ удовольствіемъ, спокойствіемъ, надеждою усладительною?

Виллибальдъ. О Бландина! комужъ и думать съ спокойною, сладкою надеждою о смерти, какъ не тебѣ, невинному, добросердечному созданію? По крайней мѣрѣ Сократова тайна: *воспоминаніе о жизни, добродѣтельно проведенной,* кажется для меня самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ. Помнишь ли о послѣдней минутѣ моей Фанни (*), которая никогда не бывала мечтательницею? Какъ ясно и безмятежно встрѣчала она смерть! Бландина! это восхитительное внутреннее убѣжденіе, что жизнь моя протекла невинно, что я всегда любилъ единое добро, и сколько могъ къ нему стремился; это ясное спокойствіе въ послѣднія минуты жизни, пріятный отдыхъ усталаго путника; этотъ довольный взоръ, бросаемый на протекшее, не должны ли намъ казаться началомъ того блаженства, которое Религія обѣщаетъ человѣку за гробомъ? Тотъ, кто въ сію минуту не находитъ въ себѣ ничего, кромѣ добра, тотъ ничего

(*) Виландъ говоритъ о своей супругѣ, любезной женщинѣ, съ которою въ теченіе многихъ лѣтъ наслаждался онъ завиднымъ семейственнымъ щастіемъ. Ж.

кромѣ добра не замѣчаетъ и въ Природѣ! Ему ли страшиться будущаго? ему ли оставаться въ мучительномъ сомнѣнiи о томъ, что приготовила для него вдали благая рука Создателя? Чему ни опредѣлено случиться, онъ спокоенъ, въ душѣ его мужественная надежда на Провидѣнiе. О! такая душа стремится на лоно Безконечнаго съ любовiю младенца, прижимающагося къ матернему сердцу; непримѣтно улетаетъ она изъ того мiра, въ которомъ никогда и ни кѣмъ не будетъ уже видима! Бландина, такое средство разставаться съ жизнiю отъ насъ неотъемлемо! Для чего же напрасно заботиться о томъ, чтобы расторглась для насъ сiя непроницаемая завѣса, которою задернуты передъ глазами нашими таинственныя сцены за гробомъ? Конечно! естественно въ часы унынiя услаждать себя, вмѣстѣ съ *Элизою Ровъ*, прелестными призраками воображенiя, утѣшительными надеждами сердца, или съ задумчивымъ *Юнгомъ* внимать пророчествамъ высокаго духа, возлетѣвшаго превыше чувственнаго мiра; но слѣдующее всего вѣрнѣе для человѣка *добраго въ душѣ*, слѣдующее почитаю несомнѣннѣйшею изъ всѣхъ несомнѣнныхъ истинъ: страшись одного невѣрiя, и съ тихою покорностiю къ Промыслу, до послѣдняго вздоха, *надѣйся лучшаго!*

Бландина. Виллибальдъ! сердце мое съ тобою согласно. Что можно прибавить къ убѣдительнымъ, всесильнымъ его доказательствамъ?

Виландъ.

III.

ПОСЛАНІЕ

Къ А. Н. В.

О ты, съ которою блаженство постигаю,
Которой радости я радостьми считаю,
Которой горести для сердца моего
Тяжелѣ собственныхъ печалей и страданья!
Въ послѣдній часъ прими, за всѣ благодѣянья,
Сердечной, старой долгъ отъ друга твоего!
Ты Совѣсть, Ангелъ мой и благотворный Геній!
Благодарю тебя, что ты меня спасла
Отъ низкихъ слабостей, привычекъ, заблужденій,
И въ пристань тихую корабль мой привела.
Ты радость и печаль со мною раздѣляла,
Ты щастье дней моихъ цвѣтами осыпала;
И въ нашъ желѣзной вѣкъ, когда порокъ, развратъ
Изъ свѣта дѣлаютъ не свѣтъ, но мрачной адъ,
Съ тобою проводилъ я время золотое:
Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое!

Какъ сладко заключенъ сей дружеской союзъ
Непостижимою, таинственною силой!
Однѣ желанія, во всемъ единый вкусъ,
Любовь къ изящному, вліянье чистыхъ Музъ,
Воспламененный духъ и горестно унылой,
Благоговѣніе къ Природѣ и Творцу,
Какъ къ доброй матери, какъ къ нѣжному отцу,
Насъ къ мирной дружбѣ сей давно приготовляли:
Мы свидѣлись — и вмигъ сердца насъ сочетали!

Могу ли не летѣть душей къ тѣмъ райскимъ днямъ,
Которые съ тобой въ деревнѣ мы дѣлили?
Здоровы, веселы, мы цѣлой день бродили
По берегамъ Оки, по рощамъ и садамъ;
Едва лишь тихая денница занималась,
Мы шли на ближній холмъ — глядѣли, какъ съ весной
Надежда юная на землю низпускалась;
Какъ новой ризою Природа облекалась,
Румянцомъ небеса, а воды синевой,
И съ бездною небесъ сливалась водъ равнина —
Великолѣпная, волшебная картина!
Блѣяніе овецъ, шумъ листьевъ, вѣтерковъ,
Хоръ птицъ невидимый, журчаніе ручьёвъ,
Казались пѣснію хвалебною Природѣ,
Любви, безпечности, блаженству и свободѣ!

Могу ли позабыть, какъ позднею порой,
Въ пріятномъ сумракѣ, я, ты и другъ нашъ общій,
Плѣнялись на холмѣ спокойною Луной,
Задумчиво на насъ сіявшей изъ-за рощи;
Какъ наслаждаяся, любуясь и страшась,
Катались въ лодкѣ мы подъ чернымъ кровомъ нощи;
Какъ трели соловья плѣняли нѣжно насъ —
Онъ пѣть переставалъ, но мы еще внимали!
Какъ съ каждымъ, съ каждымъ днемъ я дѣлался добрѣй . . .
Какъ сладко мы тогда другъ къ другу привыкали!
Душа моя тогда, смѣшавшися съ твоей,
Жила для дружества, добра и наслажденья;
За всё, за всё тогда, въ огнѣ благоговѣнья,
Чистѣйшій Небу мы курили ѳиміамъ.
Найдуль подобные тѣмъ райскимъ вечерамъ,
Когда читали мы Жанъ-Жака и Расина
Въ зной лѣтній подъ окномъ, зимою у камина?
Когда, послѣдуя Боннету-мудрецу,
Любили восходить отъ тварей ко Творцу;
Какъ съ Геснеромъ мы въ вѣкъ златой переселялись;
Какъ съ Юнгомъ плакали, съ фонъ-Визинымъ смѣялись;
Когда читали мы исторію злодѣйствъ,
Паденья сильныхъ Царствъ, нещастія семействъ,
И жизнь свирѣпую убійцъ высокопарныхъ —

Ты ужасалася ихъ замысловъ коварныхъ,
И слёзы (чистая прелестныхъ глазъ роса!)
Спѣшила осушить, взглянувъ на небеса!

Тогда я лиру бралъ, и въ струны ударяя,
Жизнь сельскую хвалилъ, Делилю подражая:
Училъ располагать зеленые кусты,
Ручьи сребристые и алые цвѣты;
Тогда у Боало и Дмитрева учился,
Съ пороками людей и глупостью бранился,
Иль славныя дѣла Россіянъ воспѣвалъ!
Тебѣ единственно я нравиться желалъ.
Не требуетъ вѣнковъ моя простая лира,
Возвышенный твоей, о милой другъ! хвалой,
Я могъ ли дорожить народною молвой?
Взоръ дружбы для меня лестнѣе плесковъ міра.
Съ тобой я клевету Зоиловъ презиралъ!
Я не завидовалъ любовникамъ — щастливцамъ,
Я дружбу чистую любви предпочиталъ:
Любовь не рѣдко смерть несетъ своимъ любимцамъ;
Она съ оковами, стрѣлами, тетивой,
Повязка на глазахъ и крылья за плечами!
А дружба нѣжная съ открытыми глазами!
Ее ли обольстить наружной красотой?

Теперь, мой другъ! тебя надолго покидаю!
Теперь прошедшее живѣй воображаю.
О домъ родительской! о братья! о друзья!
Въ послѣдній можетъ быть прощаюсь, плачу съ вами;
Быть можетъ чуждые, съ холодными сердцами,

Положатъ въ мрачный гробъ, въ чужой землѣ меня:
Никто не посѣтитъ могилы моея. . . . .
Не горько умирать, но горько разлучаться! . . . .
Такъ рокъ опредѣлилъ — готовъ повиноваться!
Когда Отечеству полезенъ быть могу:
Я Россъ! и брани страхъ и смерть пренебрегу —
Гласъ человѣчества и сердца умолкаетъ,
Когда Отечество на битву посылаетъ!
Богъ силенъ! можетъ быть невреденъ возвращусь,
И снова съ Музами, съ Природой подружусь,
И снова буду жить, какъ прежде, веселъ, воленъ,
Богатый дружбою, умѣреннымъ доволенъ!
Ахъ! что мнѣ золото, алмазы и вѣнецъ,
Коль друга, лучшее сокровище имѣю?
Безъ злата съ дружбою я щастливъ быть умѣю!
Когда же дней моихъ приближится конецъ,
Съ улыбкой встрѣчу смерть, какъ вечеръ тихой, ясной,
Съ улыбкой кончу жизнь, какъ майской день прекрасной,
Чтобъ снова, перешедъ за гробъ, его начать,
И въ вѣчности — тебя и Бога обожать!

Воейковъ.

IV.

Ощипанный пѣтухъ.

Б а с н я.

Лисица Пѣтуха поймала,
И, по обычаю сестерь своихъ Лисицъ,
Ему всѣ перья ощипала.
Лисицы, страшныя охотницы до птицъ,
И въ этомъ сходны съ нами:
Не тотъ лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ рожденъ съ когтями!
Плутовка за обѣдъ уже садилась свой,
Какъ вдругъ косматый песъ, съ широкой головой,
Домовый стражъ, *Полканъ* залаялъ и пустился
Лисицу жадную ловить.
Пѣтухъ остался живъ, въ курятникъ возвратился.
Безъ перьевъ? — Такъ и быть!
„Не думалъ никогда увидѣться я съ вами —
Бѣдняжка курицамъ сказалъ —
Чортъ на меня бѣду ужасную послалъ!
И еслибъ не *Полканъ* съ зубами,
Конечнобъ не былъ я въ живыхъ!“ —
Какое дѣло намъ до шалостей твоихъ?
Всѣ куры въ голосъ закричали,
Безъ перьевъ, голякамъ, не можемъ мы помочь,
Бѣги отселѣ прочь,
Пока не заклевали!

Ощипанный пѣтухъ, собравъ остатокъ силъ,
Отъ курицъ лыжи навострилъ.
Гонимые судьбой! не тратьте словъ напрасныхъ!
Вездѣ пріемъ таковъ бываетъ для нещастныхъ!

В. Пушкинъ.

V.

Ожесточенный.

Статья человѣческихъ заблужденій есть самая наставительная въ Исторіи человѣчества. При каждомъ чрезвычайномъ злодѣйствѣ должна быть приведена въ движеніе и чрезвычайная, соотвѣтственная ему сила. Сердце человѣка есть нѣчто однообразное, и въ тоже время измѣняющееся до безконечности. Одна и таже способность, одна и таже страсть представляютъ глазамъ нашимъ тысячи разныхъ феноменовъ; съ каждымъ новымъ характеромъ являются онѣ въ новомъ смѣшеніи, въ новомъ свѣтѣ; и тысячи разныхъ дѣйствій не рѣдко имѣютъ источникомъ одну и ту же склонность, связаны тѣснымъ сродствомъ, которое тайно и непримѣтно неопытному взору. Когда бы новый какой нибудь Линней раздѣлилъ человѣче-

скій родъ на классы по склонностямъ и характерамъ: тогда увидѣли бы многихъ, которыхъ пороки, обузданные силою законовъ, теперь изчезаютъ въ тѣсномъ кругу обыкновенной гражданской жизни, на той самой высотѣ, на которой представляется глазамъ нашимъ чудовище Боргія.

Отъ чего извлекаемъ мы изъ Исторіи такъ мало существенной, моральной пользы? Не отъ того ли, что видя передъ собою дѣйствующее лице, увлекаемое чрезвычайною страстію, сами остаемся равнодушны? Спокойствіе читателя въ разительной противуположности съ пылкостію героя; ихъ раздѣляетъ великое пространство; первому не возможно ни сравнивать, ни примѣчать отношеній; чрезвычайныя нещастія не приводятъ его въ трепетъ, но изумляютъ; великій злодѣй, будучи такимъ же, какъ и онъ, человѣкомъ и въ минуту преступленія и въ минуту казни, кажется ему существомъ особеннаго рода, повинующимся другимъ моральнымъ закономъ, имѣющимъ другую волю, другой разсудокъ! Онъ мало трогается его судьбою — насъ трогаетъ только то, что можетъ имѣть нѣкоторое отношеніе и къ намъ, гдѣ видимъ нѣкоторое сходство съ собственнымъ нашимъ жребіемъ!

И такъ моральная польза Исторіи теряется вмѣстѣ съ симъ отношеніемъ: историческія повѣствованія, питая одно любопытство, ни мало не образуютъ сердца. Прямой Историкъ, который имѣетъ въ виду сей важный предметъ, долженъ необходимо избрать одно изъ двухъ — или сообщить читателю страсти своего героя, или герою своему сообщить равнодушіе читателя.

Многіе изъ древнихъ и новыхъ Историковъ, слѣдуя первой методѣ, привлекательнымъ разсказомъ порабощаютъ душу читателя: но этотъ способъ почитаю присвоеннымъ неправо; Историкъ не долженъ предубѣждать хладнокровныхъ судей, и быть предсѣдателемъ на судилищѣ; — такое преимущество предоставлено Стихотворцу и Оратору. Что же, спрашиваю, останется для Историка? Слѣдовать другой методѣ!

Герой Историческій долженъ быть столь же холоденъ, какъ и самъ читатель; яснѣе, онъ долженъ быть намъ извѣстенъ заранѣе, прежде, нежели выдетъ на сцену; мы, съ своей стороны, должны быть не только свидѣтелями поступковъ его, но вмѣстѣ и тайными повѣренными его желаній; мысли его важнѣе для насъ, на-

жели дѣйствія; источники мыслей важнѣе, нежели слѣдствія поступковъ. Любопытство узнать причину волканическихъ изверженій заставило насъ разсматривать ту матерію, изъ которой составлена лава Этны. Для чегожь, занимаясь физическими явленіями, пренебрегаетъ оно явленія моральныя? Для чего не входитъ въ натуру и положеніе тѣхъ вещей, которыя окружали человѣка тогда, когда скоплялось въ немъ тайное, внутреннее пламя, исторгшееся наконецъ съ ужасною силою? Мечтатель, привязанный къ чудесному, плѣняется одною необычайностію явленія. Другъ истины желаетъ объяснить его разсудкомъ; онъ ищетъ началъ его въ неизмѣняемомъ образованіи человѣческой души, и въ тѣхъ безчисленныхъ, ежеминутно измѣняющихся обстоятельствахъ, которыми извнѣ бываютъ опредѣляемы ея дѣйствія. Сверхъ многихъ другихъ преимуществъ, которыя могла бы имѣть Исторія, представляемая въ такомъ отношеніи, одно изъ существеннѣйшихъ полагаю въ томъ, что она изкоренила бы наконецъ сію жестокую гордость, сіе несправедливое презрѣніе, съ которыми добродѣтель, еще неиспытанная и прямая, взираетъ на падшую и побѣжденную; что ею бы наконецъ распространенъ былъ сей благодѣтельный духъ терпимости;

безъ котораго не возвращается ни одинъ заблуждшій на стезю правды, не можетъ существовать примиренія между закономъ и его оскорбителемъ, и ни одно твореніе, погибающее духомъ, не избѣгаетъ конечной погибели.

Имѣлъ ли право на сію человѣколюбивую терпимость тотъ преступникъ, который играетъ первую ролю въ моей повѣсти; погибъ ли онъ безъ возврата для общества — пускай рѣшитъ читатель! Этотъ нещастный уже не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: онъ кончилъ жизнь на эшафотѣ! но тонкое, внимательное раздробленіе проступковъ его, вѣроятно, послужитъ урокомъ для человѣчества, быть можетъ — для самаго правосудія.

Христіанъ Блемеръ, сынъ небогатаго трактирщика въ N**, до двадцати пяти лѣтъ помогалъ старой своей матери содержать трактиръ. Хозяйство шло очень худо; Блемеръ любилъ свободу; будучи еще въ школѣ, получилъ онъ прозваніе *забіяки;* молодыя дѣвушки жаловались на его дерзость; молодые мущины превозносили его проворство. Природа наградила его весьма некрасивою наружностію: Блемеръ былъ низкаго роста, имѣлъ кудрявые,

жесткіе, непріятной черноты волосы, плоскій носъ, толстыя, разбитыя лошадинымъ копытомъ губы; словомъ, безобразное лице его ужасало женщинъ, которыя не смѣли взглянуть на Блемера безъ содроганія, и забавляло мущинъ, которые въ насмѣшку называли его — прелестникомъ.

Блемеръ досадовалъ, и хотѣлъ нравиться насильно; чувственность казалась ему любовію. Жанетта, молодая дѣвушка, болѣе другихъ для него привлекательная, обходилась съ нимъ холодно; Блемеръ имѣлъ причину опасаться, что нѣкоторые изъ соперниковъ его будутъ щастливѣе. Быть можетъ, подумалъ онъ, подарки откроютъ дорогу къ ея сердцу? Чемъ же дарить? гдѣ взять денегъ? Послѣднее свое имущество изтратилъ онъ на то, чтобы являться въ пристойнѣйшемъ видѣ въ присутствіи своей Жанетты. Будучи совершенно безпеченъ и не свѣдущъ, не могъ онъ поддержать хозяйства искусными оборотами; и будучи слишкомъ привязанъ къ своей независимости, не хотѣлъ онъ идти въ работники, и такъ рѣшился просто, какъ и многіе другіе, менѣе стѣсненные обстоятельствами, жить на счетъ другаго, яснѣе, честнымъ образомъ воровать. Городъ, въ которомъ онъ родился, окруженъ былъ обширнымъ Княже-

скимъ лѣсомъ. Блемеръ вздумалъ стрѣлять дичину, которую продавалъ, и вырученными деньгами дарилъ Жанетту.

Въ числѣ ея обожателей находился молодой лѣсникъ, именемъ Робертъ. Блемерова расточительность казалась ему неестественною. Откуда беретъ онъ деньги? думалъ онъ, и началъ прилѣжнѣе за нимъ присматривать, чаще посѣщалъ *Золотой вѣнецъ* (вывѣска Блемерова трактира); скоро проныр.ливымъ взоромъ своимъ, водимымъ ревностїю и досадою, открылъ онъ настоящїй источникъ тайнаго богатства, и скоро удалось ему поймать соперника своего на самомъ дѣлѣ. Блемеръ представленъ въ судъ; по законамъ надлежало ему цѣлой годъ работать въ смирительномъ домѣ, но онъ избѣжалъ наказанїя, и милость сїя, которая стоила большихъ денегъ, разорила его вконецъ. Робертъ торжествовалъ; Блемеръ, лишенный всего своего имущества, не могъ уже быть щастливымъ его совмѣстникомъ: Жанетта отвѣчала единымъ презрѣнїемъ нищему. Блемеръ зналъ своего гонителя, онъ мучился досадою, ревностїю, чувствомъ безсилїя; голодъ и нищета принуждали его покинуть свою родину, искать фортуны въ другомъ мѣстѣ, мщенїе и любовь принуждали его остаться. Опять начинаетъ онъ стрѣлять дичину.

опять онъ пойманъ и представленъ въ судъ неутомимымъ Робертомъ; и будучи не въ состояніи откупиться, осужденъ работать цѣлой годъ въ смирительномъ домѣ.

Годъ проходитъ: Блемеръ свободенъ; но страсть его усилена разлукою; дерзость возвеличена нещастіемъ. Летитъ къ Жанеттѣ: его убѣгаютъ. Крайняя нужда побѣдила его высокомѣріе и лѣность; предлагаетъ услуги свои богачамъ — ему отказываютъ; хочетъ наняться въ поденщики — на него смотрятъ съ сожалительною усмѣшкою, пожимаютъ плечами: годишься ли ты, отвѣчаютъ ему, съ малымъ ростомъ и хрупкими костями своими въ поденщики? Еще оставалось средство, послѣднее: идти въ пастухи — и здѣсь неудача! никто не хочетъ повѣрить коровъ и свиней своихъ бродягѣ! На что рѣшиться? Всѣ надежды обмануты! всѣ предпріятія безуспѣшны! Опять стрѣлять дичину! Въ третій разъ берется Блемеръ за ружье, и въ третій разъ попадается въ руки неусыпному своему непріятелю. Судьи, читая въ книгѣ законовъ, не могли читать во внутренности его сердца: Блемеръ, въ примѣръ другимъ, публично заклейменъ на спинѣ знакомъ висѣлицы, и запертъ на три года въ городовую крѣпость.

Наконецъ миновался и третій годъ: Блемеръ освобожденъ; но выщелъ изъ крѣпости уже не такимъ, какимъ вступилъ въ нее за три года. Съ этой минуты начинается новая эпоха въ его жизни. Выслушаемъ, что говорилъ онъ самъ на исповѣди, за нѣсколько часовъ до совершившейся надъ нимъ казни.

„Вступая въ крѣпость, сказалъ онъ, я былъ не иное что, какъ ослѣпленный, заблуждшій нещастливецъ; оставляя крѣпость я былъ уже испорченный злодѣй. Прежде имѣлъ я еще нѣчто драгоцѣнное на свѣтѣ, и посрамленіе жестоко мучило мою гордость; но въ крѣпости заперли меня вмѣстѣ съ двадцатью невольниками; трое изъ нихъ были убійцы; остальные бродяги или воры, закоренѣлые, ожесточенные. Меня дурачили, когда я говорилъ о Богѣ; поминутно оскверняли при мнѣ Святое Имя Спасителя; разговоры моихъ товарищей приводили меня въ краску и возмущали мою душу, еще неиспорченную, а только разстроенную. Одинъ хвалился своими злодѣйствами, другіе одобряли его; всѣ вообще надо мною смѣялись, или смотрѣли на меня съ презрѣніемъ. Сначала я бѣгалъ отъ ихъ сообщества, не вмѣшивался въ разговоры, для меня противные; но въ горькомъ моемъ положеніи мнѣ ну-

жно было живое существо: собаку, единственнаго оставшагося мнѣ друга, убили передъ моими глазами; тяжкая работа превосходила мои силы; я чувствовалъ необходимость въ помощникѣ, сказать правду, въ утѣшителѣ, и заплатилъ за нихъ послѣднимъ остаткомъ моей добродѣтели; короче, въ нѣсколько недѣль привыкъ я ко всѣмъ окружавшимъ меня ужасамъ, и въ послѣднюю четверть года превзошелъ своихъ учителей.

„Съ этой минуты свобода и мщеніе сдѣлались для меня необходимостію; всѣхъ людей вообще почиталъ я врагами, потому что всѣ они казались и лучше меня и щастливѣе; самому себѣ представлялся я бѣдною, пренебреженною жертвою пристрастныхъ законовъ. Я грызъ свои цѣпи и скрежеталъ зубами, когда позади горы, на вершинѣ которой построена была моя крѣпость, восходило утреннее солнце и всѣ живописныя окрестности, свѣжія рощи, дымящіяся деревни, цвѣтущіе пригорки являлись глазамъ моимъ спокойными, озаренными преисполненными веселія — открытый видъ мучителенъ для невольника! Душистый вѣтерокъ, который свободно вѣялъ въ окно моей башни; ласточка взвивающаяся подъ облака или сидящая на крѣпостныхъ воротахъ — все какъ

будто нарочно прельщало меня завидными наслажденіями свободы: неволя приводила меня въ бѣшенство! Тогда поклялся я непримиримою враждою всему человѣческому роду, и слишкомъ, слишкомъ исполнилъ свою ужасную клятву!

„Прежде всего, по выходѣ моемъ изъ крѣпости, захотѣлось мнѣ посѣтить свою родину; туда влекла меня жестокая жажда мщенія. Сердце мое сильно забилось, когда увидѣлъ я въ отдаленіи колокольню соборной церкви, которая сіяла изъ-за дубовой рощи; но ахъ! то было не радостное чувство изгнанника, летящаго въ отчизну, къ знакомымъ и родственникамъ: воспоминаніе о тѣхъ обидахъ, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя нѣкогда испыталъ я въ этомъ противномъ душѣ моей мѣстѣ, возбудило меня изъ нѣкотораго мертваго усыпленія; всѣ раны мои растворились; кровь во мнѣ закипѣла; я удвоилъ шаги, я радовался мыслію, что непріятели мои приведены будутъ въ ужасъ нечаяннымъ моимъ присутствіемъ; можно сказать, что я желалъ новыхъ оскорбленій, которыя бы дали мнѣ новое право и мстить имъ и ненавидѣть ихъ съ большею силою.

„Звонили къ заутренѣ, когда я очутился на площади, въ кругу народа, идущаго

толпою въ церковь. Меня узнали; но тѣ, которые встрѣчались со мною, отскакивали отъ меня съ ужасомъ. Я всегда любилъ дѣтей, и здѣсь невольно оживилось во мнѣ это нѣжное чувство — я подалъ грошъ одному прекрасному младенцу, который подлѣ меня прыгалъ; но мальчикъ посмотрѣлъ на меня съ изумленнымъ видомъ и бросилъ мнѣ деньги въ глаза. Когдабъ я не былъ въ такомъ ужасномъ волненіи духа, то вѣрно бы вспомнилъ, что имѣлъ наружность ужасную и лице обезображенное черною, всклокоченною бородою; но бѣшенство сердца затмило во мнѣ и разсудокъ — горькія слезы, какихъ ни разу еще не проливалъ я въ жизни, покатились изъ глазъ моихъ ручьями.

„Этотъ младенецъ, сказалъ я самому себѣ почти въ слухъ, не знаетъ, ни кто я, ни откуда пришелъ, но онъ боится меня, какъ дикаго звѣря! Не уже ли на лбу моемъ печать отверженія? Не уже ли, потерявъ способность любить человѣка, потерялъ я и человѣческій образъ? — Поступокъ младенца былъ оскорбительнѣе для меня самаго посрамленія и горькой трехлѣтней неволи: ахъ! я думалъ сдѣлать ему добро, и онъ не имѣлъ причины меня ненавидѣть!

„Я сѣлъ на лавку близь самыхъ церковныхъ дверей. Что происходило въ мо-

омъ сердцѣ, чего оно требовало — не знаю; помню только то, что ни одинъ изъ прежнихъ знакомцевъ моихъ, прошедшихъ мимо, не удостоилъ меня поклона; что я въ ужасномъ ожесточенiи вскочилъ съ своей лавки, побѣжалъ и вдругъ увидѣлъ передъ собою Жанетту. — „Христiанъ! воскликнула она, бросясь ко мнѣ на шею, ты здѣсь Христiанъ! слава Богу!“ — Я посмотрѣлъ на нее суровыми глазами: лице ея было обезображено и блѣдно, одежда показывала нищету; за нѣсколько минутъ повстрѣчался я съ двумя или тремя солдатами; въ городѣ былъ гарнизонъ; короче, предчувствiе меня не обмануло: прочь, развратница! воскликнулъ я съ пренебреженiемъ; сердце мое облегчилось; я радъ былъ, что существовало на свѣтѣ творенiе ниже меня; съ ругательнымъ смѣхомъ оборотился спиною къ Жанеттѣ: нѣтъ! сердце мое никогда не чувствовало къ ней искренней любови.

„Матери моей не было на свѣтѣ; домъ мой достался въ добычу заимодавцамъ; я не имѣлъ никого и ничего; весь мiръ убѣгалъ отъ меня, какъ отъ заразы; скажу наконецъ: я разучился уже стыдиться. Было время, когда я укрывался отъ взоровъ человѣка, не будучи въ состоянiи сносить презрѣнiя;

теперь я самъ бѣжалъ къ нему на встрѣчу; я радовался, когда лице мое приводило его въ содроганіе; лишившись всего драгоцѣннаго, я не боялся потери, почиталъ себя свободнымъ, и вѣрилъ во глубинѣ души, что качества добрыя для меня безполезны, потому что не было человѣка, который бы предполагалъ во мнѣ хотя одно доброе качество.

„Вселенная была для меня опверста; въ другой провинціи я могъ бы еще нажить имя честнаго человѣка, но я потерялъ и самую надежду казаться честнымъ: отчаяніе и посрамленіе поселили во мнѣ унизительную недовѣрчивость къ моимъ силамъ; не имѣя права на честь, я научился почитать ее излишествомъ; я умертвилъ бы самаго себя, когда бы прежняя, свойственная мнѣ гордость могла пережить нещастное мое униженіе: но все во мнѣ погибло, совершенно и невозвратно!

„На что рѣшился я, не знаю; помню, какъ во снѣ, что яростное желаніе дѣлать сколь можно болѣе зла и быть достойнымъ своего жребія, исключительно владѣло моею душею. Законы, я мыслилъ, благодѣтельны для человѣческаго общества — надобно попирать ихъ ногами! Сначала проступки

мои были одно заблужденіе. и легкомысленность, теперь рѣшился я злодѣйствовать по выбору и съ удовольствіемъ.

„Натурально, что я продолжалъ по прежнему стрѣлять дичину; охота сдѣлалась моею страстію, къ тому же надлежало чѣмъ нибудь питаться. Но я всему предпочиталъ жестокое удовольствіе вредить человѣку, вредить тому Государю, который не пощадилъ меня въ своемъ приговорѣ. Неусыпность смотрителей болѣе не ужасала меня: я имѣлъ на готовѣ пулю, и былъ увѣренъ въ мѣткости моего выстрѣла. Я истреблялъ ужасное множество дичины, малѣйшую часть ея носилъ продавать на границу, остальное бросалъ; жизнь моя была самая бѣдная: одежда состояла изъ лоскутковъ, деньги свои издерживалъ я на свинецъ и порохъ. Скоро заговорили въ провинціи о новомъ, неизвѣстномъ истребителѣ дичины; наружность моя отводила отъ меня всякое подозрѣніе; имя мое давно было изглажено изъ памяти человѣческой.

„Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась моя охотничья жизнь. Однажды утромъ зашелъ я по слѣдамъ оленя въ самое глухое мѣсто лѣса; чувствовалъ усталость; хотѣлъ уже отказаться отъ поисковъ;

вдругѣ зашумѣло въ кустахъ; вижу оленя, очень близко, на одинъ ружейный выстрѣлъ; прикладываюсь, хочу спустить курокъ; замѣчаю въ десяти шагахъ отъ себя лежащую на землѣ шляпу; смотрю . . . кто же представился моимъ глазамъ? Робертъ, гонитель мой, жестокій, непримиримый, единственная причина всѣхъ моихъ бѣдствій! Онъ стоялъ подъ дубомъ, оборотясь ко мнѣ спиною, и цѣлясь изъ ружья въ того же самаго оленя, котораго почиталъ я своею добычею. Смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ: человѣкъ самый ненавистный для моего сердца находился отъ меня въ шести шагахъ, подвластный убійственной моей пулѣ. Въ эту минуту казалось, что вся вселенная ограничивалась для меня въ единомъ ружейномъ выстрѣлѣ, что вся моя ненависть заключена была въ единомъ смертоносномъ движеніи пальца. Страшная, невидимая рука надо мною носилась! Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, когда позволилъ ружью своему сдѣлать ужасный выборъ; задыхался; двѣ секунды направленія ружья занимало средину между оленемъ и стрѣлкомъ — еще секунда — другая — третья — мщеніе и совѣсть боролись упорно — послѣдняя побѣждена — и Робертъ съ разстрѣленною головою покатился на землю.

„Ружье упало изъ рукъ моихъ вмѣстѣ съ выстрѣломъ . . . . Убїйца! сказалъ я, содрогаясь, въ полголоса . . . въ дремучемъ лѣсу было все тихо, какъ на кладбищѣ . . . мнѣ ясно послышалось, что я сказалъ: убїйца! . . . Подхожу: онъ умираетъ. Долго стоялъ я въ молчанїи, смотря на цѣпенѣющее тѣло. Наконецъ опомнился; злобный хохотъ, который громко отозвался въ отдаленной глуши, облегчилъ пылающую мою грудь. Ты смиренъ теперь, знакомецъ! сказалъ я наклонившись, и поглядѣвъ ему въ лице. Но мертвые глаза ужаснымъ образомъ смотрѣли; мнѣ стало страшно, я замолчалъ; началъ оглядываться съ робостїю; нѣчто ужасное вокругъ меня бродило; тихой лѣсъ приводилъ меня въ трепетъ; ни одинъ листокъ не двигался, ни одна птица не порхала; страшный трупъ лежалъ передо мною неподвижно; мучительныя, неописанныя чувства наполнили въ сїю минуту мою душу; за нѣсколько часовъ засмѣялся бы я тому въ глаза, кто вздумалъ бы утверждать, что есть въ Природѣ созданїе хуже меня; но тутъ показалось мнѣ, что состоянїе мое за нѣсколько часовъ было достойно зависти.

„Божїе правосудїе не приходило мнѣ въ голову, — но я не знаю, какое-то сму-

тное воспоминаніе о петлѣ, эшафотѣ и казни одного убійцы, которую случилось мнѣ видѣть въ ребячествѣ. Мучительная, неизъяснимо горестная мысль, что съ этой самой минуты я не имѣлъ уже права на жизнь, преданную сѣкирѣ палача, невольно приводила меня въ содроганіе — болѣе ничего не помню; знаю только то, что я желалъ тогда воскресить убитаго. Я силился привести на память всѣ горести и нещастія, которыми отравилъ онъ прошедшую мою жизнь; но, странное дѣло! память моя была какъ будто мертвая; все то, что за минуту приводило меня въ бѣшенство, изъ нее изгладилось; я даже не понималъ, за какую вину застрѣлилъ этого нещастнаго человѣка!

, Стукъ колесъ и хлопанье бича вывели меня изъ безпамятства: въ полуверстѣ проложена была проселочная дорога; надлежало подумать о безопасности; я побѣжалъ въ густоту лѣса; дорогою вспомнилъ, что убитый когда-то имѣлъ серебряныя часы: мнѣ нужны были деньги, чтобы добраться до границы; но какъ воротиться? опять увидѣть ужасный предметъ? . . . . . Тутъ поразило меня воспоминаніе о вездѣсущіи Бога и мукахъ страшнаго ада! . . . . волосы на головѣ моей стали дыбомъ; стараюсь собраться съ духомъ . . . . иду . . . . ноги мои подгибают-

ся . . . . я не обманулся, въ самомъ дѣлѣ нашелъ часы и около талера денегъ въ маленькомъ зеленомъ кошелькѣ. Беру ихъ — кладу въ карманъ — хочу идти — останавливаюсь — думаю — не стыдъ и не робость меня удержали, но, вѣроятно, малый остатокъ еще неугасшей гордости — бросаю часы, беру нужное для меня количество денегъ и удаляюсь. Ты личный врагъ убитаго! говорилъ я самому себѣ; не хищникъ и не разбойникъ, которому нужны были одни только деньги.

„Я побѣжалъ во внутренность лѣса, который, безпрестанно сгущаясь, простирался къ сѣверу на нѣсколько Нѣмецкихъ миль, и наконецъ оканчивался у границы; до самаго полдня бѣжалъ я безъ отдыха. Внутреннїе вопли моей совѣсти заглушены были страхомъ: я думалъ объ одной опасности; но по мѣрѣ того, какъ силы мои приходили въ разслабленїе, вопли сїи становились слышнѣе; грозное привидѣнїе меня преслѣдовало; казалось, что внутренность моя терзаема была тысячею кинжаловъ: будущее приводило меня въ трепетъ; оставалось выбирать — или влачить нещастное, подверженное непрерывному ожиданїю смерти бытїе, или сдѣлать всему конецъ насильственнымъ самоубїйствомъ; но я не имѣлъ рѣши-

мости наложить на себя руку; а жить на свѣтѣ, въ которомъ отвсюду грозили мнѣ одни ужасы, казалось для меня нестерпимымъ. Волнуемый среди несомнѣнныхъ страданій жизни и вѣроятною казнію вѣчности, провелъ я нѣсколько часовъ въ такомъ положеніи, которому нѣтъ и быть не можетъ подобнаго, какого не испытало еще ни единое человѣческое созданіе.

Я продолжалъ идти, задумавшись, тихимъ шагомъ, надвинувъ на глаза шляпу, излучистою тропинкою, которая безпрестанно терялась между деревьями, и прямо вела во мрачную густоту лѣса... вдругъ загремѣлъ ужасный голосъ.... Стой! закричали мнѣ изъ кустарника.

(Окончаніе послѣ.)

VI.

Нордъ-Калъ, или Сѣверный мысъ (*).

(Отрывокъ изъ Путешествія Ачерби въ Швецію, Финландію и Лапландію.)

Наконецъ мы отвалили отъ берега; скоро оставили въ правой рукѣ проливъ, отдѣляющій *Магеронъ*, или пустой ос-

(*) Смотри картинку.

тровъ, отъ твердой земли; съ лѣвой стороны представилось намъ необозримое пространство ледовитаго Океана, и въ самую полночь достигли мы крайняго предѣла Европы, который извѣстенъ подъ именемъ Нордъ-Капа, или Сѣвернаго мыса.

Нордъ-Капъ предметъ нашего любопытства, котораго не охладили ни опасности, ни затрудненія, неразлучныя съ долговременнымъ странствіемъ: главная, можно сказать, исполинская цѣль путешественника, который хотѣлъ увидѣть скалы, сооруженныя Творцемъ на границахъ міра; который справедливо хотѣлъ сказать о самомъ себѣ:

Тамъ кончился мой путь, гдѣ нѣтъ уже Вселенной!

Капъ-Нордъ представился глазамъ нашимъ со всѣми великолѣпными ужасами, которыми украсила его Природа. При этомъ видѣ воспоминаніе о томъ, что оставалось позади насъ, о мірѣ, человѣчествѣ, жизни, какъ будто изгладилось изъ нашего воображенія; казалось, что все твореніе заключено было на сихъ пустынныхъ утесахъ. Изумленные собственною дерзостію, мы внутренно гордились своимъ успѣхомъ, и ставши на ту землю, къ которой никогда еще нога человѣческая до насъ не прикасалась, воображали себя существами высшими, не сла-

быми обыкновенными смертными. Но скоро изчезла минута изступленія, скоро за симъ мечтательнымъ торжествомъ послѣдовали задумчивость и мрачное уныніе. Что представляло намъ отвсюду? Скалы безъ одежды, земля безъ прозябенія, воздушныя необозримыя пустыни. Къ чему же привели насъ безчисленныя заботы, безчисленныя опасности, соединенныя съ путешествіемъ? — Ко гробу Природы!

Капъ-Нордъ есть дикая, огромная скала, со всѣхъ сторонъ орошенная моремъ. Волны съ ужаснымъ шумомъ разбиваются у подошвы ея; отъ времени до времени въ ясную погоду онѣ утихаютъ, но въ бурю ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ громомъ и съ тою неукротимою яростію, съ которыми онѣ стремятся къ ея ужаснымъ утесамъ, колеблютъ ихъ и подмываютъ. Каждый годъ яснѣе обнаруживается древняя ветхость ея; она дряхлѣетъ, сокрушается, изчезаетъ, и нѣтъ свидѣтелей ея продолжительнаго непрерывнаго паденія.

Здѣсь все пустынно, уныло, мертво! Напрасно будешь искать сѣнистой рощи на сихъ вершинахъ; цвѣтущая зелень не украшаетъ сихъ острыхъ уединенныхъ утесовъ; птица земная не появляется подъ сими туманными облаками, не разсѣкаютъ сего необъятнаго,

однообразнаго пространства воздушнаго! Слышишь единые печальные свисты вѣтровъ, внимаешь единому печальному гулу моря! Океанъ безъ предѣловъ; небо безъ горизонта; солнце безъ заката; ночи безъ пробужденія; дикость, тишина, ужасъ — такова картина утесистаго Нордъ-Капа! Здѣсь человѣческіе труды, промышленность, заботы представляются какъ будто въ сновидѣніи; могущество одушевленной Природы, ея различныя формы, ея безчисленныя измѣненія изглаживаются изъ мыслей; видишь однѣ первоначальныя стихіи; міръ представляется не обителью жизни, но точкою въ необъятной системѣ Вселенныя.

Скоро миновалось то упоеніе, которое произведено было въ насъ зрѣлищемъ дикаго Нордъ-Капа; чувства, пробужденныя удовольствіемъ, что наконецъ достигли мы предмета своихъ желаній, зрѣлищемъ мѣста, человѣчеству неизвѣстнаго, картиною грозной, угрюмо-величественной Природы, сравненіемъ сихъ пустыней сѣвернаго полюса съ цвѣтущими краями нашей отчизны, утихли; тогда, возвратившись къ самимъ себѣ, мы живо почувствовали, какъ нужно для человѣка замѣнять единое удовольствіе другимъ, безъ чего ужасная душевная пус-

тота была бы для него несносна. Тогда представилось намъ пространство, которымъ мы были разлучены съ отечествомъ, и, мысленно измѣряя страны, оставшїяся позади насъ, мы съ нѣкоторымъ унынїемъ исчисляли, какъ долго еще надлежало намъ странствовать, прежде нежели увидимъ себя въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Опять, говорили мы, будемъ взбираться на тѣ же горы, опять увидимъ тѣ же пустыни и болота, опять принуждены будемъ подвергаться опасности на тѣхъ же порогахъ! и всѣ сїи предметы, потерявъ уже въ глазахъ нашихъ заманчивость новизны, являлись въ непрїятнѣйшемъ видѣ нашему воображенїю. Подлинно, имѣя въ глазахъ меланхолическое зрѣлище дикой, безплодной, безобразной Природы, мы не понимали, какимъ образомъ одно желанїе насладиться подобною картиною, могло быть цѣлїю такого труднаго, можно сказать, опаснаго путешествїя; но таково могущество словъ надъ умомъ человѣческимъ! Скоро имена *Ледовитое море*, *Нордъ-Капъ*, *предѣлъ Европы*, снова оживили нашу дѣятельность, согрѣли воображенїе, рука взялась за карандашъ, чтобы изобразить на бумагѣ сїи громады утесовъ, или, по словамъ Стихотворца, сїи обширныя страницы изъ Лѣтописи вѣковъ; и

въ эту минуту, занимаясь работою, мы въ полнотѣ души насладились тѣмъ удовольствіемъ, которое всегда чувствительная душа находитъ въ уединеніи, въ разсматриваніи величественныхъ феноменовъ Природы. Перелетая мысленно черезъ пространство сего Ледовитаго моря, мы посѣщали Гренландію, Шпицъ-Бергенъ и далѣе тѣ необъятныя льдяныя горы, которыя дотолѣ будутъ неподвижными среди волнующихся водъ, доколѣ земной шаръ не перестанетъ обращаться на вѣчной оси своей; останавливаясь на точкѣ, именуемой Полюсомъ, мы представляли себѣ зрѣлище года, на единый только день и единую ночь раздѣленнаго; наконецъ, утомившись разнообразными размышленіями и чувствами, сошли мы съ вершины утеса на берегъ, развели огонь и начали готовить себѣ ужинъ. Никогда не чувствовали мы такого голода: усталость, душевное волненіе и тонкость воздуха возбуждали въ насъ аппетитъ; скоро веселость блеснула на лицахъ — и мы на крайнихъ предѣлахъ міра пили за здоровье друзей нашихъ, обитавшихъ на Югѣ.

Для ночлегу своего нашли мы пространную пещеру, составленную изъ трехъ огромныхъ скалъ, которыхъ гладкая поверхность доказывала очевидно,

что впадина сїя измыта волнами Океана. Во внутренности ея увидѣли мы круглой камень, изъ-подъ котораго струился прозрачной источникъ, вытекавшїй изъ ближней скалы. На берегахъ его нашли мы растенїе, называемое *Ангелика*. Такая находка въ странѣ, столь чудной всякаго прозябенїя, гдѣ не могли мы надѣяться, чтобы Природа захотѣла насъ угостить чѣмъ нибудь прїятнымъ, показалась намъ истинною драгоцѣнностїю. Пещера была такъ хорошо разположена, что можно скорѣе почесть ее произведенїемъ Искусства, нежели Природы. Круглой камень служилъ намъ вмѣсто стола. Мы сѣли въ кружокъ; намъ стоило только наклониться, чтобы зачерпнуть самой чистой и прїятной воды, хотя мы не болѣе, какъ въ десяти шагахъ находились отъ Океана. Мы очень жалѣли, что не было съ нами рѣзца, которымъ бы высѣчь на камнѣ какую нибудь надпись, или по крайней мѣрѣ наши имена. Поужинавъ взошли мы на самую вершину скалы, и скатывали для забавы нѣкоторые отломки камней въ море; шумъ, происходившїй отъ ихъ стремленїя, подобился грому; они увлекали съ собою все, что попадалось имъ на встрѣчу.

Съ Франц. N. N.

VII.

Новая фабрика дурной и хорошей погоды.

Сокройтесь изобрѣтатели и чудотворцы, которымъ напрасно удивлялись мы, близорукіе смертные! Затмится ваша слава! Является новое чудо ума человѣческаго! Загляните въ Торуньскія газеты и читайте:

„Глубокимъ размышленіемъ и долго„временнымъ разсматриваніемъ Природы „убѣжденъ я наконецъ, что можно, безъ „труда и большихъ издержекъ, имѣть во „всякое время самую здоровую, плодо„творную и пріятную погоду. Предлагаю „свое открытіе на разсмотрѣніе Ученыхъ. „Согласенъ, безъ всякой собственной ко„рысти, сообщить его всему свѣту, есть„ли Правительство наградитъ меня за тѣ „издержки, которыя нужны для первыхъ „опытовъ, и безъ сомнѣнія маловажны.“ (*)

Можно ли не удивляться и не трепетать, помысливъ объ этомъ великомъ Мужѣ, который, вступивъ неустрашимо

(*) Эта статья точно помѣщена въ Торуньскихъ газетахъ, и еще въ однихъ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ *Hand-Zeitung*, *6 October, 1807.*

въ сраженіе съ невозможностію, одержалъ знаменитую надъ нею побѣду? Можно ли не изумиться его безкорыстіемъ? Имѣетъ вѣрнѣйшій случай нажить милліоны и билліоны — и что же? Добровольно, безденежно даритъ свою тайну человѣческому роду! Скажу откровенно, что, будучи на его мѣстѣ, поступилъ бы я совсѣмъ иначе; я заслужилъ бы рукоплесканіе потомства, но вмѣстѣ не позабылъ бы и своихъ наслѣдниковъ. На примѣръ, во всѣхъ Газетахъ и Журналахъ читали бы слѣдующую мою прокламацію: Я нижеименованный N. N. объявляю всѣмъ и каждому, что съ нынѣшняго числа откроется у меня лавка погоды; что я по приложенной таксѣ, безъ всякой уступки, на кредитъ или на чистыя деньги, по мѣлочи или гуртомъ, продаю солнечное сіяніе и пасмурную погоду, сырость и засуху, вѣтеръ и дождь; словомъ, всѣ до единаго воздушныя перемѣны, начиная съ трескучаго Крещенскаго мороза до самой черной громовой тучи, со всѣми принадлежащими къ ней припасами.

Боже мой! не обманываетъ ли меня воображеніе? Какое множество людей толпится у меня въ лавкѣ, передъ моимъ крыльцомъ, въ моемъ переулкѣ! Чего требуютъ эти молодые, опрысканные духами

Господа? Пріятнаго, не жаркаго и не холоднаго полдня! Они сбираются кататься по озеру, на лодкѣ, съ прекрасными Дамами, которыхъ хотятъ угостить полдникомъ на чистомъ воздухѣ! Отсчитываютъ мнѣ червонцы, и я отпускаю имъ изъ магазина своего нѣсколько зефировъ самой лучшей доброты! — Вотъ повѣренные цѣлыхъ провинцій! чего имъ надобно? Дождя на нивы, которыя гибнутъ отъ засухи! Получаю деньги, и они безъ памяти, съ порядочнымъ запасомъ дождя, скачутъ на почтовыхъ, и нивы украшены богатою жатвою. — Вотъ мореплаватели! они покупаютъ попутный вѣтеръ! — Этотъ угрюмый ревнивецъ пришелъ за крупнымъ градомъ: онъ хочетъ поколотить совмѣстника, который отбилъ у него любовницу, и нынѣшнимъ вечеромъ долженъ имѣть съ нею дружеское свиданіе на чистомъ полѣ. — Это кто? Французскіе Депутаты! просятъ полдюжины самыхъ сердитыхъ бурь, которыми хотятъ угостить Англинскіе флоты! — Не успѣваю раздѣлаться съ однимъ, на мѣсто его является десять — велю запереть двери: напрасно! онѣ разломаны — кричу: разбой! — зову Полицію — меня задушили червонцами, луидорами, гинеями, цехинами.

Но я не остался бы въ накладѣ и тогда, когда бы не захотѣлъ открыть своего торга! Удивленіе, какихъ надѣлалъ бы я чудесъ! Напримѣръ: кто запретилъ бы мнѣ перенести въ Лапландію самый пріятный Италіанскій климатъ, и на утесахъ Нордъ-Капа развести лимонныя деревья, или разсадить ананасы? Или мнѣ вздумалось бы прогуляться по городу, — надо мною сіяло бы яркое солнце и вѣялъ душистый полуденный вѣтерокъ, а спереди, сзади, вправо и влѣво поливалъ бы ужасный ливень, крутились бы сильные ураганы, сыпали бы страшные вѣтры; натурально, что всѣ тогда бросились бы ко мнѣ: но я, разборчивый человѣкъ, позволилъ бы остаться при себѣ однимъ молодымъ красавицамъ, а всѣхъ вѣтрогоновъ, разряженныхъ и разпудренныхъ въ пухъ загналъ бы въ лужу; досталось бы старушкамъ: однѣ разтеряли бы свои башмаки, другія искали бы своихъ чепцовъ и капоровъ; иныя, въ ужасномъ замѣшательствѣ, бѣжали бы какъ угорѣлыя, выпуча глаза, отъ страшнаго вихря, который поминутно придавалъ бы имъ рыси; между тѣмъ съ своими пріятельницами забавлялся бы я на досугѣ этою комическою сценою, и насмѣявшись до сыта, проводилъ бы каждую до крыльца ея дома, и каждая поцѣловала бы меня отъ

добраго сердца въ награду за мою услужливость.

Почитаю ненужнымъ входить въ дальнѣйшія подробности; сказать просто, вселенная была бы у меня въ горсти, и я ворочалъ бы ею, какъ хотѣлъ. Признайтесь теперь, могу ли не удивляться, что новый нашъ Прометей, прославленный Торуньскими Вѣдомостями, отказывается произвольно отъ такого могущества и всѣхъ неразлучныхъ съ нимъ привиллегій? Не думаетъ ли онъ открытіемъ тайны своей принести человѣчеству пользу? Очень ошибается! Вообразите на минуту, что эта великая тайна всѣмъ извѣстна, и умному и сумазброду, и доброму и злому. Какіяжь слѣдствія? Самыя гибельныя, милостивые государи! Тамъ видите вы, на примѣръ, нещастнаго Ректора, который приведенъ въ отчаяніе проказами своихъ школьниковъ: забавники вздумали пустить ему въ глаза нѣсколько вихрей, которыми сдернуло съ него парикъ; новая комета сія взвилась подъ небеса, и черезъ минуту явилась на головѣ старой богомолки, которая, не думавши ни о чемъ, спокойно брела къ обѣднѣ, подпираясь клюкою, а чепчикъ ея тѣмъ же трактомъ очутился на лысинѣ Ректора. Взгляните сюда: эти два

человѣка сосѣди; но, ахъ! какое жалкое сосѣдство! не успѣлъ одинъ выкликать изъ-за облаковъ солнце, чтобы оно высушило бѣлье, которое благомыслящая супруга его разложила въ саду на травѣ, какъ добрый сосѣдъ нагналъ уже дождевую тучу съ вихремъ: платки и колпаки поднялись на воздухъ; одни разлетѣлись по кровлямъ, другіе взмокли и стали хоть брось! Стыдно оставаться въ долгу! и смотришь, пустился градъ: въ домѣ у сосѣда какъ не бывало оконъ! Но тѣмъ не кончилось: за битья стекла надобно поблагодарить порядочнымъ громовымъ ударомъ, за громовой ударъ землетрясеніемъ, далѣе, далѣе, наконецъ у нашихъ смиренныхъ сосѣдей не остается ни бѣлья, ни дому; въ добавокъ переломаны у обоихъ и руки и ноги! Такимъ явленіямъ не будетъ конца, и въ воздухѣ откроется страшная война между погодами! Бѣдные мы люди! развѣ мало наскучили намъ раздоры на землѣ? За чѣмъ же хотимъ возмущать ими и воздухъ?

Совѣтую господину фабриканту, какъ честный человѣкъ, не открывать никому своей ужасной тайны! Пусть будетъ онъ одинъ блюстителемъ воздушной полиціи! На что указывать эгоистамъ дорогу на небо? Они и здѣсь на землѣ несносны! Меня

ни мало не удивитъ, если которому нибудь изъ этихъ господъ вздумается пустить въ насъ лунными каменными дождемъ единственно для того, чтобы — позабавиться надъ нашимъ каррикатурнымъ страхомъ.

Конечно воображаете вы, господинъ фабрикантъ, что славная ваша выдумка не можетъ надѣлать вамъ никакихъ хлопотъ? Ошибаетесь! Предсказываю вамъ тысячи непрїятностей! Злословїе и сплетни сведутъ васъ съ ума; въ церквахъ, театрахъ и на улицахъ станутъ указывать на васъ пальцами; тотъ будетъ кричать: этотъ разбойникъ затопилъ у меня прекрасную мѣльницу о четырехъ поставахъ! другой: онъ вымочилъ дождемъ мой праздничный атласный халатъ! третїй: онъ выбилъ у меня градомъ цѣлую десятину свеклы! короче: бѣда вамъ, государь мой, съ новою вашею фабрикою дурной и хорошей погоды!

Но я еще не отчаяваюсь! Вы одумаетесь, почувствуете раскаянїе, откроете намъ свое имя, или сами пожалуете на сцену, и вмигъ заставите замолчать насмѣшниковъ, сказавъ намъ съ низкимъ поклономъ: милостивые Государи! я — пошутилъ.

Съ Нѣмецкаго.

ПОЛИТИКА.

VIII.

Взглядъ на Бискаю, Астурію и Галлицію.

(Отрывокъ изъ Марсильянова Путешествія въ Испанію.)

Испанія, отдѣленная Пиринеями отъ прочихъ земель Европы, отличается отъ нихъ и нравами своихъ обитателей; она представляетъ глазамъ нашимъ привлекательное зрѣлище неизмѣнившейся Древности!

Большая часть изъ провинцій, составляющихъ сію Монархію, имѣютъ каждая свое особенное, отличающее ее отъ другихъ правленіе. Биская, подвластная Королю, есть совершенная Республика. Въ Монархѣ Испанскомъ признаетъ она единаго покровителя, котораго права весьма ограничены. Въ сей небольшой провинціи всякое мѣстечко и всякая почти деревня имѣютъ собственную, отдѣльную конституцію, и пользуются независимостію

совершенною. Бискайцы дѣятельный народъ; промышленность ихъ оживляется торговлею.

Гвипускоя, часть Бискаи, обильна желѣзомъ, весьма удобнымъ для обработыванія, и въ разсужденіи сего достоинства ни въ какой землѣ не находятъ ему подобнаго: и древніе Римляне почитали его самымъ лучшимъ. Сей металлъ обработываютъ для Государственныхъ арсеналовъ, близь самыхъ рудокопней, гдѣ также приготовляется великое множество всякаго оружія.

Сверхъ того Бискайцы весьма прилѣжно занимаются обдѣлываніемъ шерсти: можно сказать, что дѣятельность усиливаетъ національный, необыкновенный характеръ сего народа.

Не далеко отъ Санъ-Себастьяна, на берегу моря, есть прелестная долина, которая украшена бесѣдками, составленными самою Природою изъ древесныхъ сѣней; тамъ пѣніе множества птицъ мѣшается съ дикимъ шумомъ волнъ, дробящихся въ безчисленныя брызги при подошвѣ скалъ, которыми прелестное убѣжище сіе окружено почти отовсюду; на дорогѣ отъ С. Себастьяна до Бильбао представля-

ются разнообразные перемѣняющїеся ежеминутно виды, которые прїятно развлекаютъ путешественника. Повсюду пышные амеитеатры цвѣтовъ и растенїй! Дѣйствїе сей привлекательной Природы замѣтно на самыхъ лицахъ поселянъ, которые веселы, довольны, здоровы, и древнїя Кантабрїйскїя пѣсни ихъ не рѣдко повторяются эхомъ на высотахъ горныхъ. Въ долинахъ, гдѣ золотыя нивы перемѣшаны съ цвѣтущими лугами, вездѣ увеселяютъ взоръ богатыя сокровища земледѣлїя, которыми украшены и дикїе стремнистые утесы. Прибавьте къ тому благорастворенное свѣтлое небо, чистый воздухъ и самую лучшую воду, которая повсюду струится у ногъ вашихъ прозрачнымъ, блистающимъ потокомъ!

Конечно обитатель сего щастливаго края не можетъ привести путешественника къ великолѣпнымъ развалинамъ древнихъ городовъ или замковъ; но съ гордостїю укажетъ онъ ему на дряхлое *Гверникское* дерево: памятникъ, сооруженный Природою, безмолвный свидѣтель въ продолженїи пяти столѣтїй благородной гордости Бискайцовъ! При корнѣ лежитъ камень, на которомъ возсѣдали Короли Кастильскїе, когда принимали отъ сего народа простые и непритворные обѣты

подданства, и въ тоже время произносили клятву хранить права его постоянно и неизмѣнно. Послѣдній Государь, совершившій обрядъ сей, который дѣлаетъ честь и подданнымъ и Повелителю, была Королева Изабелла. Еще и нынѣ подъ тѣнію сего дерева, на томъ же самомъ камнѣ садятся Судіи народные, когда бываютъ обязаны произносить приговоры, касающіеся до возмущеній или безпорядковъ общественныхъ.

Бискайцы наслѣдовали добродѣтели и мужество прародителей своихъ Кантабрійцевъ: Французы, въ послѣднюю войну съ Испаніею, научились ихъ уважать, и искренно отдаютъ справедливость неустрашимости сихъ горныхъ жителей. Въ блистательную эпоху Римскаго Августа, когда почти всѣ извѣстные тогда народы подвластны были могуществу Рима, Кантабрійцы наслаждались свободою на дикихъ своихъ утесахъ. Въ послѣдствіе многочисленныя арміи наводнили ихъ малую, дотолѣ непобѣдимую Республику; всѣ они были обезоружены; многіе однако, будучи не въ состояніи пережить своей свободы, побросались съ вершины скалъ, или другими средствами лишили себя жизни.

Сей мужественный характеръ достался въ наслѣдство и нынѣшнимъ обитателямъ Бискаи; можно сказать, что они сохранили чистыя, простыя добродѣтели первобытныхъ вѣковъ человѣческаго общества. Они великодушны и человѣколюбивы; брачныя узы для нихъ священны; дѣти почитаютъ и любятъ родителей; вездѣ находите патрїархальное гостепрїимство: надобно замѣтить однако, что все это болѣе относится къ поселянамъ; въ окрестностяхъ городовъ, гдѣ страсти, дѣйствуя сильнѣе и свободнѣе, портятъ нацїональный добрый характеръ, сїи добродѣтели не столь уже чисты; въ примѣръ Бильбао: жители сего города наслаждались спокойствїемъ и щастїемъ, которыми наконецъ наскучили; они возмутили ихъ бунтомъ; но самая провинцїя не приняла участїя въ предпрїятцїяхъ главнаго города, и граждане Бильбао принуждены были смириться; начинщики мятежа наказаны ссылкою на острова Филиппинскїе.

Астурїя, колыбель Гишпанской Монархїи, представляетъ зрѣлище столько же любопытное, какъ и Бисная. Тамъ горы, вознесенныя одна на другую, одна съ другой висящїя, разбросаны въ безпорядкѣ истинно живописномъ! — При

первомъ взглядѣ на сіи громады покажется, что всѣ онѣ въ единое мгновеніе низвергнутся въ долину, и все обитающее на ней уничтожатъ; когда бы жители не были привычны къ сему страху, то не могли бы не трепетать всякую минуту. Кто живетъ въ Астуріи, тотъ безпрестанно, какъ будто посреди сраженій, подверженъ неизбѣжной опасности: со всѣхъ сторонъ представляется ему грозящая смерть: душа его наполнена безпрерывнымъ ужасомъ. Взойдите на вершину какой-либо горы: вы увидите себя на краю утеса, висите надъ бездною Океана, содрогаетесь, каждую минуту готовы потерять равновѣсіе и раздробиться въ прахъ на грозныхъ остріяхъ гранитовъ; со всѣхъ сторонъ поражаетъ васъ страшный ревъ потоковъ, свергающихся съ камня на камень, клокочущихъ въ безднѣ и кипящихъ; все вмѣстѣ оглушаетъ, приводитъ въ круженіе голову; кое-гдѣ пробиты тропинки, віющіяся по утесамъ, и то одни крутые каменные уступы, чрезвычайно скользкіе и опасные.

Здѣсь-то Визиготы, въ 772 году, будучи на голову побиты Маврами при Ксересѣ, собрали остатки своего воинства. За сими неприступными скалами, крѣпостію, которую сложила сама Природа,

укрылись они отъ сильныхъ враговъ, подъ предводительствомъ храбраго Пелага; въ сихъ ущелинахъ усиливались мало помалу побѣжденные, и наконецъ съ сихъ грозныхъ высотъ, вооруженные огнемъ и мечемъ и всѣми ужасами мщенія, помчались они на долины, и сильное царство Оммїадовъ поколебалось въ своемъ основаніи.

Въ Астурїи, также какъ и въ Бискаи, главныя отличительныя черты жителей: воинственность, дѣятельность, бѣдность. Въ Египтѣ, по словамъ Ролленя, весь народъ почиталъ себя благороднымъ. То же можно сказать и о жителяхъ Бискаи, Астурїи, Галлицїи которые всѣ вообще приписываютъ себѣ благородство; что подтверждается и самыми публичными актами Правительства.

Кто хочетъ изъ Каруны ѣхать въ Мадритъ — пишетъ путешественникъ Марсильякъ — тотъ долженъ напередъ запастися всѣмъ нужнымъ для дороги, такъ точно, какъ будто бы надлежало ему странствовать по обширнымъ степямъ Африканскимъ; на этомъ пути промышленности уже не встрѣчается. Самая Натура становится унылѣе: вездѣ находишь новый народъ, новый образъ жизни; вездѣ принужденъ, по примѣру

древнихъ Патріарховъ, обѣдать подъ открытымъ небомъ, въ тѣни какого нибудь уединеннаго дерева; ввечеру заставляютъ тебя вползти въ бѣдную лачугу, которая называется гостинницей; дышешь не воздухомъ, но дымомъ; спишь на соломѣ, въ какомъ нибудь чуланѣ, часто съ коровами, свиньями, овцами, лошаками, которыя, въ этихъ такъ называемыхъ гостинницахъ, составляютъ съ людьми согласное общество.

Ближе къ столицѣ попадается болѣе деревень; строеніе чище и лучше; гостинницы покойны, и путешественникъ вездѣ находитъ гостепріимство, простое и трогательное: самые бѣдные поселяне съ любезнымъ добродушіемъ предлагаютъ ему хлѣбъ, плоды, молоко, и ни подъ какимъ видомъ не требуютъ за нихъ денегъ.

Вотъ нѣкоторыя черты характера горныхъ жителей Бискаи, Астуріи, Галиціи. Надменность, которою упрекаютъ ихъ обще со всѣми Испанцами, есть не иное что, какъ благородная, нѣсколько вышедшая изъ границъ высокость души (grandezza). Она имѣетъ источникомъ воспоминаніе о славѣ ихъ древнихъ Монарховъ, которые, по словамъ Ансильона, поли-

тическими замыслами своими обнимали вселенную! Сїя праотеческая гордость способна и нынѣ произвести величайшїя усилїя мужества. . . . . Еще не забыта геройская, непоколебимая предпрїимчивость Кастильянъ, утвердившихъ Филиппа V на томъ престолѣ, который вооруженная, сражающаяся Европа стремилась похитить для Эрцгерцога Карла.

Съ Нѣмецкаго * *.

IX.

Извѣстїя.

На берегахъ Дуная царствуетъ тишина; но Порта, надѣясь на миръ, не перестаетъ готовиться и къ войнѣ. Султанъ ежедневно присудствуетъ въ Диванѣ; и всѣмъ Пашамъ наслано повелѣнїе, собравши сколько можно болѣе войскъ, усилить ими главную армїю Великаго Визиря, собранную близь Адрїанополя. Въ Австрїи также замѣтны движенїя: одиннадцать полковъ, составляющихъ пограничное войско, извѣстные подъ именемъ Кроатовъ и Пандуровъ, соединены и будутъ составлять кордонъ на предѣлахъ Турцїи. Число ихъ можетъ простираться также до 70,000. Эрцгерцогъ Фердинандъ и подъ

начальствомъ его Генералъ Бельгардъ предводительствуютъ симъ наблюдательнымъ корпусомъ, которой назначенъ только для охраненія Австрійскихъ границъ, въ случаѣ новаго открытія непріятельскихъ дѣйствій между Россійскими и Турецкими войсками.

*

Король Густавъ рѣшительно объявилъ себя союзникомъ Англичанъ, и слѣдовательно врагомъ Россіи. Британское Правительство обѣщаетъ ему 20,000 вспомогательнаго войска, и платитъ по 100,000 фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно. Пишутъ, что Англійская эскадра, состоящая изъ 20 военныхъ кораблей, съ 15 перевозными судами, явилась уже близъ Готтенбурга; что Шведы въ соединеніи съ Англичанами нападутъ на Норвегію, и что наконецъ 28,000 собраннаго на островѣ Зеландѣ войска готовы переправиться на берега Швеціи. Руская армія вступила уже въ Шведскую Финландію. Въ Нѣмецкомъ Журналѣ *der Zuschauer*, который печатается въ Ригѣ, помѣщено слѣдующее письмо изъ Борго о первыхъ успѣхахъ нашего оружія. Думаемъ, хотя не отваживаемся утверждать, что заключенныя въ немъ извѣстія справедливы. Журналъ, изъ котораго оно переведено,

выходитъ въ Россіи, съ дозволенія Правительства: Оно конечно не позволило бы разпространять неосновательнаго слуха; это самое даетъ намъ смѣлость сообщить сіе письмо читателямъ Вѣстника Европы. — „Борго, 13 Февраля. Наконецъ наши войска перешли черезъ Рубиконъ, то есть черезъ Кюмень, которымъ Руская Финландія отдѣлена была отъ Финландіи Шведской. Пишу къ вамъ въ 70 верстахъ отъ прежней нашей границы. Какъ близко! воскликнете вы можетъ быть, вспомнивъ о прежнихъ быстрыхъ походахъ Рускаго воинства. Но перенеситесь мысленно въ Финландію; вообразите ужасную дикую страну, наполненную гранитными чрезвычайной крутизны утесами; вообразите, что многочисленная армія должна пробираться по страшнымъ утесамъ узкими дорогами, на которыхъ не вездѣ могутъ свободно разъѣхаться двое саней, которыя не рѣдко извиваются на краю пропасти, или ведутъ черезъ ужасное снѣжное море; подумайте о затруднительной перевозкѣ артиллеріи, о мужествѣ Шведскихъ солдатъ, о страшныхъ крѣпостяхъ, которыя разсѣяны на неприступныхъ вершинахъ утесовъ, или приготовлены самою Природою въ горныхъ, неизвѣстныхъ намъ ущеліяхъ, въ непроходимыхъ сосновыхъ лѣсахъ, на всякомъ шагу заграждающихъ намъ дорогу! При-

бавьте къ тому, что кромѣ непрїятелей должны мы сражаться съ жестокостїю холода, со вьюгами и метельми, которыя не позволяютъ иногда различать находящихся въ двухъ шагахъ предметовъ: и вы отдадите полную справедливость Рускимъ воинамъ! ихъ мужество, постоянное и спокойное, ни чемъ неколеблемо, и храбрые Полководцы ихъ, находясь впереди, первые подвергаютъ себя опасностямъ! Опишу вамъ начальные подвиги нашего воинства. 9 го Марта вся Руская армїя совокупно, въ одно время и въ разныхъ пунктахъ, у Нишлота, Ротсолы, Мемелы и Аберфорса, переступила черезъ границы; ударила на укрѣпленїя при Аберфорсѣ, которыя въ мигъ захвачены; сбила непрїятеля, отняла у него четыре пушки, и преслѣдовала его на 15 верстъ до самой Ловизы, которая тотчасъ занята нашимъ авангардомъ. Градоначальникъ вынесъ Графу Буксгевдену городскїе ключи; жители приняли насъ съ громкими восклицанїями: *да здравствуетъ Рускїй Императоръ АЛЕКСАНДРЪ!* Казалось, что мы вступали въ отечественный городъ; все было въ порядкѣ и спокойно; всѣ домы были отворены; солдатъ и Офицеровъ угощали какъ званыхъ гостей; мы отдыхали цѣлой день; въ вечеру ходили въ Театръ,

и въ этотъ разъ актеры не могли пожаловаться на малое количество зрителей. 16го Числа были уже приготовлены батареи противъ Шварттольской крѣпости, а 11го вся эта сторона до самаго Форсби очищена отъ непріятеля. Вчера, 12 числа, имѣли мы новую встрѣчу; непріятель засѣлъ въ лѣсу и укрѣпился: открытое нападеніе могло бы намъ стоить великаго множества людей; мы обошли съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, вытѣснили непріятеля изъ выгоднаго его положенія, и онъ опять прогнанъ съ великимъ урономъ. Подполковникъ Нордкепингскаго егерьскаго полку, два Офицера и множество солдатъ достались намъ въ полонъ, а непріятель преслѣдованъ до самаго Борго, котораго предмѣстія тотчасъ заняты были нашимъ авангардомъ. Ночью и самый городъ очищенъ; непріятель поспѣшно удалился къ Гельзингфорсу; а нынѣ поутру наши войска вступили въ Борго, гдѣ приняты такъ же торжественно, какъ и въ Ловизѣ. Финландскій Епископъ въ орденѣ Сѣверной Звѣзды большаго Креста, со множествомъ духовныхъ и свѣтскихъ Чиновниковъ, вышли на встрѣчу къ нашему Генералу. Теперь Россійская армія занимаетъ прямую линію отъ Борго до провинціи Тевестгуской, въ параллели съ Нишлотомъ и Фридрихсгамомъ. При-

знайтесь, что въ 5 дней сдѣлано довольно! Послѣ завтра идемъ впередъ. Мужество Рускаго воинства неописанно."

*

Въ верхнемъ и нижнемъ Парламентѣ предлагали сдѣлать благодарственный адрессъ морскимъ и сухопутнымъ Офицерамъ, имѣвшимъ участіе въ экспедиціи противъ Копенгагена. Лордъ Голландъ требовалъ, чтобы это предложеніе было отвергнуто, говорилъ долго и съ жаромъ; но рѣчь его не имѣла никакого дѣйствія: предложеніе принято, и адресъ подтвержденъ согласіемъ 100 Членовъ противъ 81. — Въ первомъ засѣданіи Парламента извѣстный Ораторъ Шериданъ (сочинитель прекрасной Комедіи: *Школа злословія*) говорилъ слѣдующее въ отвѣтъ на предложеніе Лорда Канцлера о благодарственномъ адресѣ Королю: „Я далъ себѣ слово не вмѣшиваться въ споры почтенныхъ Членовъ Парламента: но теперь, слыша прекрасныя объясненія Министровъ, не могу долѣе хранить молчанія. Для меня непостижимо, какъ можно, разбирая поступки, столь посрамительные для Британскаго характера, — я говорю о разореніи Копенгагена — довольствоваться одними изключеніями, пустою риторическою уловкою! Министры, говорите вы, не имѣли въ рукахъ тайныхъ

условій Тильзитскаго трактата? но имъ извѣстно ихъ содержаніе! Для чего же не сообщить Парламенту сего содержанія? Почтенный Лордъ позволилъ себѣ нѣкоторыя неприличныя выраженія на счетъ моего достойнаго друга (г. Понсонби); но я совѣтую ему вспомнить, что онъ не въ правѣ забавляться надъ мнимою неопытностію гна. Понсонби, котораго величаетъ главою такъ называемой имъ *противной стороны*. Не позабылъ ли онъ, именитый Лордъ Канцлеръ, что и его можно назвать по многимъ отношеніямъ младенцемъ въ Министерствѣ; что вся Британская нація и самые друзья его были внѣ себя отъ удивленія; когда Его Величеству угодно было поручить ему тягостное кормило Государственнаго правленія? — Возвращаюсь къ главному моему предмету, къ нападенію на Копенгагенъ. Искренно скажу, что я согласенъ бы былъ оправдать его, когда бы наши Министры не осмѣливались ругаться такъ явно надъ всѣми священнѣйшими правами народовъ, надъ всѣми высокими чувствами человѣчества; когда бы могли они доказать неоспоримо, что Бонапарте и Датскій Дворъ точно заключили между собою тайный договоръ; что не было средства Датчанамъ спасти морскую силу свою отъ хищности Франціи. Fiat justitia, ruat

coelum! *дѣлай добро, хотя бы разрушилось небо!* — Въ такихъ обстоятельствахъ было бы это совершеннымъ безумствомъ, и не изторгнуть кинжала изъ рукъ убійцы, который готовится тебя зарѣзать, есть не иное что, какъ fiat ſtultitia, ruat patria! *дѣлай дурачества, хотя бы разрушилось Отечество!* И такъ не смѣю думать, чтобы отважились предать на поруганіе священное имя нашего Монарха безъ сильныхъ, побудительныхъ причинъ, которыя не могутъ быть опровергнуты. — Въ прокламаціи сказано, что Данія вступила въ союзъ съ Россіею и Франціею: слѣдовательно первымъ непріятелемъ была Россія! За что же бросаете пламя и смерть въ столицу Союзницы? За что умерщвляете невинныхъ ея обитателей? Надлежало напасть на Россію; истребить или похитить флоты ея, находившіеся въ Кронштатѣ; переловить ея корабли, свободно пропущенные нашими эскадрами въ Средиземное море! Естьли извѣстія, на которыя вы опираетесь, ложны: то Копенгагенъ разрушенъ неправо; естьлижь Тильзитскія тайныя условія точно существуютъ, то Министровъ надлежитъ предать суду за то, что они, оставивъ въ сторонѣ главнаго, ужаснаго непріятеля, погубили мирнаго и неопаснаго Союзника. Подивитесь же поступкамъ нашихъ благо-

мыслящихъ Министровъ! Вмѣсто того, чтобы напасть на главнаго непрїятеля, они приступили къ нему съ требованїемъ, чтобы онъ примирилъ ихъ съ слабымъ союзникомъ, на котораго они напали. Нѣтъ! нѣтъ! они очернили Британнїю! очернили сначала своими поступками, потомъ отказомъ доставить Парламенту необходимыя объясненїя! Когда не существовало истинной опасности, то нацїя получала одни деревянные отрубки и нѣсколько лишнихъ морскихъ припасовъ: ничтожная выгода, за которую должна она заплатить монетою посрамленїя! Но эта экспедицїя, скажутъ мнѣ, предохранила насъ отъ высадки въ Ирландїю? Боже мой! хотятъ сберечь Ирландїю злодѣйствомъ, которое приводитъ въ ужасъ добрую душу! Но я укажу вамъ на другой, болѣе дѣйствительный способъ. Вамъ жаль Ирландїи? Примиритесь съ симъ бѣднымъ народомъ, не притѣсняйте его, будьте друзьями Ирландцевъ! тогда вы можете быть спокойны. Ирландїя не предпочтетъ благородному дружеству Британцевъ унизительнаго покровительства Францїи! — Что сказать о войнѣ? Согласенъ, что много случаевъ, въ которыхъ она неизбѣжна; что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ голосъ народа, вопїющїй о мирѣ, можетъ противурѣчить выгодамъ Правительства: но естьли ве-

дуть войну только для того, чтобъ нѣкоторые привычные къ убійствамъ, и впрочемъ совѣстные люди, были сыти или не потеряли своего мѣста; то первой долгъ всякаго истиннаго гражданина идти къ подножію престола и сказать Государю: услышь умоляющіе вопли твоего народа! Я знаю навѣрно, что были случаи ввести Австрійскаго Императора въ посредство о мирѣ! Но захотѣли ли ими возпользоваться? Нѣтъ; война продолжалась, а насъ даже не удостоили увѣдомить: по какой причинѣ? Сначала, по крайней мѣрѣ, *выдумывали* причины: хорошія или худыя, о томъ ни слова! Не скажутъ ли опять: мы защищаемъ Союзниковъ? Но я осмѣливаюсь надѣяться, что мой почтенный другъ, который сидитъ противъ меня (г. Каннингъ), увѣренъ, что эта причина совсѣмъ не убѣдительна; или, быть можетъ, Господа Министры по своей логикѣ наконецъ догадались, что *провожать* Португальскіе корабли въ Бразилію значитъ — защищать своего Союзника. — Теперь остается мнѣ сказать мое мнѣніе на счетъ Ирландіи. Объявляю, что я намѣренъ рѣшительно требовать немедленнаго уничтоженія двухъ несправедливыхъ актовъ, которые противны конституціи Ирландскаго народа. Сожалѣю, что

въ этомъ случаѣ долженъ быть несогласенъ съ нѣкоторыми изъ друзей моихъ, которые совѣтуютъ дать время нашимъ Министрамъ. Дать время! Но развѣ не знаете вы ихъ видовъ, ихъ предразсудковъ, ихъ образа дѣйствовать, касательно до нещастной Ирландіи? Нѣтъ! нѣтъ! съ такими Министрами и недѣля отсрочки кажется для меня опасною. — Что сдѣлано во время ваканціи Парламента для блага и усмиренія Ирландіи? Усмиренія, говорю! пока деспотическіе акты сіи будутъ посрамлять священную книгу законовъ, по тѣхъ поръ считайте Ирландію страною неустройства и бунта! Вы размножаете въ ней Протестантскіе приходы и школы! Выдумка благоразумная! Желаю только знать: какую имѣете вы цѣль? Конечно не щастіе, не спокойствіе, не выгоды Ирландскаго народа. — Въ послѣднемъ засѣданіи сказали мнѣ, чтобъ я не требовалъ поручительства, и положился на дѣйствія Министровъ во время ваканціи. Что же сдѣлали Министры? Ничего совершенно! и еще оскорбительное то, что они умалчиваютъ объ Ирландіи въ рѣчи Его Величества. Повторяю опять: время Парламенту заняться симъ важнымъ предметомъ! Берегитесь! пожаръ можетъ разгорѣться: съ

потерею Ирландїи сопряжена погибель Британскаго народа!"

*

Провинцїя новая - Силезїя уступлена Варшавскому Герцогству. По извѣстїямъ изъ Берлина, Маршалу Виктору приказано идти въ Португалїю. Думаютъ, что Прусскїй Дворъ, который теперь находится въ Кенигсбергѣ, переѣдетъ въ концѣ Марта въ Берлинъ; всѣ вообще приписываютъ сей щастливый переворотъ обстоятельствъ Принцу Вильгельму, который теперь въ Парижѣ, и старается возобновить согласїе между Французскою и Прусскою Монархїями. Слухъ носится, что Прусскїй Король пристанетъ къ Реинскому Союзу, и что Принцъ Вильгельмъ получитъ Шведскую Померанїю съ достоинствомъ Великаго Герцога.

*

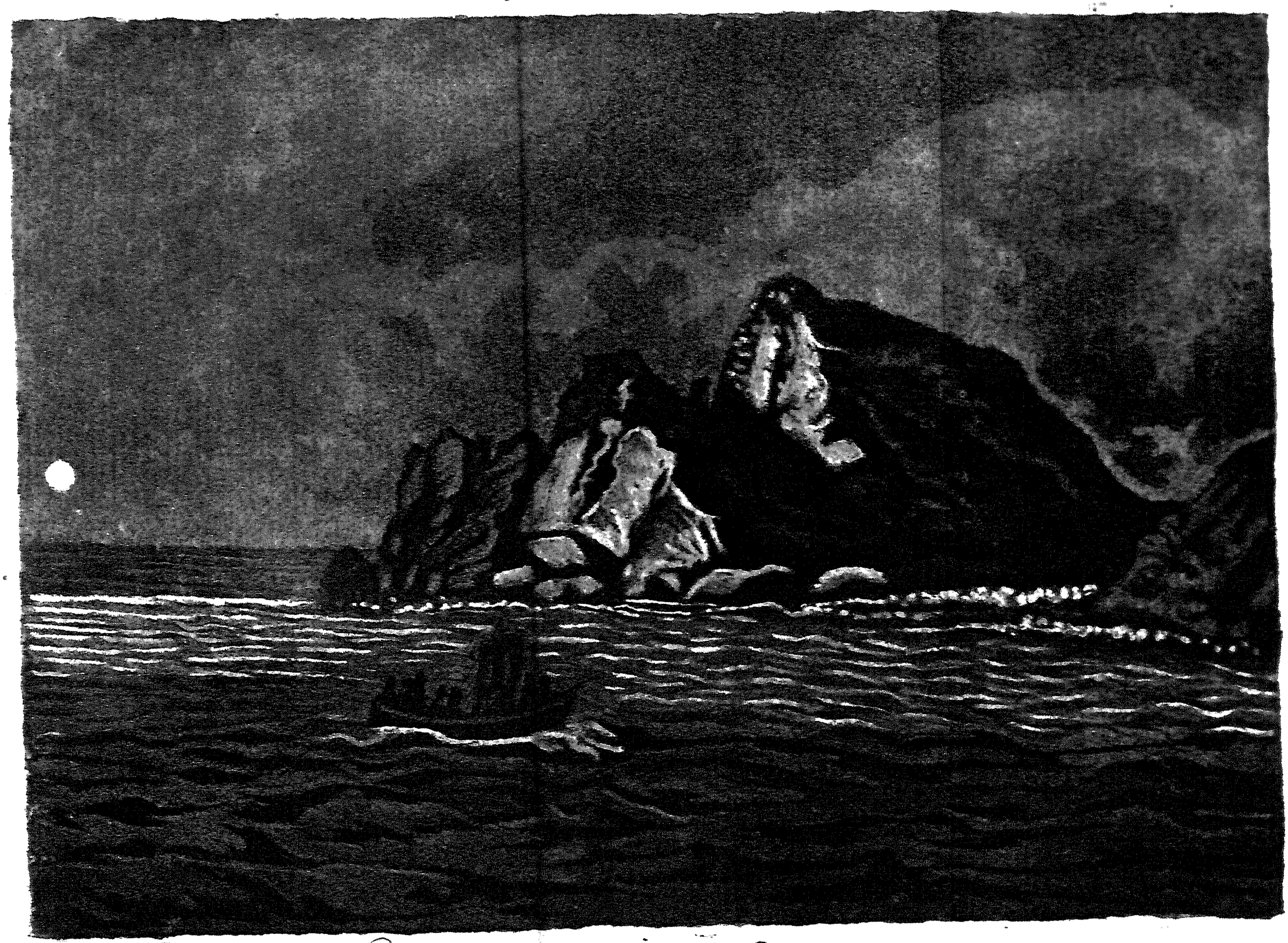
Нынѣшнее состоянїе Французской военной силы:

	солдатъ	Офицер.
Императорская гвардїя	7299	359
Пѣхота - - -	192555	8841
Легкая пѣхота -	58560	2548
Конница - -	53487	3148
Артиллерїя - -	13206	757
Конная артиллерїя -	2866	196
Артил. служители -	8378	175

	солдатъ	Офицер.
Понтониры - -	1145	62
Инженеры - - -	5636	299
Пьемонтскіе легіоны	3888	138
Жандармы - -	15063	655
Служ. ветераны -	11733	806
Канонирные ветераны	832	64
Нерегулярнаго войска -	7248	416
Береговые гарнизоны -	12912	239
	395315	18697
	18697	
	414012	

Естьли причислить къ сей суммѣ арміи Реинскаго Союза, то Франція можетъ выставить на лицо 600,000 солдатъ. Россія, по всѣмъ послѣднимъ изчисленіямъ, равняется съ нею военною силою.

12 *Марта.*



Нордъ-Капъ или Сѣверный мысъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1808.

No 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ожесточенный.

(Окончаніе.)

Я содрогнулся, поднялъ глаза — вижу передъ собою огромнаго великана, вооруженнаго дубиною; съ калмыцкимъ, загорѣвшимъ отъ солнца лицемъ, съ косыми глазами, которыхъ сверкающіе бѣлки страшнымъ образомъ отличались отъ черной кожи; за поясомъ пистолетъ и длинный разбойничій ножъ: словомъ, страшилище! — Стой! повторило привидѣніе, и сильная рука меня удержала. Голосъ человѣческій привелъ бы меня въ трепетъ, но видъ разбойника возобновилъ въ сердцѣ моемъ смѣлость; я посмотрѣлъ ему въ глаза. Кто ты? спросилъ онъ суровымъ голосомъ. — Тебѣ подобный, отвѣчалъ я,

когда наружность твоя необманчива. — „Здѣсь нѣтъ дороги! За чѣмъ зашелъ ты въ эту глушь?“ — Ты очень любопытенъ! — Незнакомый изумился, нѣсколько минутъ осматривалъ меня съ головы до ногъ; ты смѣлъ и грубъ какъ нищій, сказалъ онъ. — Можетъ быть! за нѣсколько часовъ я подлинно былъ нищимъ! — Онъ засмѣялся: едва ли и теперь ты лучше нищаго! — Гораздо хуже, отвѣчалъ я, и хотѣлъ удалиться. — „Не торопись! или боишься потерять минуту?“ — Я задумался; не знаю съ чего пришло мнѣ въ голову сказать: минуты дороги; жизнь коротка; но адскія наказанія вѣчны! — Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ: или я грубо ошибаюсь, сказалъ онъ, или ты сію же минуту сорвался съ висѣлицы!“ — Дѣло возможное! до свиданія! — „Постой! воскликнулъ онъ, вынувъ изъ кожаной сумы небольшую склянку: твое здоровье!“ Онъ выпилъ и подалъ мнѣ склянку. Я цѣлый день не ѣлъ ни куска хлѣба; мучился жаждою; боялся умереть съ голоду и усталости въ густотѣ лѣса; можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я выпилъ вина; силы мои обновились; снова почувствовалъ я мужество, снова надежду и привязанность къ жизни; даже мнѣ показалось въ ту минуту, что я не имѣлъ причины

почитать себя погибшимъ: таково было дѣйствіе напитка! Признаюсь, нѣкоторая тайная радость наполнила мою душу: наконецъ, подумалъ я, по многимъ напраснымъ исканіямъ, ты встрѣтилъ существо, которое во всемъ тебѣ подобно. — Незнакомый легъ на траву, я также.

Вино твое подкрѣпило меня, сказалъ я; намъ надобно познакомиться короче.

Онъ высѣкъ огня и закурилъ трубку.

„Давно ли отправляешь похвальное свое ремесло?“

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально. Что ты хочешь сказать?

„Я указалъ на ножъ. Часто ли онъ бывалъ въ дѣлѣ?“

Кто ты? воскликнулъ онъ страшнымъ голосомъ, бросивъ свою трубку.

„Подобный тебѣ убійца — но еще ученикъ!“

Онъ успокоился, поднялъ трубку и началъ опять курить. Ты вѣрно не здѣшній! сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи: откуда ты?

„Я не имѣю отечества! прежде содержалъ я трактиръ въ Л**; ты знаешь золотой вѣнецъ?“ —

Какъ! воскликнулъ онъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ, Христіанъ Блемеръ? Стрѣлокъ дичины? Ты?

„Я.“

О! я тебя знаю, Блемеръ! давно хотѣлось мнѣ съ тобою встрѣтиться. Такой человѣкъ, какъ ты, сокровище: ты будешь намъ очень полезенъ!

„Полезенъ? на что и кому?“

Слава твоя гремитъ по всей провинціи! Ты имѣешь непріятелей; съ тобою жестоко поступили, Блемеръ; тебя ограбили, довели до отчаянія: дѣло безбожное, неслыханное! — Онъ горячился. — Застрѣлить двухъ кабановъ — подлинно преступленіе! И за такую бездѣлицу мучить человѣка въ смирительномъ домѣ, засадить его на три года въ крѣпость, разорить въ конецъ, отправить по миру съ сумою! Ахъ, Блемеръ! они считаютъ людей дешевлѣ зайцевъ! для нихъ погубить человѣка такъ же легко, какъ застрѣлить куропатку. И ты это вынесъ, Блемеръ? —

„Можно ли мнѣ было перемѣнить свой жребій?“

Объ этомъ подумаемъ. Скажи мнѣ, куда ты идешь и на что рѣшился?

„Я разсказалъ ему свою исторію; и не успѣлъ еще кончить, какъ онъ вскочилъ, беретъ меня за руку и тащитъ за собою. Пойдемъ, я укажу тебѣ дорогу, Блемеръ! Теперь мы неразлучны.

„Куда ты меня ведешь?“

Не спрашивай и слѣдуй за мною!

Мы шли впередъ; не говорили ни слова. Дикой лѣсъ часъ отъ часу становился гуще и непроходимѣе. Вѣтьви деревъ хлестали меня по лицу. Съ трудомъ продирались мы черезъ кустарникъ. Товарищъ мой засвисталъ. Я содрогнулся — мы стояли на краю пропасти; черезъ минуту во глубинѣ ея послышался другой свистокъ; выставилась лѣсница; мой спутникъ первый сошелъ внизъ. Дожидайся меня, сказалъ онъ, надобно привязать собаку; она тебя разорветъ. Онъ скрылся.

„Я остался одинъ; видѣлъ передъ собою пропасть; зналъ, что я одинъ; чувствовалъ неосмотрительность моего спутника; стоило рѣшиться, вытащить лѣсницу — и я свободенъ, и могъ спасти себя бѣгствомъ: все это, скажу откровенно, представилось моему разсудку; я съ содроганіемъ смотрѣлъ во глубину пучины, которая готова была поглотить меня, и невозвратно; темное воспоминаніе о пропастяхъ ада, изъ которыхъ нѣтъ уже избавленія, поразило меня; я содрогался, помышляя о той ужасной дорогѣ, въ которой привелъ меня таинственный жребій; единое бѣгство, и самое скорое бѣгство могло еще быть моимъ спасеніемъ — и я уже рѣшился; я простиралъ уже

въ лѣсницѣ руку; вдругъ зазвучало въ моихъ ушахъ — казалось, посмѣянїе ада меня оглушило — ты убїйца! вселенная для тебя закрыта! и рука моя опустилась. Всему конецъ; время раскаянїя миновалось; мое убїйство лежало передо мною какъ страшный утесъ, которымъ возвратный путь загражденъ былъ для меня навѣки; черезъ минуту послышался голосъ моего спутника: меня звали; я опустился въ пропасть; лѣсницу приняли; все для меня рѣшилось!

„Я увидѣлъ себя на площадкѣ, довольно пространной; нѣсколько хижинъ мелькали передъ глазами моими въ сумракѣ. Осьмнадцать или двадцать человѣкъ сидѣли вокругъ огня. Мой спутникъ подходитъ къ нимъ; товарищи! говоритъ онъ, этотъ человѣкъ — Христїанъ Блемеръ.

„Блемеръ! воскликнуло множество голосовъ; въ минуту вся шайка — мущины и женщины — окружила меня! Сказать ли? Радость была непритворная; удовольствїе, довѣренность, самое уваженїе изобразились на лицахъ; одинъ пожималъ мою руку, другой дергалъ меня за платье; казалось, что всѣ они встрѣчали стариннаго друга, возвратившагося изъ дальняго путешествїя. Обѣдъ толь-

ко начинался, когда я пришелъ; опять садятся вокругъ огня, уступаютъ мнѣ почетное мѣсто, пьютъ за мое здоровье, другъ передъ другомъ стараются оказывать мнѣ отличное вниманіе. Обѣдъ составленъ былъ изъ лучшей всякаго разбора дичины; лучшее вино безпрестанно пѣнилось въ стаканахъ; казалось, что истинное согласіе и удовольствіе одушевляли общество.

„Меня посадили между двумя женщинами. Я думалъ найти отвратительныхъ тварей, и удивился чрезвычайно, увидя передъ собою красавицъ, какихъ никогда еще не имѣлъ случая видѣть въ обществѣ человѣческомъ. Одна изъ нихъ, старшая, именемъ Маргарета, была красивѣе лицемъ, но слишкомъ безстыдна въ обхожденіи. Другая, Амалія, казалась тихою, задумчивою; имѣла блѣдное лице, томные глаза; менѣе ослѣпляла, но болѣе нравилась, нежели подруга ея, которая съ перваго взгляду произвела во мнѣ сильное отвращеніе.

„Видишь ли, Блемеръ, какую благословенную жизнь ведемъ мы въ этой глуши? — сказалъ мнѣ мой спутникъ — и всякой день бываетъ то же, что нынче! Не правда ли, товарищи? —

Правда! правда! загремѣло со всѣхъ сторонъ.

„Хочешь ли войти въ наше братство? хочешь ли быть нашимъ начальникомъ? Ударимъ по рукамъ. Согласны ли вы, товарищи?

Согласны! воскликнуло двадцать голосовъ.

Голова моя пылала, разсудокъ былъ помраченъ, вино и чувственность разгорячили мою кровь. Вселенная отвергала меня, какъ зараженнаго язвою — здѣсь находилъ я убѣжище, уваженіе, довольство. На что бы я ни рѣшился, вездѣ представлялась мнѣ одна смерть, но здѣсь по крайней мѣрѣ представлялась мнѣ возможность не даромъ разстаться съ жизнію. Натура наградила меня сложеніемъ пылкимъ, а женщины показывали ко мнѣ отвращеніе; здѣсь, напротивъ, ожидали меня и благосклонность и удовольствіе. Словомъ, я колебался не долго. Вотъ вамъ рука моя, товарищи! воскликнулъ я, выступивъ на средину, я вашъ; но требую, чтобы вы уступили мнѣ Амалію. — Договоръ заключенъ, и я объявленъ разбойничьимъ атаманомъ. —

Опустимъ покровъ на слѣдствія: отвратительное и ужасное не можетъ быть полезно для читателя. Натурально, что несчастный, который обстоятельствами

и характеромъ низвергнутъ въ такую глубокую пропасть, долженъ наконецъ позволить себѣ все то, что возмущаетъ человѣческое сердце; но онъ — канъ послѣ признавался подъ пыткою — не осквернилъ себя вторичнымъ убійствомъ.

Имя Христіанъ Блемеръ загремѣло въ провинціи; дороги сдѣлались опасны для путешественника; днемъ разбивали прохожихъ, по ночамъ грабили деревни; окрестности приведены были въ ужасъ. Правительство обѣщало знатную сумму денегъ за голову атамана; его искали, но онъ имѣлъ искуство обманывать разсыльщиковъ; а суевѣрные поселяне боялись наложить на него руку: онъ другъ Сатанѣ! говорили они, творя молитву.

Прошло болѣе году. Блемеръ начиналъ уже почитать состояніе свое несноснымъ; ни одна изъ блестящихъ, плѣнившихъ его въ первую минуту надеждъ не была исполнена; онъ съ трепетомъ замѣчалъ погибельную свою ошибку. Голодъ и недостатокъ заступили мѣсто обѣщаннаго изобилія; не рѣдко бывалъ онъ принужденъ бросаться на ножъ для одного куска хлѣба, которымъ едва избавлялъ себя отъ голодной смерти. Призракъ согласія и братства изчезъ: зависть, подозрѣніе, рев-

ность свирѣпствовали въ вертепѣ убійцъ и грабителей! Предателю его были обѣщаны деньги, или, естьли онъ одинъ изъ разбойниковъ, пощада — страшное искушеніе для изверговъ! Нещастный видѣлъ свою опасность. Вѣрность злодѣевъ, которые не знали ни человѣчества, ни Бога, была весьма ненадежною подпорою жизни его, и съ этой минуты не могъ онъ уже спать; мучительный ужасъ гнѣздился въ его сердцѣ; подозрѣніе, какъ грозная тѣнь, влачилось за нимъ и стенало; оно преслѣдовало его во глубину лѣса; мучило, когда онъ бодрствовалъ; носилось надъ нимъ, когда онъ въ жару и безсонницѣ метался по своей постелѣ; пугало страшными видѣніями, когда утомленные глаза его на минуту смыкались; уснувшая совѣсть опять возникла; эхидна раскаянія точила его сердце; прежняя ненависть къ людямъ, болѣзнь ожесточенной души, изчезла; мѣсто ея заступило горьное, отчаянное отвращеніе къ самому себѣ; нещастный прощалъ натурѣ, прощалъ человѣчеству, одного себя почиталъ онъ ужаснымъ — одного себя достойнымъ проклятія.

Сила порока уже истощилась, и Блемеръ здравымъ разсудкомъ своимъ постигнулъ горестное свое ослѣп-

леніе. Ахъ! онъ чувствовалъ, какъ страшно былъ униженъ. Тихое уныніе заступило въ душѣ его мѣсто прежняго изступленнаго отчаянія; обливаясь слезами, призывалъ онъ протекшую жизнь свою; онъ чувствовалъ, что могъ бы отвратить отъ себя ужасный свой жребій и выбрать иную дорогу; онъ началъ надѣяться, что не было еще запрещено ему возвратиться въ общество добродѣтельныхъ, и внутренній голосъ увѣрялъ его, что онъ имѣлъ еще способность съ ними сравниться. Можно сказать, что на высочайшей степени своей испорченности былъ онъ гораздо ближе къ добру, нежели за двѣ минуты до перваго своего преступленія.

Загорѣлась семилѣтняя война; солдаты были нужны и всѣхъ охотно записывали въ рекруты — обстоятельство, которое нещастный хотѣлъ употребить въ свою пользу. Вотъ его письмо, которое написалъ онъ къ владѣтельному своему Князю, и которое прилагаемъ здѣсь въ извлеченіи.

„Естьли не будетъ унизительно для Государя взглянуть на бѣднаго, отверженнаго цѣлымъ міромъ злодѣя; естьли не оскорбительна для слуха его молитва преступника: то Ваша Свѣтлость удо-

стоитъ меня вниманія. Я убійца и грабитель; законъ осудилъ меня на смерть, и правосудіе требуетъ моей казни — я добровольно готовъ предать ему свою голову; падаю съ неслыханною прозьбою къ ногамъ Вашей Свѣтлости; я не жалѣю о жизни; смерть не приводитъ меня въ трепетъ; но умереть, не живши ни минуты, вотъ жребій, который меня ужасаетъ! Ахъ! я хочу загладить прошедшее; хочу примириться съ тѣмъ обществомъ, которое такъ долго оскорблялъ въ своемъ ослѣпленіи; казнь моя будетъ примѣромъ для многихъ, но можетъ ли она загладить хотя единое злодѣйство преступника? Я ненавижу порокъ, и съ пламеннымъ нетерпѣніемъ призываю къ себѣ погибшую мою невинность, потерянную мою добродѣтель. Я доказалъ, что имѣю способность вредить отечеству; надѣюсь, что имѣю способность и быть для него полезнымъ!

„Чувствую, что требую необычайнаго. Жизнь моя предана проклятію; я не имѣю права предлагать условій правосудію. Но я еще не въ цѣпяхъ и не въ темницѣ; но я свободенъ — не робость понудила меня прибѣгнуть къ милосердію Государя!

„Такъ, я требую милосердія, милосердія — не смѣю сказать, правосудія; но мнѣ позволено напомнить судіямъ моимъ, что я преступникъ съ той самой минуты, какъ приговоръ ихъ на вѣки лишилъ меня чести. Ахъ! я не требовалъ бы теперь пощады, когда бы въ то время поступлено было со мною справедливѣе и не было забыто человѣчество.

„И не ужели милосердіе не можетъ на время замѣнить правосудія? О Государь! естьли отъ васъ зависитъ смягчить суровость закона: то дайте мнѣ жизнь, и каждая минута ея будетъ посвящена благодарности, каждая минута ея будетъ употреблена на то, чтобы загладить прошедшее. Смѣю васъ умолять, объявите мнѣ волю свою черезъ публичные листы; полагаясь на обѣщаніе моего Государя, явлюсь немедленно въ его столицѣ. Но естьли опредѣлите вы иначе, то правосудіе пускай исполняетъ свое дѣло; а я принужденъ буду остаться при своемъ!“

На прозьбу сію не послѣдовало никакого отвѣта; другая и третья (въ которыхъ проситель требовалъ, чтобы его приняли рядовымъ въ какой нибудь армейскій полкъ) оставлены также безъ

вниманія; надежда получить прощеніе исчезла; Блемеръ рѣшился бѣжать за границу, записаться въ службу Прускаго Короля, и съ честію кончить жизнь свою на полѣ сраженія.

Ему удалось обмануть своихъ товарищей: онъ скрылся; граница была недалеко. Блемеръ приходитъ въ маленькой городокъ, въ которомъ располагается ночевать, надѣясь на другой же день перейти въ Прускія владѣнія. По нещастію, за недѣлю до его прихода, обнародованъ былъ новый указъ о строгомъ обыскѣ проѣзжихъ: владѣтельный Князь имѣлъ участіе въ войнѣ, и такая предосторожность была необходима. Смотрищель заставы сидѣлъ у воротъ въ ту самую минуту, когда въѣзжалъ въ нихъ Блемеръ. Одежда его была необыкновенная; наружность имѣла нѣчто ужасное и дикое. Худая кляча, на которой онъ сидѣлъ, едва передвигала ноги, и страннымъ образомъ противурѣчила физіономіи сѣдока, запечатлѣнной многоразличными, свирѣпыми страстями. Смотритель изумился; онъ посѣдѣлъ въ своей должности; сороколѣтняя опытность научила его съ перваго взгляду отличать бродягу отъ честнаго человѣка. И здѣсь не обманулся орлиный взоръ сего наблюдателя.

Онъ опустилъ Шлагбаумъ, подошелъ къ проѣзжему, схватилъ за поводъ его лошадь, и требовалъ паспорта. Блемеръ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ въ запасѣ паспортъ, который достался ему съ пожитками какого-то ограбленнаго купца; отдалъ его; но опытный смотритель не удовольствовался: онъ вѣрилъ глазамъ своимъ болѣе, нежели бумагѣ, и Блемеръ принужденъ былъ слѣдовать за нимъ къ дому Градоначальника. Осмотрѣли паспортъ, нашли, что онъ годенъ. По нещастію Градоначальникъ, страстный охотникъ до новостей, любилъ за бутылкою вина поговорить о политическихъ произшествіяхъ; проѣзжій, по свидѣтельству паспорта, недавно оставилъ то мѣсто, на которомъ происходили главныя военныя дѣйствія; надѣясь услышать что нибудь важное, велѣлъ онъ Секретарю своему пригласить Блемера на стаканъ пуншу.

Блемеръ стоялъ на улицѣ, у самыхъ воротъ, и дожидался своего отпуска; собралось множество праздныхъ людей, шептали, указывали пальцами то на него, то на худую клячу; она была краденая; Блемеръ вообразилъ, что ее узнали по примѣтамъ, описаннымъ въ публикаціяхъ; неожиданное приглашеніе Градоначальника подтвердило его догадку; онъ вздумалъ,

что хотѣли его уловить хитростїю и взять живаго; робкая совѣсть заслѣпила въ немъ разсудокъ; онъ колетъ шпорами свою лошадь и скачетъ. не давши никакого отвѣта. Все взбунтовалось. Мошенникъ! воскликнуло множество голосовъ; всѣ кинулись за нимъ въ погоню; онъ мчится во весь опоръ; спасенїе близко, они отстали далеко — но грозная, невидимая рука надъ нимъ отяготѣла; жребїй его совершился — онъ заскакалъ въ тупой переулокъ и принужденъ поворотить назадъ! Улица заперта — всѣ жители маленькаго городка приведены въ смятенїе — все, что имѣло ноги, сбѣжалось: надлежало пробиваться силою — Блемеръ показываетъ пистолетъ. — Прочь' восклицаетъ онъ, первому, кто осмѣлится ко мнѣ прикоснуться, разобью голову въ дребезги! — Все безмолвно — всѣ неподвижны! — одинъ смѣльчакъ бросается на него сзади — пистолетъ падаетъ — обезоруженный Блемеръ схваченъ и съ торжествомъ представленъ къ начальнику города.

Кто ты? спросилъ его Судья.

„Прошу васъ покорно быть учтивѣе, милостивый Государь! я не намѣренъ отвѣчать на грубые вопросы.'

Кто вы?

„Это вамъ извѣстно: паспортъ мой у васъ въ рукахъ! Я объѣздилъ всю Гер-

маніи, и ни въ одномъ городѣ не попадались мнѣ такіе безстыдно-грубые люди!"

Но ваше бѣгство подозрительно! Что принудило васъ бѣжать?

„Несносное нахальство здѣшнихъ жителей."

Но вы грозили стрѣлять по нихъ изъ пистолета.

„Осмотрите мой пистолетъ: вы увидите, что онъ не заряженъ."

Для чегожь имѣете при себѣ запрещенное оружіе?

„Государь мой! я путешественникъ; везу дорогія вещи; здѣшнія дороги опасны для проѣзжихъ; говорятъ о разбойникахъ."

Смѣлые отвѣты не могутъ служить для васъ оправданіемъ. Даю вамъ время до завтрашняго утра; надѣюсь, что вы откроете мнѣ истинну.

„Я вѣрно останусь при томъ, что объявилъ вамъ нынче!"

Отведите его въ башню.

„Въ башню, милостивый Государь? Вспомните, что я не преступникъ, что я потребую удовольствія."

И получите его, какъ скоро будете оправданы.

Блемера посадили въ башню. На другой день Градоначальникъ, разсудивъ, что путешественникъ подлинно могъ быть невиненъ, и что приличнѣе обходиться съ нимъ

кротко, нежели оскорблять его повелительнымъ тономъ и грубыми допросами, собралъ присяжныхъ и приказалъ привести къ себѣ колодника.

Государь мой! прошу васъ меня извинить; чувствую, что вчерашнее обхожденіе мое съ вами было грубо.

„Извиняю васъ отъ всего сердца!“ —

Законы наши строги, а вчерашнее произшествіе сдѣлалось гласно. Безъ явнаго нарушенія должности моей, не могу возвратить вамъ свободы. Наружность васъ обвиняетъ; прошу васъ, найдите какое нибудь средство оправдаться.

„Я не имѣю никакого!“

И такъ я принужденъ донести объ васъ Начальству и ждать отъ него разрѣшенія. До тѣхъ поръ будете вы содержаны подъ строгимъ присмотромъ.

„А потомъ?“

Потомъ? Что будетъ, не знаю; васъ могутъ прогнать за границу какъ бродягу; могутъ завербовать въ солдаты; случится и хуже.

Блемеръ замолчалъ. Ужасная борьба происходила въ его сердцѣ. Государь мой! сказалъ онъ, приступивъ съ рѣшительнымъ видомъ къ Градоначальнику: могу ли переговорить съ вами наединѣ? —

Всѣ вышли.

Чего вы требуете?

„Вчерашнее обхожденіе ваше никогда не извлекло бы изъ меня признанія — насиліе меня не ужасаетъ. Но теперь душа моя растрогана вашею кротостію: вы поселили въ ней почтеніе, довѣренность, надежду. Я не обманываюсь: я нахожу въ васъ честнаго, великодушнаго человѣка!“

Объяснитесь!

„Я вижу, что вы благородный, великодушный человѣкъ; давно желалъ я найти подобнаго — дайте мнѣ правую свою руку!“

Что это значитъ?

„Я вижу на головѣ вашей почтенные сѣдины; вы знаете свѣтъ, вы знаете людей, вы испытали нещастіе — не правду ли я сказалъ? — и нещастіе не сдѣлало васъ жестокосерднѣе!“

Государь мой! ваши слова для меня загадка.

„Вамъ остается одинъ только шагъ до гроба! Скоро — скоро будете искать милосердія у престола Божія: не откажите же въ милосердіи нещастному! — Имѣете ли какое нибудь предчувствіе? Можете ли угадать, кто говоритъ съ вами въ эту минуту?“

Что это значитъ? вы приводите меня въ ужасъ!

„Вижу, что вы ничего не угадываете. Ахъ! умоляю васъ, будьте моимъ защит-

никомъ! опишите своему Государю; какъ вы нашли меня; скажите ему, что я самъ, изъ доброй воли, сдѣлался своимъ предателемъ — скажите, что Богъ помилуетъ его нѣкогда на судѣ Своемъ, естьли теперь не будетъ онъ неумолимымъ — вступитесь за меня, старый человѣкъ, и потомъ окропите письмо свое слезами: я Христіанъ Блемеръ!" —

Онъ кончилъ жизнь на эшафотѣ. — Но, читатель, не уже ли этотъ нещастный никогда не могъ возвратиться къ добродѣтели?

Шиллеръ.

II.

О выгодахъ славы.

Друзья мои, не правда ли, что слава дѣло золотое? Не говоря о томъ, что собственно въ ней находите добраго, признайтеся, что она весьма полезна и въ общежитіи. Гельвецій, помнится, написалъ, что люди ищутъ славы, также какъ и фортуны, и почестей, для однѣхъ существенныхъ, твердыхъ, матеріальныхъ ея преимуществъ. Естьли Гельвецій это сказалъ, то — онъ ошибся. Искатели славы конечно не имѣютъ въ предметѣ

сихъ преимуществъ; но мы прибавимъ, что и онѣ однѣ могли бы въ глазахъ нашихъ придать существенное достоинство славѣ.

День тріумфа почитался блаженнѣйшимъ у Римлянъ; но что такое одинъ день? Согласенъ, что невозможно, безъ сладкаго трепетанія, смотрѣть съ торжественной колесницы на многочисленную толпу народа, который въ восторгѣ стремится къ вамъ на встрѣчу и усыпаетъ цвѣтами вашу дорогу; но что бы значила эта восхитительная минута, когда бы на другой день осталась она въ памяти у однихъ васъ? По щастію, во взорахъ многочисленной толпы заключено какое-то неизъяснимое, могущественное очарованіе! Тотъ, на кого были они устремлены хотя одинъ разъ, сіяетъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ блескомъ, озаряющимъ и самыя тѣни картины. Послѣдуйте за героемъ изъ Капитоліи въ домъ его, посмотрите на него въ кругу семейства и знакомыхъ — какъ онъ перемѣнился въ глазахъ тѣхъ самыхъ людей, которые видали его ежедневно! Они, какъ и другіе, слышали рукоплесканія нѣсколькихъ сотъ тысячь, и вмигъ явилось въ немъ многое множество мѣлкихъ, разнообразныхъ достоинствъ, которыя двадцать пять лѣтъ скрывались

отъ ихъ вниманія. Всѣ недостатки его или изчезли, или представились въ новомъ свѣтѣ. Прежде вы находили въ характерѣ его нѣкоторую жесткость, а въ обращеніи надмѣнность, сухость или непривлекательность — нынѣ вы называете ихъ важностію, высокимъ духомъ человѣка необыкновеннаго. — „Но онъ не умѣетъ сказать слова; тонъ это самый обыкновенный; выраженія самыя грубыя!" — Вы ошибаетесь! это восхитительная простота! — Сдѣлаетъ ли онъ неловкость, входя въ комнату — сколько удивительнаго найдутъ въ этой любезной разсѣянности великаго мужа! Вздумаетъ ли исправить свою ошибку — какая милая, несравненная учтивость! Словомъ, каждый шагъ его есть чудо; вы замѣчаете, съ какою *осторожностію* онъ управляетъ кабріолетомъ, съ какою *смѣлостію* прыгаетъ черезъ ровъ, съ какою *пріятностію* катаетъ за столомъ шарики изъ хлѣба; все причтено ему въ пользу, и ни что въ невыгоду. Не правда ли, друзья мои, что слава дѣло золотое?

Тому позволено объ этомъ судить, скажете вы, кто пользуется важною привиллегіею всякой день обѣдать и ужинать съ людьми великими — согласенъ; опустимся пониже. Вы знаете Господина

Т * *; онъ написалъ книгу — хорошую или вздорную, о томъ ни слова; прославилъ себя поступкомъ — обыкновеннымъ или удивительнымъ, это матерія посторонняя; скажемъ просто, что онъ имѣлъ успѣхъ, что имя его громко — и въ обществахъ бѣгаютъ толпами за Господиномъ Т * *. Вчера имѣлъ я случай встрѣтиться съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. Онъ пріѣзжаетъ, двери отворились съ шумомъ, слуга воскликнулъ: *Господинъ Т * *!* все замолчало, всѣ умы въ волненіи, всѣ глаза обращены на дверь; онъ идетъ. . . входитъ. . . кланяется. . . садится, и каждое движеніе Господина Т * * замѣчено; и Госпожа Б * * въ туже минуту начинаетъ говорить съ своимъ сосѣдомъ, которымъ скучала, для того, чтобы Господинъ Т * * замѣтилъ, какъ она пріятна и ловка въ разговорѣ; и дѣвица Л * * предлагаетъ обществу философическую задачу: надобно было удивить Господина Т * * своимъ умомъ и знаніемъ; и Господинъ Ж * * въ три секунды выдумалъ четыре каланбура; и Господинъ И * * въ четверть часа рѣшилъ судьбу десяти Европейскихъ народовъ, и все это для Господина Т * *, который, не отворяя рта, молчаніемъ своимъ занималъ общество гораздо болѣе, нежели сколько бы могъ занять его за годъ порядочнымъ и длиннымъ разсужденіемъ,

въ которомъ истратилъ бы все свое остроумїе, собственное и занятое.

Одна умная женщина говорила: *напишите прекрасную книгу, и можете остаться глупцомъ на цѣлую жизнь.* О глупости ни слова; но я увѣренъ, что слава даетъ нѣкоторое право на лѣность. Въ свѣтѣ очень трудно вырваться изъ толпы; но естьли удалось вамъ сдѣлать одинъ скачокъ — довольно; можете возвратиться назадъ; дорога ваша проложена! Васъ будутъ называть образцомъ учтивости, потому что вы не грубы; найдутъ въ васъ отмѣнную простоту; и наконецъ замѣтятъ, что вы излишне скромны.

О, мои друзья! ищите славы, естьли хотите что-нибудь значить и чѣмъ-нибудь наслаждаться въ свѣтѣ. Трудно, скажете вы? Предлагаю другое средство: имѣйте хорошїй столъ и двѣсти тысячъ ливровъ годоваго доходу!

(*Съ Французскаго.*)

III.

Отрывокъ изъ Альцесты, Эврипидовой Трагедіи.

Исторія Альцесты, которая пожертвовала жизнію для спасенія супруга своего и послѣ возвращена Геркулесомъ въ его объятія, всѣмъ извѣстна. Въ слѣдующемъ отрывкѣ изображается ея приготовленіе къ смерти и горестная разлука съ семействомъ.

Хоръ. Наперсница.

Хоръ.

Се вѣстница! . . . Но что? Тебя въ слезахъ мы зримъ! —
Ужель Царица . . .

Наперсница.

Ахъ! злой рокъ неумолимъ!
Хотя жива еще . . .

Хоръ.

Прерви скорѣй сомнѣнье!

Наперсница.

Несноснѣйшая жизнь! въ болѣзни и мученьѣ
Всечасно ждать конца страшнѣй, чѣмъ умереть!

Хоръ.

Отчаянный супругъ, что долженъ ты терпѣть!

Наперсница.

О сколь нещастливъ онъ! еще онъ самъ не знаетъ,
Какой ударъ ему Судьба приготовляетъ!
Обряды похоронъ уже при олтаряхъ;
Адметъ сокроетъ самъ Альцесты милый прахъ!

Хоръ.

Да ниспослетъ Зевесъ Альцестѣ подкрѣпленье,
Да наградитъ ея отечества почтенье,
И слава добрая да взыдетъ до небесъ!

Наперсница.

Кто жертву равную супругу здѣсь принесъ?
Гдѣ вѣрность, красота свѣтлѣе возблистала?
Гдѣ въ мірѣ болѣе любовь торжествовала?
Таковъ супруги долгъ! Когда не чтимъ его,
Всѣ наши прелести не значатъ ничего! —

И смерть ли устрашитъ прямую добродѣтель!
Симъ утромъ — я сама была тому свидѣтель —
Въ безмолвіи она вступила въ теремъ свой,
И тамъ, омывшися священною водой,

Поспѣшно облеклась въ одежды драгоцѣнны,
Въ которыхъ нѣкогда, въ день радостный, блаженный,
Супружней вѣрности дала она обѣтъ —
Въ семъ видѣ къ олтарю Альцеста предстаетъ.

„Богиня! (такъ рекла) я міръ сей покидаю;
Въ послѣдній часъ къ тебѣ съ молитвой прибѣгаю:
Прими моихъ дѣтей въ небесный свой покровъ!
Да жертва матери преклонитъ къ нимъ боговъ!
Дай дочери моей достойнаго супруга!
Дай сыну моему въ супругѣ вѣрной друга!
Да будетъ ихъ любовь щастливѣе моей!
Да жизнь ихъ тихая, въ кругу родныхъ, друзей,
На позднемъ западѣ закатится пріятно!
Будь матерь имъ — и награждена стократно!“

Хоръ.

Глазъ нѣжныя любви доходятъ къ небесамъ!

Наперница.

Потомъ, приближившись къ священнымъ олтарямъ,
Она ихъ свѣжими цвѣтами украшаетъ
И вѣтьви миртовы на жертву разсыпаетъ.
Рѣшимость твердая, невинности покой

Не измѣнялись въ ней ни вздохомъ, ни слезой;
Въ печали духъ сіялъ, печалью несраженный!
И се вступили мы въ чертогъ уединенный,
Гдѣ ложе брачное представилося ей,
И слезы въ первой разъ ліются изъ очей!
„Храмъ щастья моего — въ рыданіи вѣщала —
Гдѣ первую любовь душа моя узнала!
Прости! навѣкъ, навѣкъ! Я не кляну тебя!
Не ты отъемлешь жизнь, не ты мой врагъ, — Судьба!
Какъ! — смерти ль устрашась, обѣтъ свой позабуду? . . . .
Любовь моя чиста; любови жертвой буду!
Ахъ! скоро, можетъ быть, о скорбь! другая страсть
Иной щастливѣйшей отдастъ тебя во власть! . . .
Пусть въ щастьѣ превзойдетъ. . . но въ чувствѣ не сравнится!“
Рекла — въ отчаяньи на брачный одръ стремится,
Покровы хладные лобзаетъ, какъ друзей!
Все, кажется, тогда грустило вмѣстѣ съ ней!
Трикраты отъ одра Альцеста удалялась,
Трикраты съ новыми слезами возвращалась!
Выходитъ наконецъ — но дѣти при дверяхъ
Срѣтаютъ мать свою съ стенаніемъ, въ слезахъ,
Возьми и насъ съ собой! невинность умоляетъ.
Альцеста чадъ своихъ ко груди прижимаетъ,

И взоры, устремя безмолвно къ небесамъ,
Благословите ихъ! гласитъ она Богамъ.
Идемъ во слѣдъ за ней, тоскою омраченны;
Ни слезъ, ни воплей нѣтъ! какой-то страхъ священный,
Казалось, воспрещалъ рыданьемъ оскорблять
Любовь, могущую погибель презирать!
Увы! въ послѣдній разъ мы руки тѣ лобзали;
Которыя на насъ всѣ блага изливали.
О Небо! для чего не можемъ мы теперь
Своею жизнію сомкнуть Тенара дверь! . . .

Одинъ изъ преданныхъ Адмету;

(выходя изъ чертоговъ)

Все тщетно! рвись; супругъ, отчаяньемъ сраженной!
Неумолима смерть! надъ жертвой обреченной;
Склонившись лютая послушница судьбамъ,
Смѣется въ торжествѣ Адметовымъ мольбамъ.
О Боги! гдѣ вашъ судъ, когда въ сей жизни слезной
И добродѣтель намъ защитникъ безполезной?
Рѣшилось все! ужь вмѣстѣ болѣзни страшной ядъ,
Погасла жизнь въ лицѣ, объемлетъ члены хладъ;
И слабость томная все тѣло изнуряетъ!

Изнеможенная, едва дыша, желаетъ
На солнце свѣтлое въ послѣдній разъ воззрѣть,
Проститься съ ближними, спокойно умереть,
И се грядутъ они . . .

Альцеста, поддерживаемая супругомъ и придворными. Сынъ и дочь Альцесты. Народъ. Альцеста садится.

Альцеста. (*горестно*)

О вы, поля небесны!
О солнце! о земля! во дни мои прелестны
Я радовалась вамъ . . .

Адметъ.

Ужаснѣйшій удѣлъ!
Какое страшное спасенье изобрѣлъ
Адмету гнѣвный рокъ! . . . Я казни призываю!
Рази! иль смертію вины не очищаю? . . .

Альцеста.

Обитель щастія, цвѣтущая земля,
Отчизна милая, родительски поля. . .

Адметъ.

Альцеста, укрѣпись, спокойся! — О страданье!

Альцеста. (*въ изступленіи*)

Зрю адску ладію . . . Коцита зрю сверканье!
Харонъ передо мной! . . . гремитъ свирѣпый гласъ:

„Что медлишь? поспѣшай! настал ѣ послѣдній часъ!“ . . .

Адметъ.

О Боги! . . .

Альцеста.

Слышите? Скрыпятъ врата подземны!
Зіяетъ грозный адъ! . . . зрю тронъ Плутона темный!
Тамъ дщери ужаса! . . тамъ свисты лютыхъ змѣй! . .
Влекутъ! . . жестокіе! . . . лишаютъ мать дѣтей! . . .

Адметъ.

Пусть небо и земля сражаются со мною:
Тебя не отпущу! иль въ Тартаръ за тобою!

Альцеста. (*въ изнеможеніи*)

Простерлась вѣчна ночь! — хладъ сердце обложилъ!
Не прикасайтеся . . . увы! лишаюсь силъ!
Смерть! смерть! — гдѣ сынъ? — гдѣ дочь? Мать бѣдну обнимите!
Благословляю васъ! . . . О Боги! сохраните
Нещастнѣйшихъ сиротъ! — — — Дай руку мнѣ, Адметъ.
Приближся и внемли послѣдній мой завѣтъ:
Не сокрушай себя! смирись предъ Небесами;

Они ведутъ къ добру сокрытыми путями;
Любовь тебя спасла; мой другъ! для сей любви
Спокой себя, забудь, и щастливо живи.
Я таинства Судебъ всемощныхъ постигаю;
Довольна ихъ судомъ и радостно взираю
На близкой свой конецъ. — Что было бы, Адметъ,
Когда бы рокъ велѣлъ тебѣ оставить свѣтъ?
Тогдабъ народъ, Царя любимаго лишенной,
Былъ жертвой мятежей и брани развъренной;
Вкругъ трона празднаго раздался бъ звукъ мечей;
А я, игралище корысть слѣпыхъ страстей,
Безъ ближнихъ, безъ родныхъ, тѣснимая врагами,
Кудабъ сокрылася съ моими сиротами?
Считал каждый мигъ потокомъ горькихъ слезъ,
На гробѣ у тебя, преступница Небесъ,
Я проклинала бы нещастный день рожденья,
И узелъ моего съ тобой соединенья!
Нѣтъ! милостивъ Зевесъ! онъ смертію моей
Хотѣлъ спасти отъ бѣдъ Адметовыхъ дѣтей.
Теперь познай свой долгъ: Судьбы определенье;
И нѣжныя любви тебѣ благотворенье;
И умирающа супруга наконецъ;
Все, все тебѣ велитъ: будь Царь и будь отецъ!
О милый другъ! Адметъ! не требую обѣта,
Чтобъ, помня обо мнѣ, въ свои цвѣтущи лѣта

Ты сердце затворилъ для сладостныхъ отрадъ —
Но щастіе твое будь щастьемъ нашихъ чадъ!
Да будетъ, близь отца, ихъ жребій безопасенъ!
Да домъ родительскій не будетъ имъ ужасенъ!
Да новая любовь отца ихъ не лишитъ . . . . .
Но матери уже она не возвратитъ!
Ты, дочь моя, ты скорбь при смерти мнѣ едина!
Отецъ предузнаетъ скорѣе нужды сына;
Но дочь безъ матери ввѣкъ страждетъ сиротой;
Не услажденна грусть отравитъ твой покой;
Исчезнутъ радости твои нераздѣленны!
Кому объ нихъ сказать? кому онѣ безцѣнны?...
Нѣтъ матери съ тобой! она надежный щитъ,
Она покровъ отъ бѣдъ, которыми грозитъ
Тебѣ — твой возрастъ, полъ! Ахъ! ей одной возможно
Отъ сердца твоего блюсти тебя, гдѣ должно.
Смотри жестокой рокъ, чего лишилъ меня!
Уже не встрѣтить мнѣ блаженнѣйшаго дня,
Въ которой дочь моя, украшенна цвѣтами,
Обѣтъ любви своей речетъ передъ Богами!
Не я тебя должна во храмъ препровождать,
Не я повеселюсь улыбкой вашихъ чадъ! . . . .
Адметъ! се даръ, тебѣ Альцестой посвященный!
О дѣти милыя! се вамъ примѣръ безцѣнный!

Простите, помните, родителя любя,
Что лучшей матери лишила васъ Судьба!

Мрзлнв.

IV.

Два письма Руснаго путешественника (*).

1.

Константинополь. Ноября 5ого, 1805 года.

Переѣхавъ благополучно Черное море, съ 22го Сентября живу въ Константинополѣ. Развлеченъ будучи новостїю пред-

(*) Этотъ путешественникъ есть Николай Федоровичь Алферовъ (о которомъ упомянуто въ N 23 Московскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года), молодой Архитекторъ изъ Дворянъ, съ особеннымъ талантомъ, страстно привязанный къ своему искуству, но по нещастїю лишенный средства усовершенствовать свое дарованіе. Онъ воспитанникъ Дворянина Слободской-Украинской Губерніи, почтеннаго Александра Александровича Палицына, извѣстнаго по своимъ упражненіямъ въ Литтературѣ и свободныхъ Художествахъ. Любопытство, пла-

метовъ, я только два раза успѣлъ написать отсюда къ А. А. въ надеждѣ, что онъ, зная благодѣтельное ваше во мнѣ

менная любовь къ изящному, благородное честолюбіе заслужить въ Отечествѣ своемъ имя, заставили его предпринять продолжительное, сопряженное со многими трудностями путешествіе. Памятники древности, особенно великолѣпныя развалины зданій, которыми украшены Италія и Греція, составляютъ главный предметъ его вниманія. Этотъ необыкновенный молодой человѣкъ — въ которомъ (почему знать!) могъ бы со временемъ образоваться Русской Винкельманъ, когда бы обстоятельства способствовали развитію дара его и не умерщвляли его Генія — оставилъ Россію съ обширнымъ предпріятіемъ осмотрѣть (имѣя въ предметѣ одно искуство свое, Архитектуру) величественные остатки Рима, Аѳинъ, Геркуланума, Агригента и другіе памятники древнихъ вѣковъ; потомъ объѣздить Египетъ, Африку, Индію; короче, составить для себя ясную идею о томъ, какова была и есть Архитектура во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; сравнить Восточное зодчество съ Западнымъ, древнее съ новымъ; зданія просвѣщенныхъ народовъ съ безобразными зданіями полупросвѣщенныхъ или дикихъ; видѣть

участіе, сообщить вамъ для свѣдѣнія хотя копіи съ моихъ къ нему писемъ.

его во всѣхъ измѣненіяхъ, производимыхъ образомъ жизни, нравами, понятіями, совершенствомъ и несовершенствомъ гражданской жизни, и потомъ возвратиться въ Отечество съ богатствомъ открытій, съ обширнымъ запасомъ новыхъ идей, съ большею образованностію, съ сильнѣйшимъ желаніемъ трудиться для пользы общей. Усовершенствованіе, или, естьли позволено такъ выразиться, созданіе настоящей (можетъ быть еще несуществующей) *отечественной* Архитектуры, то есть, согласной съ нашимъ климатомъ, обычаями, образомъ жизни — есть цѣль, которую предположилъ себѣ молодой путешественникъ; и сильное желаніе, съ которымъ онъ къ ней стремится, и мужественное постоянство, съ какимъ старается побѣдить всѣ трудности, представляющіяся ему въ путешествіи, и горесть, въ которую повергаетъ его иногда нещастная мысль (къ сожалѣнію слишкомъ часто оправдываемая обстоятельствами), что онъ не въ силахъ достигнуть своего предмета, служатъ, по моему мнѣнію, самыми неоспоримыми признаками таланта необыкновеннаго. Одно дарованіе бываетъ источникомъ такой рѣшительной,

Въ Константинополѣ нашелъ я развалины Велизаріева дома: онъ построенъ

страстной привязанности къ Искусству; одно дарованіе можетъ бороться съ фортуною и побѣждать ее. Человѣкъ, неимѣющій въ душѣ своей той всемогущей силы, которая влечетъ его неодолимо къ одному, избранному для него натурою предмету, спокойно покорствуетъ обстоятельствамъ; но тотъ, кто чувствуетъ въ душѣ своей сію врожденную силу, или навѣкъ остается нещастнымъ, естьли, по волѣ непріязненнаго жребія, принужденъ съ нею бороться и истощать ее безплодно; или, превозмогая всѣ обстоятельства, самъ прокладываетъ себѣ дорогу среди препятствій и затрудненій. Чтожь, естьли обстоятельства будутъ ему благопріятны! чтожь, естьли Геній его можетъ развиться и дѣйствовать свободно! Сама Натура велѣла путешественнику нашему быть Артистомъ! — Но обстоятельства ему противны, и поприще дѣятельности для него закрыто! Нужда — путеводникъ его въ трудномъ путешествіи! Онъ ищетъ усовершенствовать себя въ благородномъ искусствѣ, и — должно *боятся голодной смерти!* Онъ вредается многимъ опасностямъ для того, чтобы со временемъ принести Отечеству своему

вмѣсто башни у самой городовой стѣны, такъ, что дворъ онаго составляютъ древ-

---

пользу, а можетъ быть и нѣчто прибавить ко славѣ его своими трудами — и Отечество, которое никогда не лишало воздаянія достойныхъ сыновъ своихъ, объ немъ не знаетъ, оставило его безъ покрова . . . . Но можетъ ли быть, чтобы оно пренебрегло человѣка, исполненнаго благородной привязанности къ его пользѣ и, по нещастію, забытаго фортуною? можетъ ли быть, чтобы оно допустило угаснуть такому дарованію, которымъ со временемъ могло бы гордиться? Россія, въ великодушномъ ободреніи раждающихся талантовъ и справедливомъ воздаяніи трудовъ полезныхъ, равняется со всѣми просвѣщенными народами Европы: МОНАРХЪ ея требуетъ только случая благотворительствовать; самые чужеземцы гордятся Его наградами! — Благодаря патріотизму нѣкоторыхъ Дворянъ Слободской-Украинской Губерніи, молодой Алферовъ имѣлъ способы — хотя весьма ограниченные — продолжать свое путешествіе. Мы увѣрены, что многіе изъ соотечественниковъ нашихъ, Руские въ сердцѣ и прямо привязанные ко всему, что можетъ хотя отчасти, съ какой бы то ни было стороны, способствовать возвышенію ихъ Отечества, обрадуются сему случаю удо-

нїя городовыя укрѣпленїя, на высокомъ мѣстѣ, съ котораго видѣнъ почти весь

влетворить любезнѣйшей и самой благородной склонности сердца своего — благотворительности. Издатель Вѣстника Европы сочелъ бы за особенное щастіе быть ихъ посредникомъ; но онъ не имѣетъ никакого сношенія съ молодымъ Алферовымъ. Почтенный издатель Рускаго Вѣстника, С. Н. Глинка, готовъ принять на себя эту пріятную обязанность, которую, вѣроятно, не замедлятъ возложить на него нѣкоторые изъ благородныхъ нашихъ соотечественниковъ. — Бывшій Россійскій Министръ въ Константинополѣ, Тайный Совѣтникъ, Андрей Яковлевичь Италинской, выражается на счетъ Гна. Алферова слѣдующимъ образомъ въ писмѣ, писанномъ изъ Тріеста отъ 4 Февраля 1808 къ В. Н. К. „Спѣшу удо„влетворить желанію вашему знать о пове„деніи Гна. Алферова, талантахъ его и о упо„требленіи имъ времяни. — По первымъ „двумъ, соотвѣтствуетъ онъ совершенно„пріемлемому въ немъ благодѣтелями его „участію, и заслуживаетъ дальнѣйшее къ „себѣ ихъ благоволеніе. Относительно же „употребленія имъ времяни, извѣстно мнѣ, „что будучи въ Аѳинахъ, занимался онъ „безпрестанно усовершить таланты свои, „и по засвидѣтельствованію мнѣ извѣст-

городъ, прекрасная Константинопольская гавань и проливъ. Землетрясенія разрушили во многихъ мѣстахъ городовыя укрѣпленія; но домъ Велизарїевъ пострадалъ только отъ времени! въ немъ нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни крышки, ни внутреннихъ деревянныхъ стѣнъ, которыя нѣкогда раздѣляли его на нѣсколько небольшихъ комнатъ; наружныя каменныя стѣны чрезвычайно еще крѣпки. Домъ сей занимаетъ не болѣе десяти саженъ: вѣроятно, что никогда не представлялъ онъ жилища роскоши и пышности; онъ не блеститъ даже и Архитектурою, но имя Вализарїево есть лучшее для него украшенїе; и путешественники съ благоговѣнїемъ посѣщаютъ жилище славнаго Героя. Думая, что вамъ прїятно будетъ увидѣть слабое изображенїе сего жилища, я до вчерашняго дня занятъ былъ снятїемъ двухъ его видовъ; сожалѣю чрезвычайно, что не могу найти вѣрнаго случая доставить вамъ сїи рисунки. Здѣсь не принимаютъ на почту такого рода по-

---

„наго Артиста Гна. Лузіери, прїобрѣлъ довольно искуства; но чемъ потомъ „занимался по прибытіи своемъ въ Корфу „и какъ проводилъ время свое, не былъ „я увѣдомленъ ни отъ кого. Ж.

сылокъ; я не смѣю рѣшиться отправить ихъ партикулярно до Дубосаръ съ почталїономъ: онъ не избѣгнутъ карантина, а можетъ быть и своеи погибели.

По рекомендательному письму Графа Александра Сергѣевича Строгонова къ здѣшнему нашему Министру, я всегда очень хорошо у него принятъ: онъ доставилъ мнѣ рѣдкой случай видѣть обширный древнїй храмъ Святой Софїи и снять съ него планъ; посѣтители съ Султанскимъ Фирманомъ не имѣютъ сей выгоды, имъ не льзя оставаться тамъ болѣе одного часа, а я сверхъ всего имѣлъ еще случай быть и во Всенощной Турецкой. Въ разсужденїи мѣръ храма сего вы увидите изъ письма моего къ А. А. большую разницу противъ описанїя другихъ путешественниковъ; но можетъ быть они мѣряли шагами, а я при снятїи моего плана старался всевозможную наблюдать вѣрность.

Всѣ добрые наши Рускїе меня здѣсь любятъ; нѣкоторымъ изъ нихъ обязанъ я много за знакомство съ находящимся здѣсь Французскимъ рисовальщикомъ Гмъ. Прео; онъ былъ современникомъ въ Парижской Академїи извѣстному въ Петербургѣ Гну. Томону, и въ рисованїи много его превосходитъ; онъ чрезвычайно лю-

битъ свое художество и обладаетъ превосходнымъ талантомъ; говорятъ, что онъ при всемъ томъ чрезвычайно бѣденъ, и что принужденъ находить себѣ нѣкоторыя выгоды въ странствованіи съ путешественниками; но кажется, что сіи выгоды предохраняютъ его только отъ голодной смерти. Видно, что и въ чужихъ краяхъ поступаютъ иногда съ нашею братьею такъ же, какъ и у насъ. Его превосходные Аѳинскіе виды безпрестанно гонятъ меня отсюда къ своимъ оригиналамъ, но дурная погода и собственныя мои занятія задержали меня здѣсь до сей поры. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь, почтенный и добрый нашъ Министръ снабдилъ меня для дальнѣйшаго путешествія Султанскимъ Фирманомъ, особеннымъ паспортомъ и рекомендательными письмами къ нашимъ Консуламъ въ Архипеллагѣ, и къ находящемуся въ Аѳинахъ славному Италіанскому Художнику, Гну. Луцини. Недѣли черезъ двѣ, а можетъ быть и скорѣе, я непремѣнно туда отправлюсь.

Зима здѣшняя ни сколько не походитъ на зиму Русскую; она началась-было въ Октябрѣ снѣгомъ, чрезвычайно холодными вѣтрами и ужасными бурями, которыя въ малое время истребили множество

купеческихъ кораблей на Черномъ морѣ; но теперь между ненастнымъ временемъ бываютъ довольно часто прекрасные теплые дни, какъ бы у насъ весною.

Чтобы не пропустить и этой почты, не описываю вамъ подробно моего путешествія до Константинополя. Препровождаю письмо свое къ А. А.; надѣюсь, что при немъ получите вы и копію съ прежнихъ моихъ къ нему писемъ, естьли вы уже ее не получили.

2.

Корфу. Маія 24го, 1807 года.

Всѣ живущіе здѣсь иностранцы жалуются, что со времени перемѣны политическихъ обстоятельствъ съ Турціею, пропадаютъ ихъ письма: думаю, что и мои послѣднія постигла такая же участь, и спѣшу, пользуясь симъ случаемъ, повторить вамъ мою благодарность за присылку мнѣ 500 рублей, которые по обязательству вашему я получилъ исправно отъ Константинопольскаго Министра нашего, Его Превосходительства Андрея Яковлевича Италинскаго. Никогда еще въ жизни моей не былъ я столько опечаленъ молчаніемъ вашимъ, моихъ благодѣтелей и моихъ родныхъ, какъ въ то время: томительная неизвѣстность сія ли-

шаетъ меня всѣхъ силъ и способовъ къ достиженію моего предмета.

Послѣ перваго случившагося-было разрыва съ Турками, я получилъ два письма изъ Константинополя, отъ Министра, очень скоро одно за другимъ: при первомъ доставленъ мнѣ былъ испрашиваемый мною Фирманъ касательно моихъ упражненій въ Аеинахъ, безъ коего Турки всегда находили причину мнѣ препятствовать и дѣлать неумѣренныя всякаго рода требованія; а со вторымъ получилъ по обязательству вашему деньги: въ обоихъ для предосторожности моей ничего не было сказано; и въ самомъ дѣлѣ, послѣ вновь заключенныхъ мирныхъ условій съ Портою, не льзя было ожидать настоящихъ слѣдствій. Доставленный мнѣ Фирманъ отъ Великаго Визиря былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы ограничить сколько нибудь мои расходы; одно изъ двухъ: или не льзя было исходатайствовать, чтобы въ немъ упомянуто было подробно все то, о чемъ я просилъ Министра; или Драгоманъ не захотѣлъ употребить своего старанія, хотя Министръ, препровождая ко мнѣ Фирманъ, и пишетъ, что онъ таковъ, какого я требовалъ. Но я съ такимъ Фирманомъ ничего не могъ бы сдѣлать по своему плану безъ денегъ и

безъ особеннаго ходатайства тамошняго нашего Консула, Гна. Каскамбы; короче, я истощилъ карманъ свой, и едва принялся было за предпріятіе мое, какъ вдругъ нечаянное объявленіе войны принудило меня, оставя все, бѣжать за границы Турецкія, въ то самое время, когда уже эскадра наша подъ командою Вице-Адмирала Синявина слѣдовала къ Дарданелламъ: мы повстрѣчались съ нею у острова Черниго на пути нашемъ въ Корфу.

Не имѣя денегъ и не заставши въ Корфу Министра Италинскаго, я не нашелъ инаго средства избавиться отъ голода и потери понапрасну времени, какъ ѣхать въ Мальту. Я утѣшалъ себя напередъ лестною надеждою на благосклонность ко мнѣ и на глубокое просвѣщеніе въ Наукахъ Министра Италинскаго, предполагая, что естьли онъ не пожелаетъ снабдить меня на счетъ моихъ покровителей небольшою суммою денегъ, дабы я могъ отправиться для продолженія моихъ упражненій къ знаменитымъ остаткамъ древняго Агригента, то по крайней мѣрѣ, по любви своей къ Наукамъ, и особенно для ободренія и покровительства тѣхъ, которые въ нихъ упражняются, не откажетъ дать мнѣ у себя кусокъ хлѣба, позволитъ мнѣ воспользоваться обширною Мальтійскою

библїотекою и обращенїемъ со свѣдущими людьми, пока не перемѣнятся политическїя обстоятельства; или наконецъ доставитъ мнѣ случай возвратиться въ мое Отечество, естьли уже ничто не будетъ благопрїятствовать моему предпрїятїю. — Но тщетны были всѣ мои ожиданїя! Получивъ отъ него нерѣшительный отвѣтъ, принужденъ я былъ относиться къ его Секретарю, который нѣсколько времени обольщалъ меня однѣми лестными обѣщанїями: сначала обнадежилъ отправленїемъ въ Сицилїю, и наконецъ вдругъ, безъ всякаго приготовленїя, ночью, прислалъ мнѣ отъ имени Министра приказъ немедленно возвратиться съ отправляющимся тогда судномъ въ Корфу, лишивъ меня такимъ образомъ послѣдняго съ нимъ свиданїя и безъ всякой о мнѣ рекомендацїи, кромѣ словеснаго порученїя Капитану судна: попросить Министра при Іонической Республикѣ, Графа Моченнго, отправить меня въ Россїю.

Обремененный грустїю и отчаянїемъ возвратился я назадъ въ Корфу, и желая узнать рѣшенїе моей участи, явился къ Графу Моченнго: натурально, что такое странное мое возвращенїе не могло подать ему выгодныхъ о мнѣ мыслей; со всѣмъ тѣмъ, онъ тронулся моею уча-

стїю и обѣщалъ мнѣ покровительствовать, хотя неоднократно изъявлялъ свое удивленїе, свидѣтельствуясь обширнымъ письмомъ Министра, въ которомъ не было сказано обо мнѣ ни слова. Секретарь его, гордый Италїанецъ, старался потомъ всѣми образами увѣрить меня, что Министръ на покровительство путешественниковъ, въ подобныхъ моимъ обстоятельствахъ, никакого предписанїя отъ Двора не имѣетъ; что отправить меня въ Россїю на казенный счетъ, или съ казеннымъ какимъ нибудь препорученїемъ, не можно; словомъ, не трудно было примѣтить, что этотъ случай, не смотря на доброе сердце Графа, по застѣнчивости моей, не могъ быть благопрїятнѣе Мальтїйскаго.

Куда идти и гдѣ искать спасенїя отъ голодной смерти? — Оставался Генеральный нашъ Консулъ при Іонической Республикѣ, Статскїй Совѣтникъ Бенаки, единственный человѣкъ, къ которому была еще возможность прибѣгнуть. Бывшїй Аѳинскїй нашъ Консулъ, Гнъ. Каскамба, предувѣдомилъ его объ участи моей; не требовались отъ меня подробныя объясненїя; Гнъ. Бенаки не любитъ говорить и разсуждать много: онъ предложилъ мнѣ въ ту же минуту въ своей Канцелярїи мѣсто съ небольшимъ жалованьемъ и соб-

ственный свой столъ. — Вотъ какимъ образомъ достигъ я наконецъ надежнаго пристанища, будучи чрезвычайно много доволенъ тѣмъ, что предпріятія мои не разрушены въ конецъ, и что остается мнѣ еще лестная надежда къ ихъ продолженію по окончаніи Турецкой войны, которая скоро должна прекратиться!

Отъ ежедневной должности моей имѣю около трехъ свободныхъ часовъ по утрамъ, которые постараюсь употребить на приготовленіе вдвойнѣ Аѳинскихъ моихъ чертежей и видовъ, дабы доставить оные вамъ, для исходатайствованія мнѣ удобнѣйшихъ способовъ успѣть въ моихъ предпріятіяхъ, естьли только Правительство наше обращаетъ вниманіе на распространеніе свободныхъ Художествъ, и естьли существуютъ между Рускими любители Искусства.

Естьли мои благодѣтели, удостоившіе меня покровительства, расположены продолжать его и впредь: то смѣю просить васъ, не можете ли исходатайствовать у нихъ для меня единовременно, на одинъ только годъ, не болѣе тысячи рублей? Прилагаю при семъ и письма къ другимъ моимъ благодѣтелямъ, особенно къ . . . . Эти деньги необходимы для того, что-

бы я, по прекращенїи войны Турецкой, могъ кончить начатыя мои предпрїятїя въ Аѳинахъ, и послѣ не со стыдомъ возвратился въ любезное мое Отечество, увѣрить моихъ покровителей, что я воспользовался тѣми способами, которые они мнѣ доставляли, и умѣю чувствовать великость ихъ благотворенїя.

Могутъ подумать, что требованїя мои слишкомъ обширны: но я напомню вамъ, почтенный В. Н., что въ Турцїи и съ самымъ строжайшимъ повелѣнїемъ, безъ подарковъ, приступить къ дѣлу никакъ невозможно; что для вѣрнѣйшаго измѣренїя высоты необходимы лѣсницы, веревки и помощники; что для сохраненїя большей точности въ абрисѣ всѣхъ кривыхъ линїй карниза — (представляющихъ удивительныя и необыкновенныя красоты, произведенїе не циркуля, а вкуса) — и для справедливѣйшаго размѣра тѣхъ образцовъ, которымъ новые Архитекторы удивляются, а подражать имъ почитаютъ камнемъ преткновенїя, нужно формовать алебастромъ; что наконецъ необходимо оставить что нибудь и для собственнаго содержанїя, которое во всякое время чрезвычайно ограничено. Но можетъ быть не удастся вамъ доставить мнѣ важнаго сего пособїя! тогда,

Милостивый Государь, исходатайствуйте зинѣ по крайней мѣрѣ что-нибудь для возвращенія моего въ Отечество, или извѣстите меня, что я не долженъ уже болѣе питать себя лестными надеждами.

Препровождаю при семъ къ вамъ для свѣдѣнія вашего копіи съ писемъ ко мнѣ отъ Министра Италинскаго и переводъ Фирмана; чрезвычайно сожалѣю, что никакъ не успѣлъ доставить ихъ къ А. А. Прошу васъ сообщить ихъ ему, естьли найдете достойными его вниманія.

Въ письмѣ моемъ къ . . . . . ымъ просилъ я ихъ потрудиться доставить мнѣ Анахарсисово Путешествіе въ Грецію на Французскомъ или на Рускомъ языкѣ, естьли вышелъ его переводъ: этой книги, необходимой для испытателя Греческихъ древностей, ни подъ какимъ видомъ не можно здѣсь найти. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ этомъ пособіи.

V.

Улиссъ у Алькиноя (*).

(*Отрывокъ изъ Гомеровой Одиссеи.*)

Стихотворецъ Демодокъ воспѣваетъ, по просьбѣ Улисса, введенїе деревяннаго коня во внутренность Трои. Пѣснь его трогаетъ Улисса, который не можетъ воздержаться отъ слезъ. Царь Алькиной, оказавшїй Улиссу гостепрїимство, желаетъ знать, кто онъ, откуда и что видѣлъ. Переводчикъ сохранилъ въ стихахъ своихъ Греческїй размѣръ.

. . . . . И пѣснопѣвецъ (Демодокъ), исполненный Бога, вѣщаетъ:
Уже корабли, благолѣпно устроенны, въ море готовы;
И хитрыя чада Аргоса, таясь на брегу искривленномъ,
Предъ станомъ, при соснахъ горящихъ, сѣдятъ въ ожиданїи темномъ.
Тогда знаменитый Улиссъ, младая дружина героевъ,
Сокрытые въ махинѣ дивной, у вратъ Илїона отверстыхъ,
Рѣшительны, хладны, какъ смерть, внимаютъ враговъ совѣщанья.

(*) Смотри картинку.

Еще колебался народъ — одни предлагали, поспѣшно
Чудовищны ребра пронзить испытующей мѣдью;
Иные, восхитить коня на утесъ и въ бездну низвергнуть;
Иные желали, Безсмертнымъ принесть въ благочестную жертву. —
Пріятно и праведно всѣмъ показалось последнее слово. —
И се разтворился въ стѣнахъ Иліонъ — воспріять свою гибель!
Громада, шатаясь со скрыпомъ, несетъ разрушенье по стогнамъ! —
Потомъ воспѣваетъ пѣвецъ: какъ Аргивцы, въ желанное время,
Исторгшись изъ хитрыхъ затворовъ, изъ вольнаго плѣна,
Ударили съ шумомъ на стражу, объятую жалкой дремотой;
Смущенны, безгласны, постигнуты часомъ внезапнымъ,
Какъ тѣни, не видятъ, не внемлютъ, безъ ратныхъ доспѣховъ! —
Но быстропарящій Улиссъ къ чертогамъ Дейфоба стремится,
Арею подобный, свирѣпый, съ подобнымъ себѣ Менелаемъ;
Тамъ ярая сѣча кипѣла, мечи объ мечи ударялись!
Но скоро, водимый Минервой, Улиссъ увѣнчался побѣдой! —

Сіе воспѣвалъ Домедокъ, вдохновенный
пѣвецъ Алкиноя.
Но сердце Улисса, томясь, въ печаль по-
грузилось;
Герой воздыхалъ, и ланиты покрылись слезами.
Такъ нѣжна супруга скорбитъ о любви сво-
ей — миломъ супругѣ,
Который погибъ предъ очами отеческа града
и братій,
Погибъ, подвизаясь отвесть злоключенья го-
дину свирѣпу
Отъ родины, прежде блаженной, отъ чадъ,
украшенія дома! —
Нещастная видитъ супруга, какъ страж-
детъ въ бореніи смерти;
Къ нему приникаетъ, и бьётся и ноетъ...
но изверги люты,
Какъ гладные звѣри, стеклись; отъ ми-
лыхъ остатковъ отторгли, —
И се повлеклася невольница къ нуждѣ и вѣч-
ному горю!
Влечется во чуждую землю, къ печалямъ и
тяжкой работѣ!
И прелесть младая на вѣки угасла на том-
ныхъ ланитахъ!
Такъ, скорбью снѣдаемъ, Улиссъ проливалъ
неотрадныя слезы;
Но, мудрый и скромный, таилъ отъ бесѣ-
ды онъ радостной слезы. —
Единъ Алкиной, присѣдящій герою, съ бо-
лѣзнью, ихъ видитъ;

Чувствительный, нѣжный Владыка стенанія
страннika внемлетъ, и
И съ кротостью сладкой гласитъ предъ сонмомъ сыновъ мореходныхъ:

Внемлите, Ѳеакцовъ преславные Князи
и Власти!
А ты, Демодокъ, повели престать брящающей арфѣ;
Не къ радости арфа твоя, не къ радости
общей брящаетъ!
Въ часы пированья, при сладостномъ пѣніи
струнъ оживленныхъ,
Уныніе мрачно на мигъ не оставило милаго
гостя. —
Снѣдающа горесть лежитъ глубоко въ его
сердцѣ!
Умолкните пѣсни! да чистую радость раздѣлятъ согласно
И гость и хозяинъ: обычай таковъ на соборищѣ братій!
Но коль уготовано все для почтеннаго мужа,
несите;
Представьте дары драгоцѣнны, которыми
чтитъ его дружба!
Какъ братъ, какъ родимый, любезенъ намъ
страннikъ нещастный!
Любезенъ онъ сердцу, не чуждому Бога и добрыя вѣры! —
А ты не скрывайся отъ насъ чрезъ вымыслы хитросплетенны,

Возлюбленный странникъ! — Ахъ! искренность — жизнь и веселье бесѣды.
Повѣдай, какъ звали тебя твой отецъ, и матерь, и нѣжные братья?
Гдѣ область, гдѣ градъ, возпріявшій въ тебѣ гражданина?
Всякъ смертный имѣетъ надежную собственность — имя!
Убогій и знатный наслѣдуютъ имя съ рожденьемъ,
И матерь съ улыбкою первой его величаетъ.
Повѣдай мнѣ землю, и племя, и щасливый домъ воспитанья!
Тогда совѣщаемъ въ соборѣ, устроить твое возвращенье.
Ѳеакцы не вѣдаютъ нужды въ пловцахъ искушенныхъ;
Извѣстны имъ нравы различны, обычай, законы народовъ,
И близость и дальность градовъ и поля благодатны;
И быстро преплаваютъ воды, одѣянны бурей и нощью!
Имъ страхъ не извѣстенъ въ моряхъ, не вѣдома гибель въ пучинѣ. —
Но нѣкогда — такъ прорицалъ мой отецъ Навситоосъ —
Въ ужасное время, землями трясущій Посейдонъ,
Возтребуетъ жертвъ отъ пловцовъ, безбѣдно, безъ страха,

Такъ долго срѣтавшихъ брега отчизны любезной;
Возтребуетъ грозно, — и море въ свирѣпомъ волненьи
Пожретъ Ѳеакійскій корабль, ухищренно созданный,
И градъ сей запретъ неприступной скалою гранита!
Такъ старецъ пророкъ знаменитый . . . . .
да будетъ воля святая,
Исполнить обѣтъ сей, или не исполнить во благо!
Но, странникъ! не медля, открой мнѣ желанную правду:
Гдѣ былъ ты, что видѣлъ, и что претерпѣлъ, неповинный!
Цвѣтутъ ли еще на землѣ народы и грады блаженны?
Ахъ, тяжко услышать, что есть подъ сияющимъ Ѳебомъ
Доселѣ вертепы людей, незнакомыхъ ни съ вѣрой, ни съ правдой!
Обрадуй, еще ль благоденствуютъ странноприимцы,
Носящіе въ сердцѣ любовь и къ Богамъ почитанье? —
Почто ты рыдаешь? Вѣщай о племени славныхъ Аргивцовъ!
Почто ты рыдаешь, какъ пѣсни гласятъ о судьбѣ Иліона?

Погибнуть: таковъ былъ совѣтъ неминуемый Неба!
Подъ сильною дланью Безсмертныхъ, мы ходимъ и дышемъ,
И дивны дѣла ихъ гласятся во благо потомковъ!
Иль — можетъ быть — сродникъ твой палъ подъ стѣнами Пріама,
Почтенный и добрый, иль зять или братъ твой,
По крови ближайшій, единаго племени отрасль?
Иль другъ незабвенный, герой благороднаго сердца?
Ахъ, менѣе ль брата, безцѣннаго брата любезенъ
Прямой, несомнѣнный другъ, благотворнаго Неба даянье? . . . .

Съ Греческаго, Мрзлкевъ.

ПОЛИТИКА.

VI.

Письмо о Копенгагенѣ, писанное въ Іюлѣ, 1807.

Копенгагенъ представляетъ величественное, несравненное зрѣлище съ моря. Пышная зелень острова Амака, пріятные домики, разсѣянные по берегамъ, городскія башни, корабельныя мачты, которыя въ отдаленіи кажутся лѣсомъ, бригги, перевозныя суда, фрегаты, корабли военные, морскія батареи, безчисленные сады съ находящимися въ нихъ загородными домами — все вмѣстѣ образуетъ такую прелестную картину, которую почитаю единственною. Вѣтеръ не допустилъ насъ приближиться къ самому городу, корабль нашъ остановился на рейдѣ, мы пересѣли на шлюбку и въѣхали въ пристань.

Копенгагенъ отличается отъ многихъ столичныхъ городовъ Европы красотою зданій, опрятными, хорошо вымощенными улицами, прекрасными тротуарами для пѣшихъ, обширными великолѣпными

площадями. Въ немъ часто бывали пожары, и послѣ каждаго становился онъ красивѣе. Теперь многія улицы расширены; большая часть домовъ построены въ лучшемъ вкусѣ. Въ томъ отдѣленіи города, которой возобновленъ послѣ пожара, угольные домы округлены и украшены балконами. Гостинницы прекрасны, покойны, и въ нихъ, по моему мнѣнію, всё недорого.

Площадь, среди которой стоитъ изваяніе Фридерика V, превосходитъ всѣ другія: она заключается между четырьмя огромными домами одинакой формы. Довольно хороша и та, которую называютъ новымъ Королевскимъ рынкомъ и гдѣ стоитъ изображеніе Христіана V. Статуи вылиты изъ мѣди; та и другая конныя; но первая гораздо лучше. Изъ числа четырехъ зданій, окружающихъ площадь Фридерика, два служатъ мѣстомъ пребыванія Королю и наслѣдному Принцу. Они живутъ здѣсь со времени пожара, которымъ разрушенъ настоящій Королевскій замокъ, извѣстный подъ именемъ Христіанбурга; оставшіяся развалины даютъ понятіе о прежней обширности сего зданія; оно поправляется, но очень медленно — доказательство, что Правители мало заботятся о собственномъ покоѣ. Кромѣ этого Дворца, есть еще въ

Копенгагенѣ другой — старинный Готтическій замокъ Розенбургъ, къ которому принадлежитъ прекрасный садъ, служащій общественнымъ гульбищемъ; здѣсь собирается весь городъ. Вокругъ обширнаго водоема, находящагося посреди сада, видите множество играющихъ дѣтей; матери и смотрительницы сидятъ подъ тѣнью старыхъ липъ на скамѣйкахъ; въ аллеяхъ попадаются вамъ молодыя люди, свѣтскія дамы и дѣвушки лучшаго тону, офицеры, купцы, ученые; словомъ, видите самую пріятную, разнообразную картину. Въ галлереяхъ находите чай, мороженое, фрукты, пуншъ и тому подобное. Но лучшимъ украшеніемъ города почитаю гавань: множество кораблей на якоряхъ; безпрерывное движеніе плывущихъ туда и сюда шлюбокъ; нагрузка и выгрузка судовъ; народъ толпящійся по берегу — вотъ зрѣлище, которое понравится всякому; но для того, кто не видалъ ему подобнаго, будетъ оно восхитительно! — Амакъ, небольшой, но плодоносный островъ, соединенъ съ Столицею двумя мостами; можно назвать его огородомъ и житницею Копенгагена.

Естьли сей городъ не можетъ равняться съ другими Столицами Европы красивостію и великолѣпіемъ зданій, то конечно въ пріятности положенія своего

и окрестностей, уступаетъ весьма немногимъ. Ко всѣмъ заставамъ ведутъ широкія аллеи. Вездѣ находите прекрасные загородные домы, окруженные разнообразными великолѣпными садами, которые всякой день наполнены народомъ. По дорогѣ отъ Копенгагена до Гельсингера, (около шести миль) на всякомъ шагу попадаются дачи, примыкающіяся одна къ другой; вы наслаждаетесь восхитительными, можно сказать волшебными видами; изъ всякаго сада, изъ всякаго сельскаго замка различаете простыми глазами вдалекѣ Шведскій берегъ и городъ Ландскрону, и притомъ такъ ясно, что можете удобно ихъ срисовать; далѣе, принадлежавшій Даніи, а нынѣ уступленный Швеціи островъ Гвеенъ, старинное помѣстье Тихобрага, на которомъ и теперь находятся остатки Ураніенбурга, замка, построеннаго симъ Астрономомъ для наблюденія созвѣздій; наконецъ городъ Гельсингеръ съ крѣпостію Кронбургомъ, Зундскій проливъ и всѣ корабли, плывущіе изъ Восточнаго моря въ Сѣверное, или изъ Сѣвернаго въ Восточное — словомъ, не воображаю ничего великолѣпнѣе сего единственнаго въ мірѣ зрѣлища! Но зрѣлище, представляющееся вамъ на землѣ, не менѣе привлекательно: вездѣ плодоносныя поля, произрастенія столь туч-

ны. зелень такъ свѣжа и пріятна, сельскіе виды столь живописны, что вы не можете рѣшиться, на чемъ остановить свои взоры. Самые сельскіе домы, по крайней мѣрѣ тѣ, въ которыхъ случилося мнѣ быть, убраны съ отмѣннымъ вкусомъ. Во многихъ видѣлъ я работу Кановы (*), настоящіе антики и нѣкоторыя превосходныя картины славныхъ Художниковъ. Загородный домъ Графа Шиммельмана, по мѣстоположенію своему, лучше многихъ; онъ называется: Seeluft (морское увеселеніе). Въ сосѣдствѣ его находится другое прекрасное помѣстье *Александрія*, къ которому принадлежитъ великолѣпный садъ.

Немного далѣе, въ десяти верстахъ отъ города, вы видите Королевской звѣринецъ — лѣсъ, какихъ мало; вступая въ него, воображаете священныя рощи древнихъ; олени и серны мелькаютъ передъ глазами вашими, и очень спокойно щиплютъ траву. Ближе къ Столицѣ (въ двухъ тысячахъ шагахъ) находится Англійскій садъ, принадлежащій къ замку Фридрихсбергу; виды, которые представляются въ немъ, чрезвычайны: иногда вы видите море и весь городъ; иногда простое

(*) Одинъ изъ первыхъ Скульпторовъ нашего времени.

сельское уединенїе. Онъ орошенъ прозрачнымъ источникомъ. Королевская Фамилїя переѣзжаетъ на лѣтнее время въ замокъ Фридрихсбергъ, и не смотря на то, въ саду можетъ прогуливаться всякой, когда захочетъ. Аллея, соединяющая этотъ замокъ съ Столицею, сама по себѣ есть прекрасное гульбище. По обѣимъ сторонамъ разсѣяны сельскїе домики; однимъ изъ лучшихъ украшенїй наружности ихъ почитаю чистыя зеркальныя стекла, которыя въ большемъ употребленїи у Датчанъ.

Обратимся на другой предметъ: всего замѣчательнѣе въ Данїи то совершенное согласїе, которое существуетъ между Правительствомъ и народомъ. Первое неусыпно печется о послѣднемъ; послѣднїй достоинъ благодѣтельныхъ попеченїй перваго. Такъ, Дацкое Правительство имѣетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ одну великую цѣль — благоденствїе нацїи. Я любопытенъ былъ видѣть сего наслѣднаго Принца, который такъ дѣятеленъ въ заботахъ о щастїи своего отечества; который таковъ на дѣлѣ, какимъ другїе желаютъ только казаться; который, жертвуя самимъ собою высокому своему званїю, думаетъ, что исполняетъ единственно свою должность; который, соединяя въ себѣ всѣ необходимыя для Правителя качества, ни чемъ не тщеславится; правосу-

денъ и милостивъ; умѣетъ быть строгимъ, и въ тоже время до крайности снисходителенъ. Онъ выбралъ достойныхъ себя Министровъ, и Датчанинъ спитъ покойно, въ надеждѣ, что онъ безопасенъ подъ кровомъ неусыпнаго Правительства, которое по всѣмъ отношеніямъ заслуживаетъ безпредѣльную довѣренность націи. Первая добродѣтель Правительства — благоразуміе; оно спокойно и не поспѣшно въ своихъ поступкахъ; успѣхи не ослѣпляютъ его, угрозы не дѣлаютъ непостояннымъ; не думая о хищныхъ завоеваніяхъ, оно умѣетъ отмщать своимъ оскорбителямъ; дѣйствуетъ безъ всякаго суетнаго тщеславія; не мыслитъ выказывать себя законодательствомъ, но гражданинъ чувствуетъ благотворительность его распоряженій. Имя покойнаго Бернсдорфа свято уважается Датчанами; благородные сыновья его достойны великаго своего родителя: одинъ изъ нихъ Министръ Кабинета, другой Директоръ Департамента иностранныхъ дѣлъ, третій въ военной службѣ; Министры Шиммельманъ, Ревентловъ, короче — всѣ, теперь занимающіе первыя мѣста въ Королевствѣ, оправдываютъ довѣренность народную. И сколько успѣло сдѣлать сіе Правительство въ самое короткое время! Оно уничтожило монополію Остъ-Инд-

ской и Вестъ-Индской Компаніи (одна торговля съ Китаемъ удержала сіе исключительное право до 1812 году); первое прекратило торговлю невольниками; судьба нещастныхъ Негровъ, живущихъ въ колоніяхъ, облегчена; крестьянамъ, зависящимъ отъ помѣщиковъ, даны многія выгоды; войска преобразованы; повинности народныя приведены въ равновѣсіе; доходы Государственные безъ всякихъ новыхъ налоговъ умножены; словомъ, каждый его подвигъ ознаменованъ любовію къ человѣчеству и благодѣтеленъ для Монархіи; но сія благодѣтельность нимало не смѣшана съ слабостію: всей Европѣ извѣстно, какъ поступилъ Копенгагенъ въ 1801 году противъ Англичанъ, сдѣлавшихъ внезапное на него нападеніе; въ Коллегіи Адмиральтейства присудствуетъ Камергеръ Фонъ-Биль, который съ однимъ фрегатомъ и одною бриггою ударилъ на семь Триполитанскихъ корсеровъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Датской народъ имѣетъ хорошія качества и вообще образованъ; рѣдко обнаруживается въ немъ суровость, свойственная черни; иностранецъ, который дружески вступаетъ въ разговоръ съ Датчаниномъ на улицѣ, конечно не получитъ грубаго отвѣта; всякой охотно укажетъ вамъ дорогу, естьли вы ее не

знаете, и никогда не откажется васъ проводить. Можетъ быть это одинъ случай, но я не видалъ ни одного пьянаго въ Даніи. Датчанъ упрекаютъ въ безпечности и медлительности; надобно однако признаться, что они съ своею медлительностію успѣваютъ дѣлать гораздо болѣе, нежели Нѣмцы; въ высшихъ состояніяхъ много людей съ талантомъ и ученыхъ; самое мѣстное положеніе и торговля Даніи способствуетъ имъ къ познанію земель и языковъ; всякой день встрѣчаешься съ такими людьми, которые бывали въ Китаѣ, Капѣ, въ Вестъ-Индіи; съ самымъ знатнымъ можешь говорить по Французски, по Нѣмецки, по Англински. При всемъ томъ они чрезвычайно услужливы и истинно гостепріимны; частные люди наблюдаютъ, относительно ко всѣмъ иностранцамъ, тотъ же самый неутралитетъ, которымъ до сего времени такъ щастливо ихъ Правительство. Тонъ большаго общества пріятенъ, благопристоенъ, свободенъ; молодыя дамы, встрѣтясь съ чужестранцемъ, не смотрятъ на него какъ на чудо, не шепчутъ одна другой на ухо, не смѣются, когда находятъ въ немъ что нибудь отличное отъ ихъ знакомыхъ; женщины въ Копенгагенѣ отмѣнно ловки; умѣютъ занять васъ, кто бы вы ни были,

Нѣмецъ, Французъ, Англичанинъ; обходятся безъ принужденія, не нарушая однако важнѣйшей добродѣтели своего пола, скромности; разговоръ ихъ отмѣнно пріятенъ; начавъ его, желаешь чтобы онъ продолжался какъ можно болѣе.

Встрѣчаются пригожія, даже образованныя женщины и въ состояніи служанокъ и между крестьянками; всѣ онѣ очень стройны, здоровы; свѣжесть лица ихъ привлекательна; жаль только, что имѣютъ руки и ноги нѣсколько грубыя. Не вѣрю обвиненію въ лѣности и безпечности, которымъ обижаютъ Датчанъ: поля ихъ обработаны прекрасно; опрятные домы и довольно обширные сады поселянъ показываютъ трудолюбіе. Публичныхъ увеселеній для знатныхъ людей весьма немного, а въ теперешнее время года и совсѣмъ нѣтъ. Дворъ оставилъ городъ, театръ закрытъ, богатые люди разъѣхались по деревнямъ, а въ окрестностяхъ Копенгагена хорошихъ трактировъ очень мало Но простые люди имѣютъ гораздо болѣе случаевъ забавляться. Мнѣ удалось видѣть одинъ изъ народныхъ праздниковъ, достойный особеннаго вниманія. Онъ начинается процессіею къ Святому источнику, орошающему звѣринецъ, который цѣлыя три недѣли служитъ сборнымъ мѣстомъ веселящемуся народу. Богатыя и чиновныя

люди съѣзжаются сюда любоваться на многочисленное, разнообразное собраніе. Обширная площадь звѣринца усѣяна множествомъ разноцвѣтныхъ палатокъ, гдѣ продаются напитки и кушанья. Здѣсь видите лубошные сараи, въ которыхъ отличаются своимъ искуствомъ волтижеры и прыгуны; тамъ показываютъ великановъ, карликовъ и уродовъ; тамъ карусель на деревянныхъ коняхъ, лодкахъ, одноколкахъ; въ другомъ мѣстѣ райки, Рускія качели, кукольная комедія и тому подобное; но самое привлекательное зрѣлище представляетъ разнообразная толпа веселыхъ людей и смѣсь національныхъ костюмовъ, собранныхъ въ одно мѣсто изъ всѣхъ провинцій Даніи; страннѣе другихъ одѣваются крестьяне и крестьянки острова Амака, походящія нарядомъ своимъ на нашихъ оперныхъ фурій. Удивительно, что при такомъ многолюдномъ стеченіи народа не было примѣтно ни малѣйшаго неустройства и не случилось ни одной ссоры; всякой хотѣлъ забавляться, не мѣшая веселости и другихъ.

Можно сказать вообще, что благоденствіе Дацкаго Королевства и довольство его обитателей проистекаютъ изъ духа правленія. Здѣсь состоянія смѣшаны также мало, какъ и въ другихъ земляхъ; но просто-

людимъ объ этомъ и не думаетъ: онъ не желаетъ имѣть короткаго сношенія съ знатными или богатыми, требуетъ отъ нихъ нѣкотораго справедливаго уваженія и еще болѣе защиты; для него нужна та личная безопасность, которою пользуются и богачи и знатные. Таково положеніе вещей въ Даніи! Правительство и Министры доказываютъ ежедневно, что благо отечества для нихъ всего драгоцѣннѣе. Всѣ знаютъ, съ какою неусыпностію они трудятся, какъ маловажны ихъ доходы, въ отношеніи къ отправляемой ими должности, и народъ видитъ въ нихъ своихъ благотворителей, жертвующихъ его щастію личными выгодами, не лихоимцевъ, которые думаютъ только о собственномъ обогащеніи; купецъ признается, что онъ ни въ какомъ Государствѣ не могъ бы отправлять своего торга такъ свободно, и быть столь безопаснымъ отъ пагубныхъ, всегда неожиданныхъ запрещеній, которыя такъ часто уничтожаютъ его разсчеты: земледѣлецъ почитаетъ себя истинно щастливымъ, наслаждаясь спокойно плодами трудовъ своихъ; вездѣ открыты способы пропитанія простолюдиму: здѣсь всякая отрасль промышленности, въ иныхъ землахъ ограниченной и стѣсненной, можетъ быть обработана безпрепятственно Въ то время, какъ многіе богатѣйшіе куп-

цы въ Европѣ объявили себя банкротами, и самые знатные торговые домы въ Копенгагенѣ приведены были въ великое замѣшательство; но дѣятельные способы Правительства спасли ихъ отъ совершеннаго разоренія. Въ нѣсколько дней составился Комитетъ для изготовленія облигацій; Правительство подтвердило ихъ, а по нѣкоторой части дало свое поручительство. Облигаціи получили полное достоинство; Комитетъ роздалъ ихъ купцамъ, имѣвшимъ нужду въ деньгахъ, взявши у нихъ подъ закладъ товары; всякой принималъ сіи бумаги охотно, потому что онѣ приносили три съ половиною процента прибыли. Купечество избавлено отъ разоренія, и теперь самыя облигаціи всѣ до одной уже выкуплены. Весьма естественно, что такое Правительство должно быть любимо. Фридрихъ III былъ признанъ неограниченнымъ Монархомъ; его преемники получили въ наслѣдство самовластіе: но можно подумать, что это сдѣлано единственно для того, чтобъ Дацкіе Короли могли безъ всякаго препятствія дѣйствовать для блага своихъ народовъ.

Количество бумажныхъ денегъ въ Даніи чрезвычайно; удивительнѣе то, что ихъ кредитъ ни мало не падаетъ, хотя эти деньги ни чѣмъ не обезпечены — новое

доказательство довѣренности народа къ Правительству; новое доказательство, что благоденствїе нацїи, основанное на благоразумной системѣ неутралитета, возвышается безпрестанно .... да сохранитъ ее Небо отъ бѣдственной необходимости нарушить сїю полезную систему! — На содержанїе флота и на торговлю опредѣлена большая сумма, за то на фабрики очень малая; но земледѣлїе процвѣтаетъ, и вы нигдѣ почти не увидите жалкихъ поденьщиковъ, теряющихъ для продолженїя бѣдственной жизни здоровье и силу за мануфактурными работами, а въ случаѣ упраздненїя фабрикъ, принужденныхъ умирать голодною смертїю. Не буду опровергать той полезной системы, которая споспѣшествуетъ рукодѣлїямъ и возвышаетъ благоденствїе Государственное, доставляя средство замѣнять огромныя суммы, безпрестанно выходящїя за границу на многїя важныя, или сдѣлавшїяся важными потребности — но я не могу одобрить чрезмѣрнаго размноженїя мануфактуръ и фабрикъ, которыя не соствѣтствуютъ обстоятельствамъ мѣстнымъ, и которыхъ издѣлїя, въ сравненїи съ иностранными, и дороги и худы. По моему мнѣнїю гораздо полезнѣе употреблять поглощаемые ими к питалы на другїе промыслы, имянно на приведенїе къ большему совершенству зем-

лепашества, или на обработываніе произведеній собственныхъ. Въ Копенгагенѣ очень много сахарныхъ заводовъ, довольно и пушечныхъ литейныхъ; въ Зеландѣ и Фіоніи находится изрядное количество бумажныхъ, суконныхъ и другихъ мануфактуръ; фарфоровая фабрика въ Копенгагенѣ прекрасна, хотя не изъ лучшихъ въ Европѣ, и ея произведенія довольно дороги.

Королевская библіотека въ Копенгагенѣ почитается одною изъ самыхъ огромныхъ; она заключаетъ въ себѣ великое множество рукописей, которыя отмѣнно хорошо сбережены; между ими надобно замѣтить *Эдду*, писанную въ двенадцатомъ столѣтіи. Я видѣлъ богатое изданіе Горація и Виргилія, но не видалъ Тита-Ливія, о которомъ говоритъ Катто въ своемъ Путешествіи въ Данію; за то показывали мнѣ Арабскіе манускрипты (я не могу судить о нихъ, не зная сего языка), Пиронезія, Гамильтона, Флорентинской Музеумъ, Рафаелевы ложи, полное собраніе живописныхъ Путешествій, Шекспира in folio, съ картинами, превосходное Бодоніево изданіе классическихъ Писателей, Саллюстія, изданнаго Испанскимъ Принцомъ Габріэлемъ, и множество другихъ книгъ, напечатанныхъ со всею типографическою роскошью. Еще замѣтилъ я прекрасное

изданіе Грамоновыхъ записокъ in quarto, съ картинами удивительной гравировки. Всѣми находящимися въ этой библіотекѣ книгами можно пользоваться въ назначенной для чтенія комнатѣ, и сверхъ того позволено брать ихъ на домъ. Правительство не щадитъ издержекъ на ихъ пріумноженіе. Недавно куплены имъ библіотеки Графа Тотта и Гна. Сума; сверхъ того на покупку новыхъ отборныхъ книгъ ежегодно выдается большая сумма.

Королевскій минеральный кабинетъ также весьма любопытенъ. Въ немъ есть серебряныя штуфы изъ Конгсберга, что въ Норвегіи, удивительной величины и красоты необыкновенной; прекрасныя кристаллизаціи — сѣрныя и самороднаго серебра; ставролиты, якинеы, хризолиты, турмалины и рѣдкіе зеолиты, между которыми одинъ, кристаллизованный волосообразно, приводитъ въ удивленіе своею огромностію и красотою. Теперь намѣрены учредить настоящій національный Музеумъ — желательно, чтобы это исполнилось: множество прекрасныхъ вещей, по недостатку мѣста, спрятаны въ кладовыхъ и ящикахъ. Я видѣлъ и кабинетъ раковинъ, но только мимоходомъ, будучи совершенно несвѣдущимъ по этой части. Кунсткамера и собраніе картинъ

показались мнѣ маловажными; но я, не будучи знатокомъ, легко могу ошибиться.

Весь островъ Зеландъ, т. е. отъ Копенгагена до Корсёра, лежащаго на мысу большаго Бельта, проѣхалъ я въ 14 часовъ, изъ которыхъ два употребилъ еще на обозрѣнїе въ Роескильдѣ Соборной церкви и находящихся въ ней Королевскихъ гробницъ: многїя изъ нихъ великолѣпны; но запахъ, чувствуемый въ церкви отъ множества погребенныхъ тѣлъ, несносенъ. Большое количество Княжескихъ гробовъ, окруженныхъ желѣзными рѣшотками, выставлены на солнце; и я не понимаю, какъ могутъ богомольщики сносить такой заразительный воздухъ; однако не слышно, чтобъ въ Роескильдѣ умирало людей болѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ. Городъ весьма древенъ; нѣкогда былъ онъ красивъ и многолюденъ; но и теперь еще, подобно другимъ Дацкимъ городамъ, и чистъ и привлекателенъ. — Почтовое учрежденїе въ Данїи понравится всякому. Станцїонные смотрители весьма услужливы; постильоны опрятны и негрубы. Здѣсь заботятся не только о томъ, чтобы проѣзжїй платилъ исправно прогоны, но вмѣстѣ и о томъ, чтобы нигдѣ онъ не былъ задержанъ, получалъ лошадей въ назначенное время и не встрѣчалъ никакихъ непрїятностей. Всякой постильонъ, при-

везши путешественника на станцїю, получаетъ отъ него свидѣтельство, что онъ хорошо исполнилъ свою должность и везъ его исправно: этотъ законъ наблюдается такъ строго, что постильоны хлопочутъ болѣе о своихъ свидѣтельствахъ, нежели о томъ, чтобы имъ дали нѣсколько денегъ на водку.

Въ Корсёрѣ пробыли мы два дни за противнымъ вѣтромъ. Изъ Корсёра въ Нибургъ, что въ Фїонїи, переѣзжаютъ чрезъ большой Бельтъ (не болѣе 4хъ миль); но время, употребляемое на переѣздъ, различно: иногда потребно только 2 часа, иногда 24, а иногда 48: это зависитъ отъ погоды. Перевозныя суда содержитъ одно Нибургское общество на откупу: у самаго Нибурга стоитъ ихъ 5, въ Корсёрѣ 3 — они въ безпрестанномъ движенїи. На половинѣ пути находится островокъ Шпрегее съ телеграфомъ, черезъ который Фїонїя сообщается съ Зеландомъ. При отъѣздѣ своемъ изъ Корсёра, заказали мы, посредствомъ телеграфа, хорошїй обѣдъ въ Нибургѣ, и велѣли приготовить для себя лошадей на почтѣ.

Съ Нѣмецкаго * *.

VII.

Извѣстія.

Оскорбительный поступокъ Короля Густава съ Посланникомъ Россійскимъ рѣшилъ навсегда судьбу Шведской Финляндіи: она причислена къ Имперіи АЛЕКСАНДРА. Господинъ Алопеусъ арестованъ; никому, кромѣ Лѣкаря, не дозволяютъ имѣть съ нимъ свиданія; отправленный къ нему изъ Петербурга курьеръ задержанъ въ Абовѣ; депеши его отобраны; самый Посольскій архивъ запечатанъ: — такой поступокъ Европейскаго Государя, повелителя просвѣщенной націи, можетъ по справедливевости казаться непостижимымъ. Швеція, вступивъ въ союзъ съ правительствомъ Британскимъ, подражаетъ ему и въ образѣ дѣйствія; но этотъ нещастный союзъ приведетъ ее къ несомнѣнной гибели. Удивляемся ослѣпленію, или, лучше сказать, жестокости нашихъ Министровъ — говоритъ Издатель Англійскаго Журнала The Argus — они увлекаютъ и самихъ союзниковъ своихъ въ открытую ими бездну. Скажутъ: союзъ съ Британніею необходимъ для безопасности Шведской торговли, для выгоднѣйшаго вывоза необработанныхъ произведеній ея климата! Но выгоды сіи, которыя могутъ быть потеряны только на самое корот-

кое время, ничтожны въ сравненіи съ тою опасностію, которая угрожаетъ націи Шведской. Одинъ совершенный невѣжа въ Исторіи будетъ судить о настоящихъ политическихъ отношеніяхъ и способахъ Швеціи по тому состоянію, въ которомъ находилась она при Густавѣ Адольфѣ, или Карлѣ XII. Теперь не имѣетъ она ни прежнихъ связей, ни прежняго могущества, и силы ея сосѣдей получили надъ нею то самое превосходство, которое сама она имѣла нѣкогда надъ ними. Со времени Абовскаго трактата, Швеція существуетъ въ кругу Европейскихъ Монархій по одному только союзу съ Россіею, по одному покрову Франціи, предстательницы спокойства на Сѣверѣ. Послѣдняя война доказала намъ, какъ маловажно могущество Швеціи. Для чегоже Англійскіе Министры вооружаютъ противъ нее соединенныя силы нѣсколькихъ Государей, изъ которыхъ каждый, безъ всякаго содѣйствія своихъ союзниковъ, могъ бы одинъ ее уничтожить? И какую существенную выгоду предвидѣла Швеція, принимая участіе въ войнѣ, ужасной и для нее рѣшительной? Сенъ-Джемскій Кабинетъ обѣщаетъ ей пособія! Не то ли называетъ она существенною выгодою? Намъ говорятъ, что Ганноверскій легіонъ долженъ вступить въ предѣлы Швеціи? Это одна оскорбительная насмѣшка! и

Швецїя, съ помощїю такой Монархїи, которая принуждена въ одно время защищать и восточную и западную Индїи, и Гибралтаръ, и Сицилїю, и Мальту, и сохранить владычество на моряхъ, отразить ли сильнаго непрїятеля, овладѣетъ ли предѣлами Норвегїи? Неосновательная, безразсудная надежда! Пускай покажутъ намъ хотя одного Государя на твердой землѣ Европы, который не пострадалъ бы отъ союза своего съ Англичанами: тогда повѣримъ, что Швецїя имѣла нѣкоторыя благоразумныя причины поднять оружїе противъ соединенныхъ Властей, и что въ продолженїи трехъ мѣсяцевъ сей гибельный союзъ не будетъ совершенно разрушенъ.“ — Вотъ содержанїе наступательнаго и оборонительнаго договора между правительствомъ Англїйскимъ и Шведскою Монархїею: Король Густавъ отдаетъ Англичанамъ Маршстрандъ, который долженъ служить сборнымъ мѣстомъ морской и сухопутной ихъ силы, назначенной дѣйствовать въ Балтїйскомъ морѣ. Англїя съ своей стороны даетъ 16 линейныхъ кораблей, 20 000 человѣкъ войска, къ которому присоединено будетъ еще 15,000 отборныхъ солдатъ, и по 100,000 фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно во все продолженїе войны. Вспомогательная армїя уже готова; главнымъ ея начальни-

комъ назначенъ Генералъ Моръ, или, какъ увѣряютъ другіе, Лордъ Катгартъ; въ Плимутѣ собрано 9000 человѣкъ подъ командою Спенсера и М'Фарлана; перевозныя суда, готовыя къ отплытію съ 22го Февраля, задержаны были по сіе время сильнымъ противнымъ вѣтромъ; также и въ Портсмутъ стоятъ 150 перевозныхъ судовъ; войска и аммуниція въ совершенной готовности — надобно думать, что Зундскій проливъ и Балтійское море будутъ скоро театромъ важныхъ произшествій. — Въ Ландскронѣ собираются Шведскія войска; въ самой пристани приготовлено 18 канонирныхъ судовъ, и по берегамъ Шоніи разставлены солдаты. Зундъ совершенно очищенъ отъ льда, но проѣздъ затруднителенъ; по ночамъ все еще сильно морозитъ. — Французско-Испанскія войска, находившіяся въ сѣверной Германіи, двинулись къ Зеланду подъ предводительствомъ Герцога Понте-Корво, и 40,000 Французовъ переправились чрезъ Бельтъ въ Фіонію. Нѣмецкія газеты увѣдомляютъ о прибытіи Рускихъ комисаровъ въ Копенгагенъ, которые заключили со многими изъ тамошнихъ торговыхъ домовъ контракты о доставленіи провіанта Рускому флоту, ожидаемому при началѣ весны въ Данія. Важные слухи, что въ Шведскомъ правительствѣ произошла перемѣна, что Герцогъ

Карлъ Зюдерманландскій принялъ сторону недовольныхъ, требуютъ еще подтвержденія.

*

Англійскіе корабли продолжаютъ разъѣзжать около береговъ Турціи; весь Архипелагъ, особенно семь острововъ Іонійской Республики, содержатся въ крѣпкой блокадѣ; Англичане перехватываютъ всѣ торговыя, Турецкія и Греческія, суда, которыя, за недостаткомъ людей, нужныхъ для пересылки ихъ въ Англію, принуждены потоплять и съ грузомъ. Не смотря на то, носятся слухи, что Порта намѣрена заключить союзъ съ Британскимъ Правительствомъ. Къ Англійскому Адмиралу, находящемуся въ Архипеллагѣ, посланъ курьеръ съ предложеніемъ возобновить прерванные переговоры; всѣ Азіатскіе и Европейскіе Паши получили приказъ поспѣшно изготовиться къ походу съ своими войсками; будутъ составлены двѣ арміи, каждая изо 150,000 человѣкъ; въ Диванѣ день и ночь занимаются Государственными дѣлами; вся Оттоманская Имперія въ движеніи; вся Турецкая морская сила вооружается. Естьли предложенія Султана не будутъ отвергнуты Кабинетомъ Британскимъ, то Англійскія войска немедленно займутъ Египетъ и полуостровъ Морею. Силь-

ные корпусы Турецкой пѣхоты прошли изъ Анатолїи чрезъ Константинополь и присоединились къ главной армїи Великаго Визиря. Не смотря на то, въ войскѣ происходятъ безпокойства: янычары въ несогласїи съ топгисами (артиллерїйсты Султанской гвардїи), и что еще важнѣе, самъ Великїй Визирь сдѣлался непрїятелемъ Мустафы Байрактара: такой нещастный раздоръ можетъ имѣть самое вредное влїянїе на дѣйствїя Турецкой армїи. Она расположена слѣдующимъ образомъ: Мустафа Байрактаръ командуетъ авангардомъ, состоящимъ изъ 30,000 солдатъ; онъ сильно укрѣпляетъ городъ Журжу, въ которую безпрестанно подвозятъ военную аммуницїю и тяжелую артиллерїю; но гарнизоны въ другихъ пограничныхъ городахъ весьма слабы. Великїй Визирь съ остатками войска своего, состоящаго изъ 6000, занимаетъ зимнїя квартиры близь Адрїанополя; въ Февралѣ мѣсяцѣ присоединился къ нему Кучанзы Али, прежнїй Белградскїй Губернаторъ, командующїй двухтысячнымъ корпусомъ. — Неизвѣстно, удастся ли нынѣшнему Губернатору Боснїи, преждебывшему Великому Визирю, усмирить мятежи, возмущающїе его провинцїю. — По послѣднимъ извѣстїямъ, моровая зараза начинаетъ свирѣпствовать въ Молдавїи.

Наконецъ и священный Римъ во власти Французовъ. Вступленіе ихъ было совсемъ неожиданно для жителей, которые спали еще, когда колонны Міолисовы явились на площадяхъ, и главные городскіе караулы были сняты Французами. Но въ замкѣ Святаго Ангела за нѣсколько дней знали о прибытіи Французскаго корпуса: пожитки Коммендантта и Папское оружіе были вывезены. Маленькому гарнизону приказано немедленно очистить замокъ; онъ выступилъ съ барабаннымъ боемъ, со всѣми военными почестями; позади взводовъ несли дымящіеся котлы: солдаты готовились обѣдать въ ту самую минуту, какъ получили повелѣніе оставить крѣпость; на мѣстѣ Навонно явились Французскіе часовые, и въ Капитоліи поставлено нѣсколько пушекъ. Французы, пользуясь неоспоримымъ и слѣдственно справедливымъ правомъ сильнаго, очищаютъ теперь Виллу Боргезу, самый богатый изъ всѣхъ оставшихся въ Римѣ кабинетовъ рѣдкостей; лучшія вещи уложены уже въ ящики. Многія изъ прекрасныхъ статуй, находившіяся въ саду, сняты съ піедесталей; словомъ, всѣ рѣдкости, которыя нѣкогда привлекали Художника въ Римъ, переселяются теперь въ Парижъ; но щастію, развалины древняго Рима неподвижны: онъ не могутъ

умѣститься въ Музеѣ Наполеона, и вѣчно останутся на берегахъ Тибра величественнымъ предметомъ любопытства и удивленія. Папа готовъ оставить свою резиденцію, а Принцу Боргезе и Сенатору Люціану даны почетные тѣлохранители. — Французы готовятся осаждать Сциллу; они овладѣли уже городомъ Режіо, въ которомъ досталось имъ въ добычу 1200 плѣнниковъ и 42 пушки. — Въ Сициліи множество, недовольныхъ Правительствомъ и Англичанами; 40,000 заговорщиковъ ожидаютъ Французской высадки, чтобы соединиться съ Французами: они надѣются, что Сицилія объявлена будетъ Республикою. — Англійская эскадра, состоящая изъ 8 кораблей, явилась въ Венеціанскомъ заливѣ; три линейныхъ Россійскихъ корабля и четыре фрегата, которые располагались зимовать въ Порто-Ре, вошли въ Тріестскую гавань, и бросили якорь на половинный пушечный выстрѣлъ отъ батарей. Думать надобно, что Англичане въ скоромъ времени сдѣлаютъ на нихъ нападеніе; всѣ купцы, изъ предосторожности, спѣшатъ очистить магазины свои, находящіеся не подалеку отъ берега.

*

Французы наложили на Португалію 100,000,000 франковъ военной контрибу-

цїи; имѣнїя Принца Бразильскаго, Королевы и всѣхъ знатныхъ Португальцевъ, послѣдовавшихъ въ Бразилїю за Регентомъ, конфискованы: церковныя сокровища — золото и серебро — будутъ обращены въ деньги, нужныя для уплаты контрибуцїи; останутся однѣ серебряныя утвари, необходимыя для обыкновеннаго церковнаго служенїя. — Великїй Герцогъ Бергскїй ѣдетъ черезъ Байонну въ Испанїю; самъ Императоръ Наполеонъ скоро за нимъ послѣдуетъ. Корпусы Монсея и Дюпона идутъ къ Мадриту, съ какимъ намѣренїемъ еще неизвѣстно; всѣ инженерные и артиллерїйскїе Офицеры, находившїеся при осадѣ Гайэтты, Штральзунда, Кольберга и Грауденцы, скачутъ туда же на почтовыхъ; главною Императорскою квартирою назначенъ Валладолидъ. Французское войско, находящееся въ Испанїи, можетъ простираться до 80,000, къ которымъ присоединяются новые, идущїе изъ Францїи корпусы. Не льзя рѣшительно сказать, какое ихъ назначенїе; многїе думаютъ, что они, соединившись съ Испанскою армїею, перейдутъ на берега сѣверной Африки, сдѣлаютъ нападенїе на Алжиръ, Тунисъ и Триполь. Въ Тулонѣ, Карѳагенѣ и Кадиксѣ собраны сильные флоты, которые можетъ быть въ сїю минуту уже исполнили что-нибудь важное: глав-

ная цѣль ихъ, истребить на Средиземномъ морѣ владычество Англїи и морскихъ разбойниковъ; но для сего необходимо нужно овладѣть Гибралтаромъ, который вѣроятно будетъ имѣть ту же самую участь, какую имѣла и неприступная Гайэтта.

*

Члены Британскаго Парламента, Король и Министры, показываютъ каждый въ особенности усердное расположенїе къ миру; но Парламентъ ссылается на Министровъ, Министры на Короля, Король на Англїйскую нацїю, и думать надобно, что они совершенно не понимаютъ другъ друга; въ противномъ случаѣ война могла бы давно уже кончиться. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя отчаяваться въ мирѣ. Переговоры между Англїею и Францїею не прекратились; всякїе два дни — такъ пишутъ изъ Парижа — приходитъ въ Кале изъ Дувра переговорное судно, которое возвращается только тогда, когда другое, пришедшее изъ Англїи, занимаетъ его мѣсто. — Контръ-Адмиралы Коттонъ и Отвей смѣнили Сиръ-Сиднея Шмита: онъ уѣхалъ въ Бразилїю. — Англїйскїе крейцеры овладѣли въ Адрїатическомъ морѣ Рускимъ кораблемъ, на которомъ находились Члены прежняго Правительства Іонїйской Республики; пассажиры и корабельные служители от-

правлены въ Мальту. — Адмиралъ Дуквортъ преслѣдуетъ Рошефортскую эскадру.

*

13 Марта кончилъ жизнь Датскій Король Христіанъ VII, пятидесяти-девяти лѣтъ отъ рожденія. Наслѣдникъ его, бывшій Кронпринцъ, Фридерикъ VI, есть Государь, любезный своему народу.

28 *Марта.*

ОПЕЧАТКА.

No 6, страница 163, строка 13, напечатано: *Марта*, поправить: *Февраля*.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1803.

No 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О скупости.

Милордъ Вортлей Монтегю, бывшій Посланникомъ въ Константинополѣ, человѣкъ умный, съ талантами и свѣденіями, умножилъ свое богатство разсчетливою бережливостію, которая наконецъ обратилась въ совершенную скупость.

Онъ имѣлъ во владѣніи обширныя помѣстья, и первая мысль его всегда была сохранить ихъ въ цѣлости для своихъ потомковъ. Сынъ его, великій чудакъ, которой въ молодости бѣжалъ изъ Университета для того, чтобъ сдѣлаться — трубочистомъ, а въ совершенныхъ лѣтахъ, оставя отечество, надѣлъ чалму и записался въ Магометане, превзошелъ разточительностію своею скупость отца, и

нажилъ болѣе ста тысячь фунтовъ стерлинговъ долгу. Милордъ, опасаясь, чтобъ всѣ прекрасные планы его, вразсужденіи цѣлости земель, не были уничтожены, лишилъ безразсуднаго сына своего наслѣдства, хотя любилъ его очень нѣжно.

Скупость его была нѣкоторымъ образомъ приведена въ политическую систему. Онъ только тогда принималъ живое участіе въ дѣлахъ государственныхъ, когда имѣлъ надежду увеличить доброту и цѣну своихъ владѣній; будучи Парламентскимъ Членомъ, онъ требовалъ настоятельно учрежденія національной милиціи, которая казалась ему силою благодѣтельною, необходимою для сбереженія помѣщичьихъ земель отъ хищничества и незапнаго нападенія непріятелей.

Его духовная представляетъ намъ съ этой стороны превосходный образецъ тонкости. Лишивъ наслѣдства сына, укрѣпляетъ онъ всѣ принадлежавшія ему помѣстья Графинѣ Бютъ, своей дочери, но съ тѣмъ, чтобы онѣ достались не старшему, а среднему ея сыну. Какоежь имѣлъ онъ намѣреніе? Хотѣлъ, чтобы наслѣдники его, Милордъ и Милади Бютъ, принуждены были, для приведенія въ равновѣсіе фортуны старшаго сына своего съ фортуною младшаго, откладывать нѣко-

торую часть изъ годоваго дохода, и слѣдовательно могли бы привести въ лучшее состоянїе свои помѣстья. — Извѣстно, что онъ не могъ смотрѣть прямо въ глаза тому изъ сыновей Милорда Бюта, котораго назначалъ по себѣ наслѣдникомъ.

Сколько размышленїй представляютъ уму сїи тонкїе разсчеты безразсудной страсти! На примѣръ, чрезмѣрное безпокойство, какого-нибудь Гарпагона объ участи своихъ помѣстьевъ, въ то время, когда и памяти его не останется въ потомствѣ, не объясняетъ ли въ нашихъ глазахъ чрезмѣрной привязанности къ славѣ, которая сама по себѣ есть чувство, болѣ естественное? Кто не уважаетъ человѣческаго мнѣнїя? И удовольствїя, доставляемыя намъ воображенїемъ, ужели менѣе существенны тѣхъ удовольствїй, которыя доставляютъ намъ чувства? Потомки и люди, отдѣленные отъ насъ большимъ пространствомъ — одно и то же: хорошее мнѣнїе тѣхъ и другихъ должно имѣть въ глазахъ нашихъ одинакую цѣну.

Тѣмъ моралистамъ, которые почитаютъ пружиною всѣхъ нашихъ дѣйствїй какую-нибудь пользу, близкую или отдаленную, совсѣмъ неизвѣстно человѣчес-

кое сердце. Не будучи намѣрены разрѣшать сей трудной задачи, мы ограничимъ себя однимъ феноменомъ скупости. Желаніе имѣть нѣкоторыя преимущества въ жизни, произвело въ насъ привязанность къ деньгамъ; послѣ мы полюбили деньги единственно для того, что онѣ — деньги; наконецъ для сбереженія денегъ начали отказывать себѣ въ тѣхъ самыхъ наслажденіяхъ, которыя однѣ придаютъ имъ въ глазахъ нашихъ истинную цѣну. Первый охотникъ искалъ дичины; теперь охотникъ любитъ одну охоту и совсѣмъ не заботится о дичинѣ.

Скупость, по моему мнѣнію, совсѣмъ неестественна дикому: она, какъ и другія страсти, произведена общежитіемъ, неразлучна съ заботами о будущемъ, которыхъ не знаетъ дикарь: онъ ищетъ однѣхъ наслажденій настоящихъ; забутылку вина продаетъ свою постель, не думая о томъ, что она понадобится ему завтра.

Вотъ любопытная черта скупости: Милордъ Бютъ, великій скупецъ, будучи на одрѣ смерти, велѣлъ позвать къ себѣ Генерала Пюльтнея, своего брата, истиннаго Гарпагона; подалъ ему ключи отъ своихъ сундуковъ, и началъ вычислять передъ нимъ свои сокровища. Не мо-

жешь ли ты — сказалъ ему Генералъ — отдать своихъ ключей и сундуковъ кому-нибудь другому? Я старъ, болѣнъ и не имѣю нужды въ твоемъ богатствѣ. — „Я старѣе тебя — отвѣчалъ Милордъ — болѣнъ при смерти, и еще менѣе имѣю нужды въ богатствѣ.“

Эта страсть весьма разнообразна въ своихъ причинахъ и дѣйствіяхъ. Есть много скупыхъ по привычкѣ, а не по страсти: они собираютъ червонцы, какъ всѣ любители древностей медали. Случай или капризъ вселилъ имъ въ голову эту охоту; навыкъ сдѣлалъ ее пріятною; наконецъ она обратилась въ *важнѣйшее дѣло* жизни.

По словамъ Дюкло — *скупость, изъ всѣхъ страстей самая низкая, не есть еще самая нещастная.* Многіе утверждаютъ тоже; но это мнѣніе противно опыту всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Латинское слово *miser* (жалкій) означало у Римлянъ скупаго; оно сохранилось у Англичанъ и отвѣчаетъ Италіанскому *misero.*

Бѣдный — говоритъ Сенека — *терпитъ недостатокъ во многомъ, скупецъ во всемъ.* Будучи безполезенъ для другихъ и въ тягость самому себѣ, онъ можетъ

сдѣлать одно только доброе дѣло — умереть! Скупецъ, говоритъ Шаронъ, нещастнѣе нищаго, такъ точно, какъ ревнивый мужъ нещастнѣе — рогоносца. По словамъ Квеведо, скупецъ есть человѣкъ, знающій, въ которомъ мѣстѣ зарыто сокровище.

Скупецъ, подобно набожному, можетъ находить въ своихъ пожертвованіяхъ нѣкоторое удовольствіе; но ему, какъ и всѣмъ, должно быть непріятно сидѣть въ непопленной комнатѣ зимою, или отказывать себѣ въ бульонѣ, когда онъ болѣнъ; скупой охотно согласился бы имѣть и теплую комнату, и здоровую пищу, и хорошее платье, когда бы они — не стоили денегъ.

Что такое скупость? Произвольная нищета, соединенная съ заботами и презрѣніемъ.

Всякая страсть, неразлучная съ робостію, низка и нещастна; а скупость еще отвратительнѣе: она умерщвляетъ въ насъ самыя благородныя и человѣколюбивыя склонности.

Хотите ли назначить ту степень, которую скупость должна занимать между другими пороками? Она единственный порокъ, несовмѣстный съ вели-

костїю, благотворительностїю, великодушїемъ, человѣколюбїемъ, довѣренностїю и откровенностїю, съ прямою любовїю и прямою дружбою, съ нѣжностїю родительскою и привязанностїю сыновнею. Какая же добродѣтель останется для скупаго; какое щастїе для человѣка, неспособнаго имѣть ни одной добродѣтели?

Были знаменитые злодѣи; но я не знаю, бывалъ ли хотя одинъ скупецъ человѣкомъ знаменитымъ — это мнѣнїе Госпожи Ламберъ опровергается примѣромъ Марльборуга, привязаннаго къ славѣ, но еще болѣе привязаннаго къ богатству. Сей *знаменитый* Полководецъ не стыдился никакой низости для удовлетворенїя презрѣнной своей страсти. Одинъ человѣкъ, имѣя нужду въ покровительствѣ Марльборуга для полученїя нѣкотораго прибыльнаго мѣста, осмѣлился ему сказать: Милордъ, вотъ тысяча гиней, которыя оставляю на ваше расположенїе; съ своей стороны обѣщаюсь быть скромнымъ. „Дай двѣ тысячи — отвѣчалъ Герцогъ — и позволяю тебѣ разсказывать объ этомъ кому угодно.“

Наканунѣ Гохштетской побѣды, Принцъ Евгенїй пришелъ къ нему въ палатку и цѣлый вечеръ разсуждалъ съ нимъ о планѣ сраженїя. По выходѣ Принца

Марльборугъ кликнулъ своего камердинера и сдѣлалъ ему жестокой выговоръ за то, что онъ зажегъ четыре свѣчи, когда довольно было и двухъ.

Скупость Марльборуга вошла въ пословицу. Лордъ Петерборугъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ великодушныхъ людей на свѣтѣ, встрѣтился на улицѣ съ нищимъ, который, прося у него подаянія, называлъ его Милордомъ Марльборугомъ. — „А Марльборугъ? Въ доказательство, что ты ошибся, даю тебѣ гинею.“

Вотъ другая странность: я зналъ въ своей молодости человѣка, въ которомъ скупость соединена была со всѣми общественными и семейственными добродѣтелями. Онъ былъ хорошій господинъ, супругъ, отецъ и даже хорошій другъ; находясь при должности, исполнялъ ее благоразумно и съ самою строгою справедливостію; будучи бережливъ въ самыхъ мѣлочахъ относительно къ самому себѣ, любилъ, чтобы жена его одѣвалась прилично своему состоянію; не жалѣлъ ничего необходимаго для образованія своихъ дѣтей — сына и дочери — но въ этомъ *необходимомъ* соблюдалъ самую вѣрную опредѣленность и точность. Въ тридцать лѣтъ не прибавилъ онъ ни копѣйки къ той суммѣ, которую обязаны были ему платить

откупщики за наемъ принадлежавшей ему земли, хотя всѣ цѣны земель удвоились въ теченіи этого времени; но требовалъ, чтобы они приносили ему плату въ назначенный день и часъ, и въ случаѣ неустойки отнималъ у нихъ безъ всякой милости аренду.

Онъ охотно давалъ въ займы деньги, естьли должникъ былъ вѣренъ, и никогда не соглашался брать болѣе четырехъ процентовъ, не смотря на то, что закономъ назначено было пять. Естьли капиталъ мой не пропадетъ, говорилъ онъ, то я доволенъ и четырью; земля приноситъ мнѣ гораздо менѣе доходу.

Одному изъ короткихъ его друзей, не очень разсчетливому въ дѣлахъ своихъ человѣку, понадобилось на самую крайнюю нужду 6000 ливровъ; онъ приходитъ къ своему другу и проситъ денегъ. *Я знаю твою расточительность* — отвѣчаетъ скупой — *и совѣсть будетъ меня мучить, если отдамъ тебѣ деньги, приготовленныя на приданое моей дочери.* — Вотъ брилліантовая нитка, говоритъ ему другъ, жена позволила мнѣ ее заложить; но ростовщикъ, у котораго я просилъ денегъ, хочетъ, чтобы я платилъ по одному съ половиною процентовъ въ мѣсяцъ — это

ужасно! — *Оставь у меня свои бриллiанты*, сказалъ скупой, *и возми* 6000 *ливровъ безъ процентовъ. Теперь не могу опасаться, чтобъ мои деньги пропали; и такъ какъ эта сумма лежала бы у меня въ сундукѣ безъ всякаго употребленiя, то было бы несправедливо думать о выгодѣ, когда могу услужить своему другу безъ всякаго для себя наклада.*

Я зналъ одного банкира, богача, пышнаго и чрезмѣрно скупаго; онъ обыкновенно ходилъ въ шитомъ кафтанѣ; на каждомъ пальцѣ имѣлъ по три перстня, и — по вечерамъ горѣли у него сальные огарки. Одинъ разъ въ годъ давалъ онъ великолѣпный пиръ своимъ знакомымъ, и въ остальное время — довольствовался двумя блюдами, очень дурно изготовленными. Онъ имѣлъ правиломъ не проживать болѣе половины годоваго дохода; но естьли случалось, что мѣсячныя издержки его, по какой-нибудь прихоти, превосходили назначенную сумму, обращался онъ съ своею шкатулкою какъ съ Жидомъ, отдавалъ ей подъ закладъ перстень, золотую табакерку и тому подобное; занималъ у самаго себя нужныя деньги по десяти процентовъ на сто, и въ назначенный срокъ вносилъ непремѣнно и капиталъ и проценты.

Графъ Плело, молодой человѣкъ, отмѣнно любезный и умный, проигравъ большую сумму денегъ на честное слово, принужденъ былъ прибѣгнуть къ своему дядѣ, который, не смотря на свою чрезмѣрную скупость, любилъ его очень нѣжно. Тронутый отчаяніемъ своего племянника, скупецъ согласился ему помочь. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ молодой Графъ приноситъ деньги. Дядя разсердился. Безразсудный! сказалъ онъ, зачѣмъ напоминаешь мнѣ о моей глупости? Я позабылъ объ ней! Естьли опять отважишься сказать мнѣ хотя одно слово объ этихъ деньгахъ, то мы разстанемся на вѣки. Надобно признаться, что это совсѣмъ необыкновенная черта скупости.

Какое выведемъ слѣдствіе изъ сихъ замѣчаній, по видимому несогласныхъ, одно другое опровергающихъ? Не то ли, что свойство человѣческаго сердца есть гибкость; что нѣтъ ни одного чувства, которое не могло бы въ немъ имѣть мѣста и быть въ согласіи съ другими, самыми разнородными и ему противными?

Сюаръ.

II.

Къ Нинѣ.

(Съ Англійскаго)

О Нина, о мой другъ! ужель безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашенная ни златомъ, ни парчою,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла,
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

*

Ужель, направя путь въ далекую долину,
Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
Готова ль перенесть убожества судьбину,
Зимы жестокій хладъ, палящій лѣта зной?
О ты, рожденная быть прелестью Природы!
Ужель, затворница въ весенни жизни годы,
Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

*

Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ мнѣ вѣрная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго супруга
Усмѣшкою любви придешь ли оживить?

Ужель, во глубинѣ души тая страданья,
О Нина! въ страшную минуту испытанья,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

*

Въ послѣднее любви и радостей мгновенье,
Когда мою Нину взоръ уже не различитъ,
Утѣшитъ ли меня твое благословенье,
И смертную мою постелю усладитъ?
Придешь ли украшать мой тихій гробъ цвѣтами?
Ужель, простертая на прахъ мой со слезами,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?

Ж.

III.

СТИХИ,

сочиненные для Альбома М. В. П.

Давно унизился Поэзіи кредитъ!
И свѣтъ, безсмысленный правдивыхъ Музъ ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
Поэтъ и хитрый лжецъ и ложный предсказатель!

Филлида, свѣтъ — Софистъ! слова его —
обманъ!
Дерзаю оправдать Поэта важный санъ!

Когда, нельстивыми, свободными стихами,
Скажу: что милой быть имѣешь рѣдкой даръ;
Что Грацій нѣжными украшена цвѣтами;
Что блескъ твоихъ очей есть чувства тай-
ный жаръ;
Что взглядъ твой — милыя души изобра-
женье;
Что ты не хитростью плѣняешь — про-
стотой;
Что непритворное *немногихъ* удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ *толпой*;
Что искренней любви ты знаешь постоянство;
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,
Лишь непорочности наружное убранство;
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ;
Что въ танцахъ ты — зефиръ, весельемъ
окриленный;
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣ-
вецъ —
Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: *онъ Поэтъ*! И такъ —
Поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою,
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:

„Достойной щастья быть — твое опредѣленье,
„И розы для тебя безъ терна разцвѣтутъ!
„Филинда, не страшись Сатурнова стремленья:
„Пріятностей души лѣта не унесутъ!
„Краса своей семьи, любимая друзьями,
„Въ нихъ щастье ты найдешь, ихъ щастьемъ наградишь!
„Ты состраданія всесильными слезами
„Съ противною судьбой страдальца примиришь!
„Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
„И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
„Приходъ твой съ имянемъ Творца благословится!
„Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
„И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
„Когда душа полна лишь скорбію одной,
„Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
„Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой,
„И жизнь благословишь какъ милость Провидѣнья,
„Гдѣ все вело къ добру — и радость и тоска;
„Гдѣ все Творцемъ любви дано для наслажденья...
„И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
„И меланхолией задумливой хранимый,
„(Какъ розы ароматъ, когда ужь розы нѣтъ,

„Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый) —
„Для нихъ не отцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!“ . . .
Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: *Поэтъ, ты ложный предсказатель!*

Ж.

IV.

Госпожа Коттень.

(*Сочинительница Мальвины.*)

Совершенное невниманіе къ самой себѣ есть отличительная черта въ характерѣ Госпожи Коттень. Она почитала невозможнымъ — въ одно время и нѣжно любить друзей своихъ, и слишкомъ заниматься собою; цѣлая жизнь ея посвящена была щастію ближнихъ; можно сказать, что будучи совершенно благотворительна, она боялась благодарности: право награждать добродѣтель, говорила она, принадлежитъ единому Богу.

Такое рѣдкое безкорыстіе производило въ ней какую-то милую, привлекательную тихость; должности казались ей удовольствіемъ; она была добродушна,

уступчива, снисходительна въ обращенiи, непримѣтна во многолюдномъ обществѣ, мила въ кругу своего семейства, гдѣ всѣ умѣли цѣнить ея достоинства, гдѣ всѣ ее обожали; въ сердцѣ своемъ находила она однѣ прiятныя, нѣжныя чувства; ненависть и мщенiе были для него чужды!

Ни что не могло измѣнить ея совершеннаго добродушiя. Въ минуту жестокой тѣлесной боли, оно оживляло взоры ея выраженiемъ благодарности: какъ щастлива я, говорила она, что имѣю друзей, которые такъ нѣжно обо мнѣ пекутся! Покорность ея къ волѣ Промысла была непритворна, безъ всякаго усилiя, и такъ же непринужденна, какъ всѣ ея добродѣтели!

Она очень мало требовала отъ другихъ, и въ обращенiи съ людьми ограниченнаго ума старалась скрывать свое превосходство, не замѣчала его; а если и замѣчала, то всякой разъ съ неудовольствiемъ. Она не любила выказывать своихъ талантовъ; многiе, не будучи съ нею знакомы, боялись ея славы; но познакомясь забывали о дарованiяхъ Писательницы, которой прежде такъ удивлялись, и видѣли одну привлекательную, чувствительную жен-

щину, которую съ первой минуты полюбишь, отъ всего сердца, и навсегда. Вообще говорила она очень мало, рѣдко вслушивалась въ разговоры; казалась задумчивою; была съ собою, когда не могла быть съ другими: но въ обществѣ короткихъ друзей, когда разговоръ становился для нее занимателенъ, она оживлялась, говорила съ жаромъ, и ея выраженія запечатлѣны были тою истинною чувствительностію, тѣмъ милымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ, которыя такъ сильно трогаютъ насъ во всѣхъ ея сочиненіяхъ.

Она имѣла самую чистую набожность, любила Религію съ горячностію нѣжной, невинной души; небеса почитала отечествомъ, Бога своимъ Отцемъ; Вѣра была для нее необходимостію; въ Спасителѣ своемъ находила она прибѣжище, наставника, благотворителя. Имѣя искреннюю привязанность къ достойному проповѣднику Местрезату, она чрезвычайно поражена была его смертію и, какъ будто предчувствуя, что скоро за нимъ послѣдуетъ, желала, чтобы ее положили близъ самаго того мѣста, на которомъ покоются остатки ея друга! Сіи добродѣтельные друзья оставили по себѣ сладостныя, драгоцѣнныя воспоминанія; надежда на

щастливую вѣчность подкрѣпляла ихъ въ послѣднюю минуту жизни; и конечно для того, кто съ мирнымъ спокойствіемъ непорочности взираетъ на прошедшее, кого не ужасаетъ таинственность будущаго, сей переходъ не можетъ казаться труденъ; горесть и слезы должны быть удѣломъ оставленныхъ, плачущихъ надъ гробомъ, и съ нетерпѣніемъ ожидающихъ конца разлуки.

Съ Французскаго А. . . . . .

V.

Олинтъ и Софронія.

(Эпизодъ изъ Тасса)

Стан: XIII — LIV.

(Похищеніе иконы, отъ которой зависѣла безопасность града, приписано Христіянамъ. Разсѣванный Султанъ повелѣваетъ казнить ихъ всѣхъ смертію.)

Иреръ — и страшный слухъ, какъ вихрь передъ грозою,
Священный градъ покрылъ отчаянія тьмою;
Уныньe блѣдное въ селеньяхъ вѣрныхъ чадъ;
Несытый мщенья духъ, одѣянный въ булатъ,

Изъ ада излетѣвъ, считалъ въ восторгѣ жертвы!
Нещастные, безъ силъ, уже до смерти мертвы,
Не смѣли правый гласъ съ мольбою возвести . . . .
Но Богъ подвигнулся, людей своихъ спасти!

Въ семъ племени цвѣла красавица младая.
Величество души, невинность, чада рая.
Казалось, въ прелести облекшися, пришли
Подъ именемъ ея явиться на земли.
Въ блаженной тишинѣ отеческаго крова,
Гдѣ чтилась простота прапрадѣдовъ сурова,
Таился нѣжный цвѣтъ, въ веснѣ прекрасныхъ дней,
Отъ свѣта, отъ любви, отъ суетныхъ честей.

Но гдѣ, въ какихъ лѣсахъ, въ какомъ уединеньѣ
Красы не обрѣтутъ хвала и удивленье?
Всесильный духъ любви свой пламенникъ подъялъ,
И юноша узрѣлъ, и страстію пылалъ.
Любовь, слѣпа! . . . ахъ, нѣтъ, ты Аргусъ многоокій!
Съ покровомъ на очахъ, сквозь стѣны, рвы глубоки,
Сквозь тысячи препонъ, ты видишь, и тобой
Олинтъ сталъ плѣнникомъ Софроніи младой.

Любезную чету единый градъ вмѣщаетъ;
И вѣра и законъ, все ихъ соединяетъ.

Какъ дѣва красотой, онъ скромностью плѣнялъ;
Онъ пламенно любилъ, не смѣлъ мечтать — молчалъ.
И какъ открыться ей? — Она его не знала,
Или не видѣла, или не отличала;
Въ семъ мірѣ и любовь — превратностей раба:
Ахъ! съ нею брань ведутъ, адъ, смертные, судьба!

Насталъ ужасный день, гремитъ Царя велѣнье:
Единоплеменныхъ и братій убіенье.
Великодушная, какъ горній смертныхъ другъ,
Она задумалась .... „Не можно ли?“ .... И вдругъ
Блеснула дерзка мысль ..... и вдругъ въ сомнѣнье впала:
„Я дѣва! Какъ могу?“ — Въ ней скромность отвѣчала. . . . .
„Но доблести вѣнецъ!“ .... Слились въ душѣ одной
Стыдливость дѣвственна съ геройской быстротой!

Идетъ красавица, предметъ всѣхъ разговоровъ,
Не кроется она, не ловитъ льстивыхъ взоровъ,
Съ смиренной поступью, себѣ одной вѣрна;
Не видитъ никого, всего отчуждена!
Ни кто не могъ рѣшить: искуство иль небрежность

Составили ея пріятностей любезность;
Невинность, доброта, благія небеса
Въ небрежности ея суть хитрость и краса!

Чему дивятся въ ней, одна того не знаетъ;
Дѣвица гордая къ престолу приступаетъ;
Свирѣпой взоръ Царя въ ней сердца не страшитъ,
Предъ трономъ трепета безтрепетна стоитъ,
„О Царь! рекла, вели, да мечь убійства ярый
„Престанетъ устремлять губительны удары.
„Спѣшу открыть тебѣ, спѣшу отдать въ твой плѣнъ
„Злодѣя, коимъ ты столь много оскорбленъ.“

Блистанье красоты, святой и возвышенной,
Нечаянность, и гласъ отъ Бога вдохновенной,
Сразили варвара. — Онъ гнѣвъ свой укротилъ,
Взиралъ, безмолвствовалъ, и самъ себя забылъ. . . .
Кинь милой взглядъ она, будь сердцемъ онъ не камень,
Сей часъ бы возродилъ въ немъ вѣчной страсти пламень;
Но гордость не гоженъ свирѣпый хладъ крови;
Лишь нѣжны хитрости приманка для любви.

Чтожь чувствовалъ тиранъ? — Глубоко изумленье,
И любопытства страсть, и нѣкое почтенье.

Вѣщай мнѣ все! онъ рекъ; мой вѣстникъ возгласитъ,
Да мечь убійственный жестокость прекратитъ!
Она отвѣтствуетъ: „Виновный предъ тобою!
„Царь! я похитила сей дѣвственной рукою
„Таинственный залогъ. Меня твой ищетъ судъ.
„Пусть казни на меня единую падутъ!“

Такъ, горесть общихъ золъ въ груди скрывая нѣжной,
Одна за всѣхъ грядетъ ко смерти неизбѣжной!
Великодушна ложь! какая правда есть,
Которую тебѣ возможно предпочесть?
Но злобная душа тирана не смягчилась;
Гнѣвъ лютый ожилъ вновь, и ярость возвратилась:
Скажи, вѣщаетъ онъ, кто былъ еще съ тобой?
Кто научилъ тебя нарушить нашъ покой?

„Никто! отвѣтствуетъ; мнѣ слава драгоцѣнна;
Но славѣ нѣтъ цѣны, коль будетъ раздѣльна.
Одна виновница, одна сама съ собой,
Рѣшилась, кончила великій подвигъ свой.“ —
И на тебя одну, рекъ извергъ торопливо,
Падетъ мой гнѣвъ! — „Такъ, Царь! ты судишь справедливо!
„Единой только мнѣ достойно умереть;
„Одна пріяла честь, одна хочу терпѣть!“

Свирѣпый Аладинъ трясется въ изступленьѣ,
Потомъ гласитъ: скажи, гдѣ скрыла похищенье? —
„Я скрыла? . . . Нѣтъ! огню на жертву предала!
Увы! почто свершить я болѣ не могла! . . .
Теперь уже рука злодѣевъ нечестивыхъ
Не осквернитъ тебя, о честь Христолюбивыхъ (*)! . . .
Царь! нужны для тебя, хищенье, или тать?
Одинъ передъ тобой, другаго не видать.“

„Но я не хищница! Что ставятъ мнѣ виною?
Я возвратила то, „что отнято тобою.“ —
Нечистовый тиранъ зубами скрежеталъ;
Весь адъ въ груди его, казалось, бунтовалъ!
Изчезла для тебя пощада и прощенье,
Великая душа, душъ нѣжныхъ украшенье!
И самая любовь, сей щитъ твоихъ красотъ,
Отъ мстительной руки тебѣ ужь не оплотъ!

Уже влекутъ ее — неправедное мщенье
Нещастну предаетъ на лютое сожженье!
Лишенная одеждъ, стоитъ на мѣстѣ мукъ;
Свирѣпо вервіе связуетъ нѣжность рукъ.
Безмолвствуетъ, но духъ геройства ненавѣтенъ;
На дѣвственной груди чуть легкой вздохъ примѣтенъ;

(*) То есть, икона Богородицы.

Угасли прелести, глаза помрачены;
Не блѣдность на лицѣ, но томность бѣлизны.

Уже печальна вѣсть о казни пролетаетъ!
Стекаются.... Олинтъ съ толпами поспѣшаетъ;
Онъ зналъ вину! Но кто на грозну смерть идетъ?
Любовь предчувствуетъ, любовь его влечетъ!
Притекъ, и чтожь узрѣлъ? На мѣстѣ лютой казни
Прекрасна узница готова безъ боязни
Божественной любви вкусить ужасный плодъ!
Узрѣлъ — и ринулся стремительно въ народъ.

Уже передъ Царемъ — „Неправда, невозможно!
„Ей хищницею? Нѣтъ! безуміе ничтожно!...
„Какъ! дѣвѣ? и одной, съ неопытнымъ умомъ?
„И мыслить страшно ей о подвигѣ такомъ!
„Пусть скажетъ, какъ прошла стражей ряды свирѣпы,
„Отверзла храма дверь, разрушила заклепы?
„Пускай похвалится.... Царь! я тотъ хищникъ! я!
„Что сильныхъ сонмъ не могъ, взяла рука моя!

„Такъ! мнѣ единому былъ путь извѣстенъ скрытной;
„Въ ночную темноту, стезею неиспытной,

„Въ подзоръ, отколѣ храмъ пріемлетъ солнца свѣтъ,
„Вошелъ, и совершилъ великій свой обѣтъ.
„Мнѣ честь, мнѣ смерть сія прилично воздаянье;
„Кто смѣетъ похищать такое достоянье?
„Отдайте цѣпи мнѣ, меня сей пламень ждетъ,
„Пылаетъ для меня, со мной однимъ умретъ!“

И се Софронія, склоняя взоръ смиренной,
Вѣщаетъ юношѣ, какъ духъ небесъ блаженной:
„Нещастный! что творишь? куда влечетъ тебя
„Неистовая страсть? Бѣги, спасай себя!
„Или ты думаешь, что дѣвѣ невозможно
„Одной пренебрегать тирана гнѣвъ ничтожной?
„И я имѣю духъ! и мнѣ не страшна смерть!
„Я также не хочу участника терпѣть!“

Рекла — но тщетно все — не видитъ и не слышитъ —
Рѣшительный герой единой смертью дышетъ!
Прелестно зрѣлище, гдѣ держутъ споръ святой
Нѣжнѣйшая любовь и доблесть межь собой!
Побѣды торжество — позорное мученье!
Утрата торжества — есть жизни наслажденье! . . .
Увы! — тиранъ ни чувствъ, ни Бога не имѣлъ!
Свирѣпый гнѣвъ его сильнѣе воскипѣлъ!

Взоръ свѣтлый праваго — неправыхъ обличенье!
Безтрепетна душа — тирановъ оскорбленье!
„Пусть такъ! мы вѣримъ имъ! пусть оба побѣдятъ!
„И столь завидный лавръ другъ съ другомъ раздѣлятъ!“
Изрекъ — и въ тотъ же мигъ желѣза зазвучали,
Къ единому столпу нещастныхъ приковали,
Стоятъ, обнажены, недвижимы, въ цѣпяхъ!
Другъ друга не видать! едина смерть въ очахъ!

Уже предвѣстникъ злой, вкругъ жертвы дымъ клубился,
Уже свирѣпый огнь подъ вѣтьвями таился;
Олинтъ не въ силахъ былъ рыданій удержать,
Вѣщаетъ узницѣ, готовой съ нимъ страдать:
„Такими ль узами, плѣнившійся тобою,
Мечталъ мою судьбу связать съ твоей судьбою?
И сей ли огнь — удѣлъ нещастливыхъ сердецъ,
Въ которыя вліялъ даръ чувствія Творецъ?

„Другимъ огнемъ, другимъ союзомъ мнѣ повѣщала
Нѣжнѣйшая любовь. Судьба не такъ судила!
Я долго, долго былъ съ тобою разлученъ;
Но смерть сильнѣй любви! союзъ нашъ заключенъ!

Отрада сладкая — дѣлиться мукой злою,
Съ кѣмъ радостью не могъ! Погибнуть вмѣстѣ съ тою,
Съ которой жить не могъ! Я славлю жребій свой;
Теперь стократъ блаженъ! теперь умру съ тобой!

„Такъ! призываю васъ, пятныя мученья,
Мои послѣднія и первы наслажденья!
Ко сердцу милой здѣсь я сердце преклоню,
Я душу всю свою въ уста ея вдохну!
И въ тотъ же самый мигъ, въ безсмертно сочетанье,
Ея послѣднее изчерпаю дыханье!“
Въ рыданьяхъ замеръ гласъ, не могъ онъ продолжать;
Софронія спѣшитъ страдальца утѣшать:

„Мой другъ! въ сей важный часъ забудемъ міръ недужный;
Другой потребенъ плачь, другія слезы нужны!
Пекися о себѣ! Представь, какая тамъ
Награда праведнымъ обѣщана душамъ!
Во имя Божества всѣ муки — наслажденье!
Не бойся! мы найдемъ отрадное селенье!
Воззри на небеса, на свѣтлый солнца видъ: . . .
При нихъ нѣмѣетъ смерть и ужасъ не разитъ!“

Плачевно зрѣлище! невѣрные стенаютъ!
Льютъ слезы вѣрные — но въ страхѣ ихъ скрываютъ!

Самъ Царь узналъ въ себѣ, чего досель не знал;
Въ жестокой сей груди огнь чувства оживалъ.
Ахъ, нѣтъ! онъ борется съ природой, съ небесами!
Воззрѣлъ въ послѣдній разъ, закрылъ лице руками;
Бѣжитъ! все сѣтуетъ! — Всѣхъ горестей вина
Не плачетъ, не вздохнетъ Софронія одна.

Уже данъ знакъ .... но вдругъ вся стража всколебалась;
Возстала черна мгла, и клубомъ приближалась;
Разторглась: всадникъ зримъ! Доспѣхи, щитъ, колчанъ
Являютъ ратника далекихъ, чуждыхъ странъ.
На шлемѣ рыцаря блистаетъ тигръ чудесный;
Несется шопотъ вкругъ .... Сей признак, всѣмъ извѣстный,
Клоринду въ бурѣ битвъ доселѣ отличалъ!
Народъ подвигнулся, какъ въ морѣ грозный валъ.

Се дѣва Марсова — ея геройски длани
Издѣльямъ нѣжныхъ женъ не приносили дани;
Забавы юныхъ дѣвъ, ихъ милы суеты
Казались низкими для гордой красоты!
Врагъ роскоши, забавъ приманчивой отравы,
Невинность избрала обителью дубравы!

Рожденная плѣнять, всѣмъ кажется грозой;
Но силой грозная, опасна красотой.

Она съ младенчества неробкими руками
Смиряла злость коней блестящими браздами;
Ломала копій лѣсъ, любила звукъ мечей,
И въ бѣгѣ и борьбѣ являла духъ мужей.
Но скоро раздались доспѣхи героини
Въ жилищѣ тигровъ, львовъ; средь дикія пустыни;
Оттолѣ потекла на кровопитной бой,
И честь побѣдъ вездѣ водила за собой!

Оставя злачныя Персидскія равнины,
Здѣсь ищетъ рыцарей Танкредовой дружины,
Да имъ покажетъ вновь, что грозная рука,
Погибель Христіанъ, теперь еще крѣпка!
Приближилась, и зритъ народное стеченье;
Вдали готову казнь и зрителей смущенье,
Повсюду страхъ нѣмой, отчаянье въ очахъ;
И богатырскій конь помчался на крылахъ.

Раздвиглися толпы почтеньемъ уклоненныхъ;
Клоринда видитъ двухъ ко смерти осужденныхъ:
Одна спокойная, другаго скорбь томитъ;
Духъ мужества въ очахъ дѣвическихъ блеститъ!
Но юноша сраженъ не собственной судьбою;
Не казнь ему страшна, не жизнь тоски виною!
Другая, въ небеса простерши взоръ святой,
До смерти, кажется, разсталася съ землёй!

Клоринда быстрое вниманье устремляетъ,
И жребій юныхъ жертвъ въ ней душу потрясаетъ;
Но дѣва, сильная отвергнуть смерти страхъ,
Милѣе для нее, чѣмъ юноша въ слезахъ!
„Спасемъ нещастную! погасимъ смерть грозящу!“
Рекла, и преклонясь ко старцу предстоящу,
„Вѣщай мнѣ, кто вашъ Царь? и чей надъ ними судъ?
Какая ихъ вина? какія казни ждутъ?“ . . .

Открыто таинство. Отвѣтъ простой и ясный
Царевнѣ показалъ, что узники нещастны
Суть жертвы доблести и нѣжныя любви.
„Нѣтъ! не умрете вы . . . . . Нѣтъ, дѣва! ты живи!
Ты, юноша, прими въ ней вѣрности награду:
Вамъ Небо шлетъ во мнѣ спасенье и ограду!“ —
Остановляетъ казнь и быстрою стопой
Спѣшитъ передъ Царя съ угрозой и мольбой.

Кто смѣетъ не почтить Востока Героиню (*)?
Царь зрѣлъ въ рукѣ ея грядущихъ битвъ судьбину,

(*) Здѣсь нѣсколько стиховъ пропущено, потому что они не относятся къ исторіи Олинта и Софроніи. *Пер.*

И царства своего подпору въ ней любилъ;
Преодолѣлъ себя, и гнѣвъ свой погасилъ.
„Я много жертвую, но жертва изчезаетъ,
„Онъ рекъ, когда ее Клоринда принимаетъ!
„Честь рыцарей! вели, я долженъ исполнять!
„Послушный другъ тебѣ, не стану разбирать,
„Свершаюль правоту, творю ли снисхожденье!
„Пусть грозный нашъ Пророкъ разсудитъ преступленье;
„Ты хощешь — рѣшено! виновны прощены!“
Вѣщалъ — и узники уже свобождены!

Какъ щастливъ ты, Олинтъ! И смерть неумолима,
И доблесть дивная, средь мукъ неустрашима,
Передъ Софроніей возстали за тебя!
Любовь въ твоей любви прославила себя!
И се позорный срубъ въ олтарь преобразился:
Преступникъ сталъ супругъ, любовникъ наградился;
Народъ отчаянный склонился въ сѣнь отрадъ;
И снова тишина вступила въ смутный градъ. . . .

Мрзлко.

VI.

Двѣ Оды изъ Горація.

1.

Къ Пиррѣ.

Quis multa gracilis te puer in rosa.

Въ пещерѣ, украшенной
Душистыми цвѣтами,
Кто юноша румяный,
Съ кудрявою главою,
О Пирра! принимаетъ
Въ объятія тебя?
По груди снѣжной, бѣлой,
Какъ будто ненарочно,
Власы ты распуская,
Взираешь на него!
О юноша прекрасный!
Восплачешь скоро ты;
Не долго въ сердцѣ будешь
Прелестной Пирры жить.
Увы! наступитъ буря:
Неопытный пловецъ,
Оставленный судьбою,
Въ пучинѣ кончитъ вѣкъ!
И я, безумный! вѣрилъ,
Какъ ты, ея словамъ;
Въ прекрасномъ, думалъ, тѣлѣ
Конечно обитаетъ
Прекрасная душа;

Но Пирра измѣнила —
Пріятный сонъ изчезъ!
Отъ гибели спасенный,
Богамъ коварныхъ волнъ
Я ризу омоченну
Въ восторгѣ посвятилъ!

2.

Къ Лиллѣ.

Vitas hinnuleo me similis, Chloe.

О Лилла! ты бѣжишь: такъ серна на горахъ
За робкой матерью стремится;
Порхнетъ ли соловей въ кустахъ?
Дрожитъ — и ручейка журчанія боится.
Коль вѣтеръ засвиститъ въ дуплахъ,
Колѣна серна преклоняетъ;
На что неопытный свой взоръ ни обращаетъ,
Все ей наводитъ страхъ!
О Лилла! я не тигръ, воспитанный въ лѣсахъ,
Не Африканскій левъ съ ужасными когтями!
Въ примѣръ возьми подругъ — онѣ, въ твоихъ лѣтахъ,
Не все бесѣдуютъ съ однѣми матерями:
Не утушай огня, волнующаго кровь;
Пора узнать любовь!

В. Пушкинъ.

VII.

Къ К. В. Д. В — ой, которая выучила наизусть и читала мнѣ стихи мои къ И. В. Л — ну.

Стихи мои давно ужь умерли для свѣта;
Княжна! ты сжалилась надъ участью
Поэта,
И чтеніемъ своимъ
Дала, волшебница, и жизнь и прелесть имъ.

В — въ.

VIII.

Пальмеръ.

Пальмеръ, одинъ изъ славныхъ Англійскихъ актеровъ, лишился въ одно время и супруги, въ которой находилъ свое щастіе, и сына, прекраснаго юноши, рѣдкихъ дарованій, достойнаго любви по своему привлекательному характеру. Пальмеръ, пораженный своею потерею, впалъ въ глубокую меланхолію, которой ни что не могло разсѣять — ни утѣшенія друзей, ни занятія, ни свѣтскія удовольствія. Не смотря на то, продолжалъ онъ играть на театрѣ; бралъ иногда комическія роли. и веселилъ зрителей своею забавною игрою, тогда, какъ, внутренно, душа его страдала.

Августа 2го 1795 года, явился онъ на театръ въ ролѣ *Мейнау* — главная въ Драммѣ *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* — въ первыхъ сценахъ игралъ спокойно, входилъ въ характеръ представляемаго имъ лица; старался соглашать съ нимъ и движенія свои и голосъ; но въ третьемъ актѣ, вышедъ на сцену, казался въ сильномъ волненіи; и въ ту минуту, когда Маіоръ фонъ деръ Горстъ спросилъ у него: *а дѣти твои?* мысль о послѣдней минутѣ потеряннаго сына такъ живо представилась его душѣ, что онъ упалъ на землю, тяжело вздохнулъ и кончилъ жизнь.

Сначала зрители думали, что это сдѣлано нарочно, дабы выразительнѣе представить горесть; но когда понесли Пальмера мертваго съ театра, то общее удивленіе превратилось въ совершенный ужасъ. За кулисами раздавались горестныя восклицанія актрисъ и слышны были жалобы друзей Пальмеровыхъ. Директоръ театра *Эйкинъ* вышелъ на сцену, хотѣлъ говорить, но залился слезами, и не могъ сказать ни слова; актеръ *Инклдонъ*, заступивъ его мѣсто, увѣдомилъ зрителей о случившемся. Послѣднія произнесенныя Пальмеромъ слова были:

There is another and a better world!

Есть другой, есть лучшій міръ!

онѣ вырѣзаны на гробницѣ его въ Вартонѣ.

Пальмерь умерь 57 лѣтъ; послѣ него осталось много долговъ и многочисленное, бѣдное семейство, въ пользу котораго представлено было нѣсколько театральныхъ пїэсъ въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англїи. Въ Ливерпулѣ, при одномъ изъ такихъ представленїй, актеръ Гольманъ читалъ трогательный прологъ, написанный извѣстнымъ Историкомъ Роское: онъ заключилъ его послѣдними словами Пальмера: *есть другой, есть лучшій мїръ!*

Лади Дерби, которая играла съ Пальмеромъ на одномъ театрѣ, дала отъ себя 50 фунтовъ стерлинговъ; а въ Лондонской бенефисъ собрано болѣе 700.

Пальмеровъ братъ хотѣлъ говорить въ честь знаменитаго актера похвальную рѣчь, сочиненную Кольмаромъ; но при первомъ словѣ занялся у него духъ, онъ опустилъ голову и закрылъ обѣими руками лице. Такое горестное, выразительное молчанїе было трогательнѣе самаго краснорѣчиваго Панегирика: публика изъявила свою чувствительность громкими рукоплесканїями.

Съ Нѣмецкаго.

IX.

Второе супружество.

Подпора нужна для женщинъ, товарищество для мущинъ; моральныя связи такъ дороги для тѣхъ и для другихъ, что я и второе и даже третье супружество почитаю союзомъ благоразумнымъ. Вы привязаны къ дѣтямъ, и сею привязанностїю надѣетесь наполнить цѣлую свою жизнь — но гдѣ же будетъ взаимность? Захотите ли занимать ихъ тайными горестями своего сердца, скучать имъ своими заботами, своими нуждами, физическими и моральными? Нѣтъ! не имъ ободрять ослабѣвающую вашу душу; не имъ напоминать вамъ о томъ, что время любви для васъ миновалось. Не будетъ ли разстроенъ порядокъ вещей, сохранится ли необходимое приличїе, не оскорбите ли самаго вкуса, когда рѣшитесь ихъ сдѣлать сопутниками вашей старости, или заставите принять участїе въ печальныхъ остаткахъ вашей жизни? Конечно, вы будете радоваться привязанностїю и почтенїемъ дѣтей своихъ; но для васъ необходимы другїя связи, другая любовь, чтобы находить прелесть въ самыхъ недостаткахъ любимаго предмета. И такъ естьли, потерявъ супругу или супруга, вы полу-

чили въ удѣлѣ одиночество: то можете заключить другой союзъ, заключить хотя бы для того, чтобы избавиться отъ деспотизма вашихъ слугъ или домашнихъ — приходя вмѣстѣ съ ними въ старость, вы будете принуждены сносить угрюмость ихъ, и наконецъ можете сдѣлаться жертвою ихъ характера.

Я даю совѣтъ, но знаю, что онъ не для всѣхъ; что есть положенія, въ которыхъ онъ неприличенъ; есть люди, которые не могутъ принять его. Такъ, естьли твой первый союзникъ жизни существуетъ еще для тебя въ воспоминаніи; естьли привязанность твоя къ нему была самое сладкое, никогда неугасающее чувство души: то можетъ ли новый союзъ казаться для тебя возможнымъ? Уже ли не узнаешь того олтаря, на который въ другой разъ велятъ тебѣ положить руку? А этотъ взглядъ, столь сладостный, столь нѣжный и нещастный, этотъ взглядъ, который устремили на тебя при переходѣ въ объятія смерти, ужели онъ разрѣшилъ твои обѣты? ужели былъ знакомъ твоего освобожденія? Что принесешь въ даръ чувствительной душѣ, которая захочетъ раздѣлить съ тобою свою нѣжность? Нѣтъ, нѣтъ! живи еще любо-

вїю! воспоминанїе да будетъ единственнымъ жребїемъ твоей жизни!

Неккеръ.

X.

Странный процессъ.

Въ 1803 году, весь Лондонъ былъ свидѣтелемъ необыкновенной тяжбы между Г. *Лидсомъ*, богатымъ дворяниномъ, и Милади Эдизою *Кукъ*, дочерью одного провинцїальнаго помѣщика, именемъ *Кардиналя*. Дѣло состояло въ томъ, что Милади Кукъ, будучи невѣстою Господина Лидса, на канунѣ свадьбы ушла съ другимъ молодымъ человѣкомъ, именно съ Господиномъ Кукомъ, который показался ей любезнѣе, и обвѣнчалась съ нимъ на границѣ Шотландской. Господинъ Лидсъ требовалъ, чтобы съ нее взыскали безчестье; Милади Кукъ не хотѣла платить его. Адвокатъ перваго, славный Эрскайнъ, представилъ обстоятельства романически и трогательно. „Господинъ Лидсъ, сказалъ онъ, искалъ своего щастїя въ союзѣ съ дѣвицею Кардиналь; онъ наслаждался прїятными надеждами; но всѣ онѣ исчезли: ему остались одна печаль, одно унылое воспоминанїе. Онъ

нѣжно любилъ прекрасную Миссъ Элизу; она отвѣчала ему взаимною любовїю; родители согласны были соединить ихъ навѣки; обручальныя кольца были куплены; контрактъ подписанъ; недоставало одной брачной церемонїи, которая, по нещастїю, отложена была на нѣсколько мѣсяцевъ: Господинъ Кардиналь, скупой отецъ, хотѣлъ въ послѣднїй разъ воспользоваться процентами того капитала, который, сжавши сердце, давалъ онъ своей дочери въ приданое. Въ это время прїѣзжаетъ Господинъ Кукъ, предпрїимчивый, прїятный мореплаватель; знакомится съ дѣвицею Кардиналь; нравится, предлагаетъ ей (забывши, что она невѣста другаго) свою руку, увозитъ ее — они соединяются. Черезъ нѣсколько дней по возвращенїи своемъ въ Лондонъ, пишетъ Госпожа Кукъ къ прежнему жениху своему письмо, въ которомъ сожалѣетъ, что она еще передъ нимъ не оправдана. „Знаю, говоритъ между прочимъ Милади Кукъ, что вы не заслужили такого съ моей стороны поступка; что я неизвинительна; что вы имѣете право называть меня непостоянною: ахъ, любезный Господинъ Лидсъ! обвиняйте во всемъ судьбу: тайное *не знаю что* говорило мнѣ, что я не могу васъ любить! Надѣюсь, что вы простите моему легкомыслїю, что будете снисходительны къ нещастной моей слабости.“ Смѣшно бы

было, прибавилъ Господинъ Эрскайнъ, когда бы всякой молодой дѣвушкѣ позволялось мѣнять поминутно любовниковъ и складывать вину свою на тайное *не знаю что*; когда бы *не знаю что* могло оправдать ея вѣроломство противъ чувствительнаго и добродушнаго человѣка, который по нещастїю имѣлъ довѣренность къ ея клятвамъ, и нѣсколько времени веселилъ себя надеждою найти въ ней вѣрную, постоянную подругу. Но Господинъ Лидсъ сноситъ судьбу свою благоразумно; Г. Лидсъ не думаетъ застрѣлиться отъ любви, или съ горести разшибить объ стѣну свою голову; онъ требуетъ одного — чтобы ему заплатили безчестье и всѣ убытки, въ которые вовлекла его Милади Кукъ! Осмѣливаемся утверждать, что требованїе его есть самое умѣренное, самое справедливое."

Гарровъ, Адвокатъ Господина и Госпожи Кукъ, началъ свое возраженїе шуткою довольно забавною. „Господину Лидсу, сказалъ онъ, не угодно разколоть своей головы объ стѣну — дѣло весьма благоразумное! Господинъ Кукъ не можетъ заплатить ему безчестья и убытковъ — также неглупое дѣло! и важная причина его есть та, что онъ не имѣетъ денегъ. Этотъ предпрїимчивый, прїятный, любезный,

какъ называетъ его Господинъ Эрскайнъ, мореплаватель, который побѣдилъ нѣжное сердце Миссъ Кардиналь, есть бѣдный молодой человѣкъ, ограбленный своимъ опекуномъ, и бывшій писаремъ въ одной Остъ-Индской купеческой конторѣ. Госпожа Кукъ, которая такъ нѣжно и трогательно пишетъ письма, не умѣетъ порядочно сложить періода, не знаетъ орѳографіи, и вмѣсто четкихъ, красивыхъ буквъ чертитъ однѣ — *каракульки*: слѣдовательно писала письмо не она, а какая-нибудь другая благонамѣренная особа, которой хотѣлось примирить обѣ фамиліи. Чтожь принадлежитъ до неутѣшнаго Господина Лидса, то можемъ доказать, что онъ, не позже какъ въ день сговора, навѣщалъ одну изъ самыхъ знаменитыхъ продажныхъ красавицъ Лондона, вѣроятно для того, чтобы раздѣлить съ нею свое удовольствіе. Въ обхожденіи съ невѣстою, позволялъ онъ себѣ иногда нѣкоторую излишне-дружескую откровенность, на примѣръ: увѣрялъ ее, что воля мужа должна быть для жены закономъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ потрудился доказать ей это на опытѣ: имянно, дѣвицѣ Кардиналь хотѣлось гулять *пѣшкомъ*; а Господину Лидсу угодно было, чтобы она гуляла *верхомъ*, и онъ въ поощреніе обѣщалъ, учтивымъ образомъ — *накостылять ей спину*.

Иногда случалось, что Господинъ Лидсъ, по нѣскольку часовъ сряду, разсуждалъ съ своею нареченною невѣстою о ваномъ въ супружествѣ предметѣ, о качествѣ той поучительной плети, которая должна была наставлять супругу его въ благонравіи. Одна изъ сихъ пріятныхъ бесѣдъ заключена была убѣдительнымъ экспериментомъ: Господинъ Лидсъ въ самомъ дѣлѣ, по обѣщанію своему, *накостылялъ спину* любезной дѣвицѣ Кардиналь. Въ другой разъ ему разсудилось попотчивать ее пинками; и наконецъ, въ минуту нѣжнаго изліянія души, обѣщалъ онъ ее при случаѣ — удавить. Надобно признаться, что учтивости такого рода не имѣютъ никакой притягательной силы, и въ одно утро дѣвица Кардиналь, не находя безъ сомнѣнія ничего привлекательнаго въ обѣщаніяхъ будущаго супруга своего, послушалась совѣтовъ Господина Кука, котораго привѣтствія были не столь воинственны, и вышла за него замужъ. *Дурная трава изъ поля вонъ!* сказалъ въ отчаяніи Господинъ Лидсъ, когда объявили ему о бѣгствѣ дѣвицы Кардиналь, и поспѣшилъ утѣшить себя дружескою запискою къ извѣстной Миссъ Тюрпинъ, которая не умѣла ее прочесть, а принуждена была просить подателя, чтобы онъ разобралъ для нее, хотя по складамъ,

нѣжности Господина Лидса. Нѣжности сїи были не иное что, какъ предложенїе 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго пенсїона, естьли дѣвицѣ Тюрпинъ разсудится благосклонно исполнить требованїя Господина Лидса: и дѣвица Тюорпинъ — которой вѣроятно первыя четыре правила ариѳметики были извѣстнѣе, нежели Англїйская азбука — утѣшила Гна. Лидса самымъ прїятнымъ и дружескимъ отвѣтомъ."

Дѣвица Тюрпинъ представлена была къ допросу; она не заперлась ни въ чемъ, и очень свободно подтвердила сказанное Адвокатомъ Гарровомъ. Приговоръ судилища былъ слѣдующїй: поступокъ дѣвицы Кардиналь благоразуменъ; но онъ не можетъ быть оправданъ закономъ, и тяжба ея проиграна. — Собрали присяжныхъ; (надлежало опредѣлить, какую сумму Госпожа Кукъ должна была заплатить своему сопернику) присяжные разсуждали нѣсколько часовъ въ особенной комнатѣ, и наконецъ рѣшили: *обвиненная обязана заплатить обвинителю — одинъ шиллингъ.*

Съ Нѣмецкаго.

XI.

Фридрихъ Великій въ Страсбургѣ.

Фридрихъ, вступивъ на престолъ, хотѣлъ видѣть Парижъ. Подъ предлогомъ осмотра войскъ, находившихся въ Вестфаліи, оставляетъ онъ Берлинъ и ѣдетъ инкогнито въ Страсбургъ. Въ свитѣ его, между прочими, находились Графъ Вартенслебенъ и молодой Пажъ, извѣстный нынѣ Генералъ Меллендорфъ. Всѣ были одѣты очень просто; лакеи безъ ливрей; никто не могъ вообразить, чтобъ маленькой человѣкъ, въ сѣромъ фракѣ, былъ Фридрихъ, Король Прусской. Остановившись въ трактирѣ С. Духа, велѣлъ онъ трактирщицѣ приготовить хорошій ужинъ и, естьли можно, пригласить нѣсколько Французскихъ Полковниковъ. Трактирщица логически доказывала ему, что съ Офицерами, особливо съ Полковниками Французскими, не льзя обходиться такъ вольно. Фридрихъ упрямился, шумѣлъ; трактирщица принуждена была повиноваться, пошла въ военный кофейный домъ — искать Полковниковъ; по щастію нѣкоторыхъ нашла, и объявила имъ странное требованіе своего гостя. Прихотливость *Нѣмецкаго Барона* показалась забавною; смѣялись; заключили, что онъ чудакъ, котораго любо-

пытно узнать и трое дали обѣщанїе ужинать въ трактирѣ. Въ назначенный часъ они являются; находятъ, къ великому удивленїю своему, что *Нѣмецкїй Баронъ* любезенъ и чрезвычайно остроуменъ; садятся за столъ; начинаютъ разсуждать о Французской военной службѣ; Господинъ Баронъ говоритъ какъ рѣжетъ! Одно выраженїе, довольно колкое, не полюбилось молодому Полковнику Н * *, пылкому и отмѣнно умному, который сидѣлъ противъ Короля: онъ самъ отвѣчалъ колкостїю; Баронъ разгорячился; Полковникъ также: начался жаркїй споръ, ѣдкїя остроты сыпались; наконецъ дошло до того, что вспыльчивый Французъ готовъ былъ швырнуть въ Барона бутылкою, а товарищи Фридриха закричать: *это Король Прусскїй!* Но другой Французъ, сидѣвшїй рядомъ съ Королемъ, началъ мигать своему товарищу, старался остановить его выразительными знаками, хмурился, кивалъ головою: спорщикъ сдѣлался неподвиженъ, потупилъ глаза и замолчалъ. Баронъ успокоился, перемѣнилъ матерїю, по прежнему сдѣлался милъ и забавенъ. Вставъ изъ-за стола Полковникъ Н * *, спросилъ у товарища своего, что хотѣлъ онъ сказать ему своими знаками? — „Бьюсь объ закладъ, отвѣчалъ послѣднїй, что этотъ Баронъ какой

нибудь переодѣтый Принцъ. Замѣтилъ ли ты у него за стуломъ молодаго человѣка? Онъ ни кому, кромѣ Барона, не служитъ; я хотѣлъ отдать ему тарелку, но онъ ее не принялъ, а сказалъ другому слугѣ: возми у Г. Полковника тарелку и подай ему другую. Это меня удивило; я началъ за нимъ замѣчать. Стали хвалить реинвеинъ; такъ называемому Барону захотѣлось его отвѣдать: молодой человѣкъ кинулся, принесъ бутылку и стаканъ; я также хотѣлъ выпить рюмку; молодой человѣкъ опять сказалъ слугѣ: подай реинвейну Господину Полковнику. Однимъ словомъ, я увѣренъ, что этотъ мальчикъ Пажъ, а путешественникъ какой нибудь Принцъ или тому подобное. Теперь понимаешь, для чего я тебѣ мигалъ, когда ты спорилъ; я опасался, чтобы твоя вспыльчивость не приключила тебѣ чего-нибудь непрїятнаго!" — Баронъ, прощаясь съ гостями своими, очень ласково пожалъ руку Полковника Н**, и они разстались друзьями.

Между тѣмъ одинъ Французскїй гренадиръ, который видѣлъ Барона, когда онъ выходилъ изъ кареты, и узналъ въ немъ Прусскаго Короля, донесъ объ этомъ открытїи своему Капитану. Капитанъ велѣлъ ему молчать, и побѣжалъ къ Мар-

шалу Бр. . . . о, Страсбургскому Губернатору, которому объявилъ о томъ, что слышалъ. Маршалъ, прося его хранить тайну, пригласилъ Барона съ товарищами его къ себѣ обѣдать; между тѣмъ приказалъ явиться къ себѣ гренадиру, у котораго спросилъ: увѣренъ ли ты, что этотъ Баронъ точно Король Прусскій? — „Совершенно увѣренъ, отвѣчалъ гренадиръ: я недавно дезертировалъ изъ Прусской службы; находясь въ гвардіи, которой обыкновенныя квартиры въ Потсдамѣ, я всякой день имѣлъ случай видѣть Короля на вахтъ-парадѣ. Онъ очень часто самъ училъ нашъ полкъ, иногда самъ меня поправлялъ; короче, я готовъ присягнуть, что это онъ, Фридрихъ, Король Прусскій!" — Слушай, сказалъ Маршалъ: естьли ты меня обманулъ, то будешь сидѣть въ тюрьмѣ; естьлижь нѣтъ, то получишь луидоръ. Онъ нынче у меня обѣдаетъ: я приму его въ этой комнатѣ. Ты долженъ войти въ мой кабинетъ, и можешь видѣть его сквозь эту стеклянную дверь; разсмотри его прилѣжнѣе; я выду къ тебѣ изъ-застола, и узнаю отъ тебя, ошибся ли ты или нѣтъ; поди! — Король пріѣзжаетъ, садятся за столъ; приходитъ слуга, шепчетъ на ухо Маршалу; онъ встаетъ, проситъ позволенія на минуту отлучиться, и идетъ къ гренадиру, ко-

торый подтверждаетъ сказанныя имъ слова, получаетъ обѣщанный луидоръ и уходитъ. Возвращеніе Маршала въ залу было очень кстатѣ: говорили о такой матеріи, которая не нравилась Барону, именно о Дворѣ Ганноверскомъ. Графиня Бр. . . . о, супруга Маршала, незнавшая тайны, разсказывала о своей молодости, которую провела при этомъ Дворѣ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, бывшимъ Французскимъ Министромъ въ Ганноверѣ, и называла Фридрихову мать женщиною гордою. Король защищалъ ее и спорилъ; въ это время возвратился Маршалъ, и разговоръ перемѣнили. Фридриху предлагаютъ посѣтить Театръ; онъ соглашается, говоря, что будетъ имѣть удовольствіе проводить туда Графиню. Послѣ стола, Маршалъ, разговаривая съ Королемъ, имѣлъ неосторожность сказать: Sire! . . . Monsieur le Baron! . . . (Ваше Величество! . . Баронъ!) Никто не вслушался, но слова сіи произвели свое дѣйствіе: Король оскорбился! И долго спустя не могъ онъ разсказывать безъ досады объ этомъ случаѣ. „Маршалъ глупецъ! говорилъ онъ; ему бы надобно было или не открывать моей тайны, или отдать мнѣ всѣ почести, приличныя Королю!“ — Не смотря на то, поѣхалъ онъ съ Графинею въ Театръ, но пробылъ тамъ не долго, и сказавъ,

что имѣетъ важныя дѣла, возвратился въ свой трактиръ, гдѣ подали ему письма отъ Прусскаго Министра, находившагося въ Парижѣ. По видимому заключалось въ нихъ что-нибудь важное: Фридрихъ принужденъ былъ отложить свое путешествіе, и на другой же день выѣхалъ изъ Страсбурга.

Съ Нѣмецкаго.

XII.

Отрывокъ надгробной рѣчи.

Англійскій Докторъ Ровландгиль, потерявъ любимаго своего слугу, самъ въ присутствіи множества слушателей говорилъ ему надгробную рѣчь, въ которой заключается слѣдующее, достойное замѣчанія мѣсто:

„Многіе изъ слушателей моихъ, знавшіе коротко покойника, имѣли случай познакомиться съ его характеромъ и были свидѣтелями порядочной его жизни. Никто изъ нихъ не обвинитъ меня въ неправдѣ, когда въ уваженіе памяти его скажу, что онъ былъ честенъ, благоразуменъ, тихъ, истинный Христіанинъ, и что наконецъ почиталъ священнымъ долгомъ служить

мнѣ ревностно и вѣрно. Но кто изъ васъ, почтенные слушатели, не удивится, когда я прибавлю, что этотъ честный, прямодушный, богобоязненный человѣкъ былъ — разбойникъ?

„Будетъ около тридцати лѣтъ, какъ мы встрѣтились съ нимъ въ первой разъ на большой дорогѣ, въ густотѣ лѣса; онъ остановилъ мою лошадь и требовалъ отъ меня кошелька. Я не потерялъ присутствія духа, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и желалъ узнать, какія обстоятельства принудили его приняться за такое ремесло, которое со временемъ могло привести его къ петлѣ? — Ахъ, государь мой! отвѣчалъ онъ, я служилъ камердинеромъ у одного добраго Господина, который убитъ параличемъ, умеръ скоропостижно и не оставилъ мнѣ аттестата; съ тѣхъ поръ шатаюсь по свѣту, не имѣю мѣста и принужденъ разбойничать!

„Я велѣлъ ему придти ко мнѣ въ Лондонъ; онъ далъ мнѣ слово, которое вѣрно исполнилъ. Мы познакомились короче; я принялъ его къ себѣ въ домъ; съ той самой минуты служилъ онъ мнѣ честно, съ удивительнымъ усердіемъ, и умеръ какъ добрый Христіанинъ, утѣшая себя надеждою на будущую жизнь, и съ твердымъ

упованїемъ на милосердїе Создателя! Но, слушатели, подумайте ... что естьли бы случай или, лучше сказать, Провидѣнїе не привело его ко мнѣ навстрѣчу? Онъ продолжалъ бы отправлять ужасное разбойническое ремесло, кончилъ бы жизнь свою съ ожесточенною душою, можетъ быть отъ руки палача, можетъ быть навсегда погибнулъ бы для вѣчности!" —

Кому удивляться болѣе, читатели: Господину, или слугѣ? — Первый подобенъ Александру, который принялъ лѣкарство изъ рукъ своего Лѣкаря, обвиненнаго въ заговорѣ на жизнь его; Августу, который предложилъ свою дружбу возмутителю Циннѣ; онъ превзошелъ и того и другаго, соединивъ въ душѣ своей и великодушїе и довѣренность, которыя, въ продолженїи тридцати лѣтъ, не измѣнились ни одного разу. Послѣднїй доказываетъ, что кротость и надежда на исправленїе преступника живѣе дѣйствуютъ на его сердце, нежели строгость и наказанїе.

Съ Нѣмецкаго.

XIII.

Штокгольмъ.

Мало городовъ въ Европѣ, которыхъ положеніе было бы такъ живописно и вмѣстѣ такъ выгодно для торговли, какъ положеніе Штокгольма. Зрѣлище, представляемое симъ городомъ съ моря, великолѣпно: громада церквей, зданій, утесовъ; озера, каналы, деревья и между ими величественный Королевскій Дворецъ — словомъ, картина волшебная! Взойдите на Сѣверный мостъ, чтобы насладиться ею въ совершенствѣ; здѣсь вы увидите городъ во всемъ его пространствѣ, и Королевскій замокъ своею величественною фасадою отдѣляется отъ всѣхъ другихъ зданій; архитектура его самая простая и благородная; по крайней мѣрѣ не безобразятъ его сіи ненужныя, можно сказать смѣшныя украшенія, которыми изпещренъ фасадъ бывшаго Королевскаго замка въ Копенгагенѣ, разрушеннаго ужаснымъ пожаромъ. Въ правой сторонѣ представляется глазамъ вашимъ обширный амфитеатръ холмовъ, усѣянныхъ увеселительными замками, садами, высокими соснами; тутъ же посреди чистаго, спокойнаго озера видите цвѣтущій островъ украшенный лѣтнимъ Дворцомъ, который пріятно отражается въ зеркальной поверх-

ности водѣ. Неподалеку отѣ острова находится прекрасный замокѣ Графа де Брюжа, мѣсто Дворянскаго клуба, называемаго здѣсь *Благороднымъ Собраніемъ.* Далѣе кѣ востоку видите островѣ Блазїй, и деревянный мостѣ, соединяющїй его сѣ городомѣ; влѣвѣ представляется вамѣ Театрѣ, и на сѣверѣ отѣ Театра Нордермельнѣ, или сѣверная площадь, украшенная статуею Густава Адольфа: этотѣ памятникѣ бронзовый и вызолоченѣ. Самыя великолѣпныя зданїя на этой площади суть: Дворецѣ Королевской Принцессы и Оперный домѣ. — Глаза ваши, изумленныя симѣ привлекательнымѣ зрѣлищемѣ, сѣ трудомѣ могутѣ обнять его, и шумѣ воды, стремящейся между арками Сѣвернаго моста, придаетѣ ему какую-то особенную дикость: вы забываетесь, вѣ душѣ вашей неизѣяснимо-прїятное волненїе!

Зимою зрѣлище перемѣняется: всѣ промежутки водѣ, которыми вѣ лѣтнее время раздѣлены разныя части города, скрываются подѣ гладкою поверхностїю льда; острова изчезаютѣ, вы видите одну обширную снѣжную равнину; сани, кареты, фаэтоны мчатся по ней вѣ разныхѣ направленїяхѣ, перегоняютѣ одни другихѣ, встрѣчаются, мелькаютѣ между

кораблями и шлюбками, которыя стоятъ недвижимо, скованные оледенѣвшими водами. Вы уже не видите передъ собою величественныхъ кораблей, которые колеблются подъ бременемъ парусовъ, надуваемыхъ вѣтромъ; не видите ни яхтъ, ни барокъ, ни легкихъ челноковъ, разсѣкающихъ прозрачныя воды каналовъ; безчисленная толпа народа мчится передъ вами на быстрыхъ ноньках, летитъ стрѣлою по ровному льду, мелькаетъ какъ птица, изчезаетъ какъ молнія, и быстрыми оборотами, поминутно являясь и пропадая, веселитъ взоры, которые ловятъ ее, преслѣдуютъ и теряютъ. Воды, орошающія Королевскія конюшни и съ шумомъ бѣгущія подъ своды Сѣвернаго моста, не замерзаютъ никогда, кипятъ, дымятся, и паръ ихъ, озаренный сіяніемъ солнца, представляетъ глазамъ радужный дождь, который легко можете почесть очарованіемъ какой-нибудь Феи.

Ачерби.

ПОЛИТИКА.

XIV.

О Римѣ и древнемъ Лацїумѣ.
(Compagna di Roma.)

Все то, что въ изданномъ недавно Путешествїи (*) сказано о древнемъ Лацїумѣ, котораго имя, быть можетъ, скоро впишется въ роспись новыхъ Королевствъ Европы, заслуживаетъ теперь особенное вниманїе любопытнаго. Путешественникъ Бонстеттенъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

Малолюдство.

Говоря о какомъ-нибудь городѣ, воображаешь улицы, строенїя, семейства; но въ разсужденїи Рима, сїи обыкновенныя понятїя будутъ несправедливы — здѣсь попадаются вамъ не рѣдко обширныя пустыни, на которыхъ могли бы помѣститься два, три города, и вы не видите ни одного обитаемаго

(*) Voyage dans le Latinum par Charles de Bonstetten. Genere 1805.

дома, не встрѣчаете ни одного человѣческаго образа; есть такая улица, въ которой совсѣмъ нѣтъ домовъ: это не иное что, какъ двѣ большія линїи церквей, или монашескихъ обителей, большею частїю оставленныхъ.

Давно уже умираетъ въ Римѣ несравненно болѣе, нежели родится. Съ 1756 года число раждающихся не возрастало, но число умирающихъ увеличилось до чрезвычайности. Изъ 170,000 жителей — населенїе ужасно малое въ отношенїи къ обширности города — погибло 20,000 въ теченїи двухъ революцїонныхъ лѣтъ (въ 1798 и 1799); слѣдующїе разрушительные годы произвели опустошенїя несравненно ужаснѣйшїя.

Окрестности Рима (пространство, заключающее въ себѣ нѣсколько болѣе ста квадратныхъ миль самой плодоносной земли) почти необитаемы. Печальная пустыня, которая окружаетъ городъ, начинается во внутренности самаго Рима. Далѣе видишь однѣ развалившїяся церкви, пустые монастыри, падшїя и падающїя стѣны, кое-гдѣ сѣнные сараи, уединенные сады и виноградники.

Передъ воротами Святаго Павла сама Натура кажется нѣмою и мертвою. Случится ли вамъ встрѣтиться въ этихъ мѣстахъ съ человѣкомъ: берегитесь! это

можетъ быть убїйца, который находитъ здѣсь убѣжище отъ казни. По большой дорогѣ, до самой Остїи, въ окрестности довольно обширной, попадется вамъ только двѣ гостинницы, заразительныя и нечистыя, гдѣ нѣтъ ни комнатъ, ни конюшни, гдѣ не найдете ни вина, ни мяса, ни овса, ни сѣна; гдѣ рѣдко дадутъ вамъ кусокъ хлѣба, доставляемаго сюда обыкновенно изъ Рима. Таково нынѣшнее состоянїе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ за 14 вѣковъ представлялось глазамъ гораздо болѣе великолѣпныхъ зданїй, нежели въ цѣломъ извѣстномъ тогда свѣтѣ. Остатокъ пятидесяти трехъ народовъ, населявшихъ нѣкогда Лацїумъ, теперь умѣстится въ одномъ домѣ, и притомъ очень покойно.

Землепашество.

Новой Лацїумъ состоитъ изъ большихъ помѣстьевъ, изъ которыхъ многїя, не смотря на обширность ихъ, обыкновенно принадлежатъ одному владѣльцу (*), и всѣ сїи владѣльцы, вообще полагая славу свою не въ удобренїи, а въ пространствѣ и количествѣ земель, не заботятся о землепашествѣ, а раздаютъ поля свои наемщикамъ.

(*) Напримѣръ Князь Боргезе владѣетъ одинъ 78 ми.

Наемщики или откупщики, которыхъ единственный предметъ — собственная выгода, не заботясь о сохраненіи чужаго имущества, нападаютъ подобно разбойникамъ на откупаемыя ими земли; пускаютъ на нихъ множество поденьщиковъ, большею частію иностранцевъ, рубятъ лѣса безъ всякой пощады, изнуряютъ поля, вмѣсто того чтобы ихъ воздѣлывать, потомъ удаляются обремененные добычею и торжествуютъ, оставивъ за собою тощую землю, означивъ ужасными разореніями слѣды свои.

Со всѣмъ тѣмъ, въ безлюдномъ, опустѣломъ Лаціумѣ, у тѣхъ немногихъ жителей, которые попадаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ селеніяхъ, найдете вы гостепріимство, безкорыстіе и добродушіе, напоминающія о древнихъ вѣкахъ, или еще и нынѣ таящіяся на отдаленныхъ вершинахъ Альповъ.

Римскіе поселяне, весьма умные отъ природы, но неимѣющіе никакого просвѣщенія, сохранили грубые свои обычаи, и долго еще сохранятъ ихъ, не желая пріобрѣтать познаній и не имѣя возможности образоваться.

Прочіе полевые работники суть или нанятые иностранцы, или преступники, бѣжавшіе изъ Рима, и принужденные ра-

ботою рукъ своихъ спасать себя отъ голодной смерти.

Духъ народный.

Новый Римъ, утративъ свой прежній, величественный блескъ, не измѣнился въ другихъ отношеніяхъ: надъ головою вашею прежнее небо, въ глазахъ вашихъ прежнее море; Эней, Сципіонъ и Плиній всходили нѣкогда на тѣ же самые холмы и горы, на которыхъ и вы блуждаете въ сію минуту, окруженные воспоминаніями.

Такова и моральная натура обитателей Рима. Что ни сдѣлала судьба временъ для того, чтобы унизить и привести въ упадокъ ихъ геній, въ основаніи своемъ онъ тотъ же, и вѣчно останется неизмѣннымъ.

Въ новомъ Лаціумѣ находится множество лѣсовъ, попорченныхъ или страшно опустошенныхъ; срубленныя, ободранныя, сломанныя деревья, гнилые пни, дикой и сухой кустарникъ, растоптанные отпрыски: таково сіе печальное зрѣлище! но уцѣлѣвшее дерево, которое пощадилъ топоръ, котораго не коснулось разрушеніе, цвѣтетъ величественно и плѣняетъ васъ своею красотою, своею тѣнистою, великолѣпною сѣнію. Такой лѣсъ можетъ почесться эмблемою Италіанскаго народа: жребій его — печальное утѣсненіе; но при первыхъ

благопрїятныхъ обстоятельствахъ, при первомъ щастливомъ переворотѣ фортуны, онъ возникнетъ, и можетъ быть — возвысится надъ всѣми другими народами Европы.

Римское правленіе.

Законы покровительствуютъ въ Римѣ самыя гнусныя злодѣйства. Преступникъ пользуется здѣсь многими священными привиллегїями; прибѣжище его олтарь и Божїй храмъ; исповѣдь и причащенїе Святыхъ Таинъ избавляютъ его отъ всѣхъ угрызенїй совѣсти. Обширныя пустыни Остїи, прежде цвѣтущїя обители Боговъ и Героевъ, теперь не иное что, какъ страшный вертепъ ужасныхъ убїйцъ, извергов человѣчества и природы.

Злодѣи, которые въ 1797 умертвили публично Французскаго Генерала Дюфота, восклицали, поднявъ окровавленные ножи свои къ небу: eviva la ſanta Religione e'l ſantissimo Padre! (слава Христу и Святѣйшему Папѣ!), и всѣ они были избавлены отъ казни.

Однако въ 18 мѣсяцовъ революцїоннаго правленїя не слышно было здѣсь ни одного убїйства. Обыкновенная и столь ужасная запальчивость Римлянъ, въ минуту самаго неистоваго разврата и даже въ пьянствѣ, укрощалась при одномъ наименованїи Гна. *Спинелли*, бывшаго тогда Полицмей-

стера въ Римѣ. Se non fosse Spinelli! восклицали Бандиты, и поспѣшно прятали стилеты свои въ карманы.

Римское Правительство, также какъ и всѣ Правительства Европы, одушевлено любовїю къ общественному благу; но тысяча причинъ препятствуютъ ему успѣвать въ своихъ дѣйствїяхъ, на ряду съ другими просвѣщенными нацїями. Оно основываетъ свое могущество на древнихъ, закоренѣлыхъ мнѣнїяхъ, и постоянство сїе вмѣняетъ себѣ въ достоинство. Нѣкоторая обманчивая, наружная пышность и вѣчное спокойствїе, которымъ оно наслаждалось, будучи ограждено своею беззащитностїю, саномъ своего Правителя и величїемъ своего Сената — вотъ все, что можетъ назваться существеннымъ его преимуществомъ. Но оно можетъ изторгнуться изъ блестящаго своего ничтожества: оно обладаетъ всѣми стихїями, которыя необходимы для составленїя существа превосходнаго.

Владѣнїя Рима.

Римская Держава потеряла уже лучшїя свои провинцїи (*), а вмѣстѣ съ ними и большїе доходы, и болѣе милїона жите-

(*) Писано въ 1805 году; теперь обстоятельства перемѣнились: Римъ есть провинцїя Имперїи Французской. Увидимъ, что сдѣлаетъ новое правительство для блага

лей. Благоговѣйное уваженіе къ Верховному Главѣ Церкви не защитило ее; военныя силы ея ничтожны. Сія Монархія, отторгнутая отъ древней системы своей, подобна теперь небесному тѣлу, спутнику большой Планеты, назначенному обращаться вокругъ могущественной центральной силы. Но какое мѣсто ни назначаетъ ей Провидѣніе, удѣлъ ея могъ бы быть достоинъ зависти, когда бы умѣли возпользоваться благодѣяніями плодоносной ея земли и преимуществами благословеннаго ея климата. Теперь обладаетъ она единымъ поноснымъ безсмертіемъ, тѣмъ болѣе унизительнымъ, что славное имя, которое оставила ей древность, неизгладимо въ лѣтописяхъ міра.

Съ Нѣмецкаго * *.

сей области, и какъ воспользуется тѣми драгоцѣнными стихіями, которыя, по словамъ Путешественника, готовы здѣсь для образованія существа превосходнаго. *Ж.*

XV.

Извѣстія.

Письмо изъ Тавастгуса отъ 27 Февраля. Мы выступили изъ Борго 18 Февраля, и 19го явились передъ Гельзингфорсомъ, гдѣ непріятель занялъ выгодное положеніе подъ прикрытіемъ Свіабургской крѣпости; но пушки его не могли воспрепятствовать нашему приближенію; онъ противился намъ не долго, хотя упорно, и отступилъ за городъ. Здѣсь могли бы наши козаки причинить ему ужасный вредъ, когда бы сильная канонада съ Свіабургскихъ укрѣпленій не возпрепятствовала имъ дѣйствовать: въ то время, какъ непріятель, принужденный отступать, подвигался назадъ черезъ городъ, козаки, гусары и драгуны, раздѣлясь на двѣ партіи, обошли его съ обѣихъ сторонъ и хотѣли отрѣзать отъ Абова; но одна изъ нихъ была удержана Свіабургскими пушками, а другая слишкомъ слабая, не могши напасть на всю непріятельскую колонну, ударила на арріергардъ ея, который былъ совершенно разсѣянъ; при этомъ случаѣ взято около 300 человѣкъ плѣнныхъ и 5 заряженныхъ еще пушекъ. Мы заняли немедленно городъ, получили въ добычу большой запасъ съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи, и приготовились преслѣдовать

непрїятеля до Тавастгуса. Онъ отступалъ разсѣянно, и мы хватали великое количество плѣнныхъ; но самая важная добыча наша есть такъ называемый Королевскїй Дворецъ, или, лучше сказать, укрѣпленный по всѣмъ правиламъ искуства старый Рыцарскїй замокъ, въ которомъ нашли мы большой запасъ хлѣба, ружей, пороха и множество другой аммунїцїи. Непрїятель не сдѣлалъ по насъ ни одного выстрѣла изъ пушекъ, которыми уставлены были крѣпостные бастїоны, и вмѣсто того, чтобы ими вредить намъ, нѣкоторыя загвоздилъ, а другїя снявши съ лафетовъ побросалъ во рвы со всѣми припасами: можетъ быть хотѣлъ онъ пощадить города Ниландъ и Тавастгусъ, которые непремѣнно должны бы были сдѣлаться жертвою его упорства и нашего нападенїя. Губернаторъ, Баронъ фонъ Монкъ, впустивши насъ въ городъ, продолжалъ отправлять свою должность также спокойно, какъ будто ничего новаго не случилось; намъ самимъ казалось, что мы не выходили изъ Риги. Этотъ достойный человѣкъ болѣе 22 лѣтъ управляетъ Тавастгусскою провинцїею. — Тотъ ошибется, кто будетъ воображать, что Шведская Финляндїя одинакова съ Рускою: здѣсь великое изобилїе во всемъ, кромѣ денегъ: одинъ изъ помѣщиковъ,

которому выдали, при мнѣ, 3000 рублей серебромъ за фуражъ, признавался, что онъ ни разу еще въ жизни своей не имѣлъ въ рукахъ такой *чрезвычайной* суммы денегъ.

Абовъ, 11 *Марта*. Теперь мы на берегахъ Ботническаго залива. Получивъ въ Тавастгусѣ извѣстїе о важномъ выигрышѣ Князя Багратїона близь Тамерфорса (онъ выгналъ непрїятеля изъ укрѣпленїй, взялъ въ плѣнъ Подполковника, четырехъ Офицеровъ и множество рядовыхъ), мы отправились назадъ къ Гельзингфорсу, чтобы разположить лѣвое крыло армїи къ осадѣ Свїабурга. По прибытїи нашемъ въ этотъ городъ, получили мы извѣстїе, что Шварт-гольмская крѣпость требуетъ капитуляцїи; и въ туже минуту дѣятельный Полководецъ нашъ, не желая напрасно тратить времени въ пересылкѣ курьеровъ, самъ отправился къ Швартгольму, чтобъ все, при себѣ, какъ можно скорѣе привести къ окончанїю: въ самомъ дѣлѣ въ 24 часа капитуляцїя подписана, крѣпость сдана, военноплѣннымъ Офицерамъ позволено взять собственно принадлежащїя вещи и послать къ Королю донесенїе о сдачѣ. Мы получили 2000 пудъ пороху, 200 большихъ и 78 малыхъ пушекъ, и 6 го Марта возвратились къ Свїабургу, гдѣ немедленно были открыты наши батареи. Хотя

каждый домъ въ занимаемой нами части города (построеннаго на полугорѣ и простирающагося до самаго моря) находится подъ пушками Свїабургской крѣпости; но канонада, которая продолжалась безпрерывно въ теченїе трехъ дней (такъ какъ и съ нашей стороны безпрестанно бросали бомбы), не причинила намъ особеннаго вреда. Мы еще не имѣемъ осадной артиллерїи, которую чрезвычайно трудно перевозить по утесамъ, но скоро будетъ она вся къ намъ доставлена, такъ какъ и всѣ орудїя, взятыя нами въ Швартгольмѣ и Тавастгусѣ — тогда откроется настоящая осада Свїабурга.

8 го Марта выступили мы съ главною квартирою изъ Гельзингфорса, чтобъ вмѣстѣ съ колонною Князя Багратїона, которой часть находилась уже близь Абова, овладѣть симъ городомъ; непрїятель, будучи слишкомъ слабъ, не осмѣлившись насъ ожидать, переправился на островъ Аландъ, съ котораго не могъ уже возвратиться на берегъ по причинѣ великаго льда; и нынѣ вступили мы торжественно въ Абовъ, главный городъ всей Финляндїи, которая тогда же объявлена провинцїею Россїйской Имперїи, во Имя АЛЕКСАНДРА Перваго. Губернаторъ, высокое Духовенство, Депутаты Дворянскїе, высшїе Земскїе Чины и всѣ

граждане встрѣтили насъ со всѣми знаками дружелюбія. Добыча наша весьма важная: 200 пушекъ здѣсь и 90 въ Тангергутѣ. Въ тотъ же вечеръ получено извѣстіе о взятіи Біорнебора; находившійся въ немъ отрядъ непріятельскаго войска подъ командою Генерала Клингшпорна, претерпѣлъ великій уронъ; мы захватили въ плѣнъ Полковника, 8 Штабъ-Офицеровъ, 9 Офицеровъ, 350 рядовыхъ и весь багажъ; остатокъ отступилъ къ городу Вазѣ, гдѣ долженъ встрѣтиться съ Генераломъ Тучковымъ и непремѣнно сдастся, потому что Ботническій заливъ, усѣянный льдинами, не способенъ теперь для переправы въ Швецію, а дорога черезъ Торнео по необитаемымъ берегамъ Восточно-Ботнической провинціи чрезвычайно затруднительна: всѣ солдаты могутъ погибнуть отъ голода. — И такъ, въ теченіе одного мѣсяца, Россія, благодаря неутомимой храбрости ея воиновъ и дѣятельности ихъ Полководца, пріобрѣла 8 провинцій, изъ которыхъ четыре не уступаютъ ни которой изъ лучшихъ ея Губерній во многолюдствѣ и плодородіи. Строгая дисциплина, сохраняемая въ нашемъ войскѣ, порядокъ, неутѣсненіе жителей привлекли къ побѣдителямъ сердца побѣжденныхъ; Русскіе, неустрашимые въ сраженіи, доказали, что они въ самыхъ сво-

ихъ непріятеляхъ умѣютъ уважать человѣчество, и никогда не забываютъ священныхъ обязанностей состраданія. Теперь остается намъ овладѣть крѣпостію Свіабургомъ, неприступною, созданною рукою самой Природы, могущею наконецъ равняться съ Гибральтаромъ, которому теперь, на другомъ концѣ Европы, угрожаютъ сильные Французскіе легіоны. — Въ письмахъ изъ Швеціи увѣдомляютъ, что Король издалъ манифестъ о всеобщемъ вооруженіи націи; что всѣ жители Штокгольма приведены были въ ужасное уныніе извѣстіемъ о разрывѣ съ Россіею. Шведскія войска двинулись къ границамъ; въ цейгаузахъ работаютъ день и ночь; гребной флотъ вооружается съ великою поспѣшностію. Но вся нація вообще недовольна упорствомъ Густава; увѣряютъ, что Королева, пришедъ къ нему съ обоими дѣтьми, просила его на колѣняхъ разорвать союзъ съ Англичанами, но тщетно. Умы въ волненіи; безпрестанно выходятъ ѣдкіе пасквили на Короля, которые, не смотря на строгое запрещеніе со стороны Полиціи, очень скоро разходятся по рукамъ. Одинъ, колкій и забавный, имѣетъ слѣдующій титулъ: *для чего два Шведа стоютъ менѣе быка?* Авторъ имѣлъ въ виду условіе Густава IV съ Англичанами, въ слѣдствіе котораго онъ продаетъ своихъ подданныхъ по 14 фунтовъ

стерлинговъ съ души — половина той цѣны, которую обыкновенно платятъ за одного быка въ Англїи. Говорятъ, что Англїйскїе корабли уже показались въ Зундѣ. Англичане, по видимому, намѣрены сдѣлать вторичное нападенїе на Копенгагенъ и Гельзиньеръ, дабы овладѣть замкомъ Кроненбургомъ, находящимся на Датскомъ берегу Зунда, и слѣдственно имѣть во власти своей весь проливъ; но это предпрїятїе весьма трудно и едва ли можетъ имѣть успѣхъ.

*

Парижъ, 11го Марта, въ 2 часа по полудни, явился Принцъ Архиканцлеръ въ Сенатъ и открылъ засѣданїе рѣчью, въ которой старался доказать необходимость *наслѣдственныхъ достоинствъ* въ Монархическомъ правленїи, свидѣтельствуясь опытами всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Тотчасъ составлена была Коммисїя изъ 5 Членовъ, Ласепеда, Герцога Данцигскаго, Кардинала Феша, Лапласа и Монжа, для представленїя Императору благодарственнаго Адреса, и 13 Марта, Наполеонъ, въ присутствїи всего Двора, сидя на тронѣ, давалъ аудїенцїю Сенату. Ласепедъ говорилъ рѣчь, на которую Императоръ отвѣтствовалъ, что онъ одобряетъ поступокъ Сената и всѣ мнѣнїя, представленныя ему въ Адресѣ. — Скоро (такъ

пишутъ изъ Парижа) исполнится великій планъ, который долженъ *рѣшить судьбу міра*; съ приближеніемъ весны, благопріятной для военныхъ дѣйствій, наступательныхъ и оборонительныхъ, придутъ въ движеніе всѣ Французскія войска, разсыпанныя на Сѣверѣ и Югѣ Европы. Первый шагъ къ симъ важнымъ подвигамъ сдѣланъ: Рошефортская эскадра пустилась въ море; Португалія занята; Французская армія въ Испаніи; всѣмъ другимъ корпусамъ войскъ насланъ приказъ идти куда слѣдуетъ, и многіе двинулись уже съ мѣстъ своихъ. Можетъ быть, прежде нежели распустятся деревья, увидимъ Французскіе легіоны на востокѣ Азіи и на сѣверныхъ берегахъ Африки. — Опять начинаютъ говорить о высадкѣ въ Англію; Булоньская флотилія совсѣмъ вооружена и снабжена войсками; Брестскій и Флиссингенскій флоты составляютъ оба крыла ея, и въ случаѣ высадки, которая рано или поздно должна послѣдовать, могутъ служить сильнымъ прикрытіемъ для плоскодонныхъ перевозныхъ судовъ; каперы наши разъѣзжаютъ по каналу и страшно вредятъ Англійской торговлѣ; между тѣмъ образуются для насъ искусные матросы. Англичане, по видимому, боятся высадки, и начинаютъ опять во множествѣ показываться

у береговъ нашихъ. Не смотря на то, Французы не перестаютъ надѣяться мира; переговоры продолжаются; Австрїйскїй Посланникъ, Графъ Штаренбергъ, находящїйся въ Парижѣ, въ послѣднїй разъ сдѣлалъ предложенїе Англїйскому Кабинету о прекращенїи всѣхъ несогласїй: отъ рѣшительнаго отвѣта Британскихъ Министровъ зависитъ путешествїе Наполеона въ Испанїю.

*

Крѣпость Сцилла, находящаяся въ Калабрїи, сдалась Французскому войску, которымъ командуетъ Генералъ Ренье; 1000 военноплѣнныхъ, Англичанъ и Сицилїйцевъ, 50 пушекъ и большїе магазины достались побѣдителямъ. Въ нѣкоторыхъ Италїянскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что войска Французскїя, съ помощїю Рошефорской эскадры, вышли на берега Сицилїи у Миллаццо, городка, находящагося въ трехъ миляхъ отъ Мессины на полуостровѣ. Думать надобно, что они скоро овладѣютъ и Мессиною, которая укрѣплена только съ береговъ; это для нихъ тѣмъ удобнѣе, что теперь Французская армїя, находящаяся въ Калабрїи, имѣя во власти Реджїо и Сциллу, легко можетъ подать имъ помощь. Англїйская эскадра показалась близь Трїеста; думаютъ, что она сдѣлаетъ нападенїе на Русскїе корабли, находящїеся въ сей гавани.

Англичане заняли островъ Лезино, принадлежащій къ Далмаціи: теперь онъ служитъ для нихъ безопасною пристанію на Адріатическомъ морѣ, котораго берега были доселѣ для нихъ неприступны.

*

Нещастному Пію VII, подобно многимъ Государямъ нашего времени, опредѣлено пережить свою Монархію. Въ то время, когда Французы вступали въ Римъ, отправлялъ онъ со многими Кардиналами Божественную службу въ Сикстинской Капеллѣ. Увидя Французскія пушки, разставленныя передъ Дворцомъ, просилъ онъ Генерала Міоллиса принять ихъ, говоря: *на что это? я смиренный служитель Бога, и не имѣю нужды въ оружіи.* Во время пребыванія Святѣйшаго Отца въ Парижѣ, обѣщано было сохранить ему по смерть владѣнія Церковныя; но теперь завѣрное извѣстно, что онѣ будутъ имѣть одинакій жребій со всѣми другими провинціями Италіи: это поразило душу старца Пія. Никто не знаетъ, какія сдѣланы ему предложенія; думаютъ однако, что его принуждали принять *Уставъ Наполеона*, и торжественно объявить *войну Англичанамъ.* Но въ первомъ случаѣ была для него камнемъ преткновенія статья о *разводѣ*, а на послѣднее требованіе Пій отвѣчалъ: „Англійскій народъ не сдѣлалъ

мнѣ никакого зла; я служитель мира; я пастырь и отецъ своихъ подданныхъ; я никогда не благословлю меча ихъ на пролитіе крови человѣческой.“ — Духъ сего благороднаго и достойнаго сожалѣнія старца въ великомъ волненіи; по всему видно, что онъ не ожидалъ прибытія Французскихъ войскъ, рѣшился не унижать себя робкою покорностію, и признавая свое состояніе мученическимъ, не ропщетъ, а мирно предаетъ себя во власть Провидѣнія. Теперь и жизнь и смерть, и тронъ и изгнаніе имѣютъ въ глазахъ его одинакую цѣну; онъ созывалъ своихъ Кардиналовъ, и благословляя ихъ говорилъ, что каждому даетъ свободу оставить его и удалиться; но всѣ единодушно рѣшились не покидать своего Пастыря, и Пій VII, въ присутствіи сего священнаго Совѣта, написалъ свое завѣщаніе; кажется, что онъ предсказываетъ себѣ какой-нибудь нещастный жребій; но должно думать, что онъ обманется, и не будетъ имѣть печальной судьбы своего предшественника, почти лишеннаго погребенія; хотя всего вѣроятнѣе, что его принудятъ сложить съ себя священную тіару Петрова Намѣстника, и что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ существованія Папской власти. — Здѣсь все погружено въ мрачное уныніе, пишутъ

изъ Рима; всякой ужасается будущаго, и видитъ надъ собою мстительную руку разгнѣваннаго Божества; всѣ говорятъ: „Небесное наказанїе насъ постигло! Небесное правосудїе произнесло приговоръ свой; вселенная должна измѣниться!“

*

Извѣстїя изъ Турцїи противорѣчатъ одно другому: съ одной стороны увѣряютъ, что перемирїе, которому срокъ въ Апрѣлѣ, продолжится еще на нѣсколько времени, естьли Порта откроетъ свободный пропускъ союзнымъ войскамъ, которымъ назначено дѣйствовать въ Остиндїи: въ самой вещи все показываетъ расположенїе къ миру; пограничные Австрїйскїе полки (Кроаты и Пандуры), которымъ надлежало составлять оборонительный кордонъ противъ Турокъ, распущены; всѣ чужестранные солдаты (Валлахи, Албанцы и другїе) выходятъ изъ Сербской армїи, которая теперь составлена только изъ 30,000 человѣкъ; самъ Черный Георгъ находится въ Вѣнѣ. Съ другой стороны слышно, что въ Турцїи происходитъ страшное вооруженїе на сушѣ и на землѣ; что изъ Серальскаго сокровища берутъ большїя суммы денегъ, и что наконецъ Султанъ Мустафа, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыхъ боится Диванъ, будетъ самъ, по примѣру своихъ

предковъ, предводительствовать Турецкимъ войскомъ.

*

Французскій корпусъ, подъ начальствомъ Маршала Монсея, занялъ Барцелону и всю провинцію Каталонію, которая, утверждаютъ, будетъ уступлена Французамъ, отдающимъ съ своей стороны Испанскому Королю Португалліи. Въ Валладолидѣ все готовится къ принятію Наполеона; самъ Король Испанскій прибудетъ сюда въ скоромъ времени. — Испанскія войска, находившіяся въ Гамбургѣ, двинулись къ берегамъ Балтійскаго моря: думаютъ, что между Альтоною и Гамбургомъ разположится корпусъ Французовъ, для подкрѣпленія того войска, которое переправилось уже на островъ Зеландъ.

*

Прусскій Поручикъ *Грибенъ*, о которомъ сказано было въ однихъ Нѣмецкихъ публичныхъ листахъ, что онъ пьяница, вызывается заплатить 1000 рейхсталеровъ тому, кто можетъ доказать, что видѣлъ гдѣ нибудь его пьянаго: я дѣлаю это, говоритъ онъ, единственно для того, чтобы короче *узнать самаго себя*. — Недавно явился одинъ изъ Прусскихъ *патріотовъ* къ Французскому Коммендантту Штеттинской крѣпости, и брался указать ему то мѣсто, въ которомъ сокрыто было великое количе-

ство казеннаго строеваго лѣса. „Не трудитесь, отвѣчалъ ему Коммендантъ: этотъ лѣсъ пригодится со временемъ для висѣлицы, на которой не худо бы было висѣть такому достойному человѣку, какъ вы.“

15 *Апрѣля.*

КОНЕЦЪ XXXVIII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

МАРТЪ, No 5.

Стран.

I. Отрывки изъ новыхъ записокъ Гжи. Жанлисъ. - - 3
II. Къ неизвѣстной пѣвицѣ. - 13
III. Письмо къ Издателю. - - 18
IV. Лафатеръ. - - - 23
V. О изгнаніи. (Сочиненіе Генерала Моро.) - - - 34
VI. Путь развратнаго. - - 42
VII. Феллаги. - - - 63
VIII. Князь мира. - - - 68
IX. Извѣстія. - - - 74

Стран.

МАРТЪ, No 6.

I. О дружбѣ. - - - 87
II. Неизъяснимое произшествіе. - 94
III. Посланіе къ А. Н. В. - 113
IV. Ощипанный пѣтухъ. Басня. - —
V. Ожесточенный. - 119
VI. Нордъ-Капъ, или Сѣверный мысъ. 138
VII. Новая фабрика дурной и хорошей погоды. - - 145
VIII. Взглядъ на Бискайю, Астурію и Галлицію. - - - 152
IX. Извѣстія. - - - 160

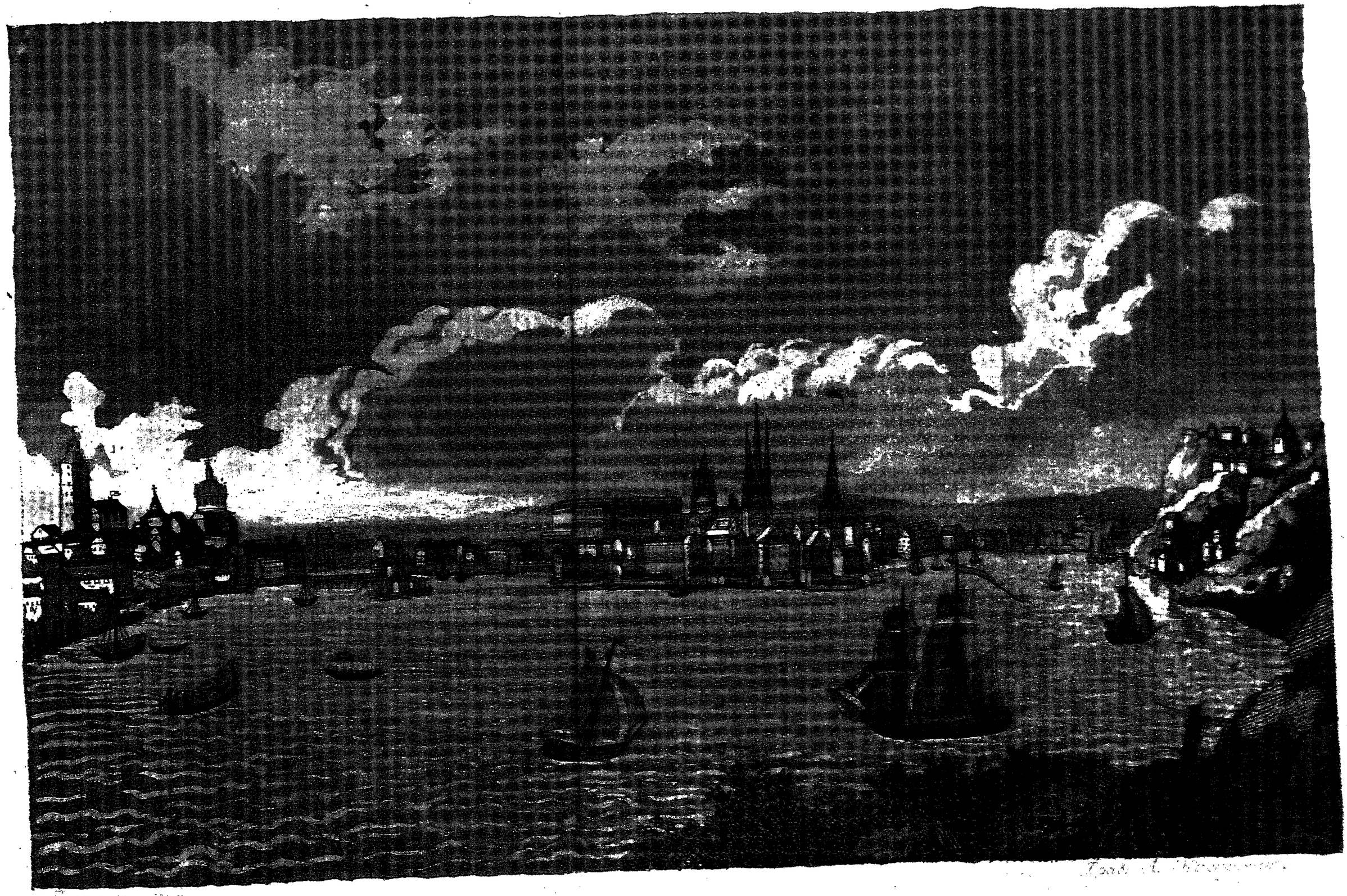
АПРѢЛЬ, No 7.

I. Ожесточенный. (окончаніе) - 173
II. О выгодахъ славы. - - 192
III. Отрывокъ изъ Альцесты, Эврипидовой Трагедіи. - - 197
IV. Два письма Рускаго путешественника. - - - 206
V. Улиссъ у Алькиноя. - - 223
VI. Письмо о Копенгагенѣ, писанное въ Іюлѣ, 1807. - - 230
VII. Извѣстія. - - - 243

Стран.

АПРѢЛЬ, No 8.

I. О скупости. - - 261
II. Къ Нинѣ. - - - 272
III. Стихи, сочиненные для Альбома М. В. П. - - - 273
IV. Госпожа Коттень. - - 276
V. Олинтъ и Софронія. - 279
VI. Двѣ Оды изъ Горація. - 293
VII. Къ К. В. Д. В — ой, которая выучила наизусть и читала мнѣ стихи мои къ И. В. Л — ну. 295
VIII. Пальмеръ. - - - —
IX. Второе супружество. - - 298
X. Странный процессъ. - 300
XI. Фридрихъ Великій въ Страсбургѣ. 306
XII. Отрывокъ надгробной рѣчи. - 311
XIII. Штокгольмъ. - - 314
XIV. О Римѣ и древнемъ Лаціумѣ. 317
XV. Извѣстія. - - - 325



Штокгольмъ